ДЕМ МИХАЙЛОВ

ИНФЕР 5

Улыбнись бване, гоблин!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Гоблин Оди сделал все, чтобы попасть на затерянный в океане мятежный Формоз – вышедшее из-под контроля глобальное убежище. А когда план сорвался… Оди без раздумий пошел на авантюру – что угодно, лишь бы добраться до цели, доказав, что при…

- Дем Михайлов
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая

Дем Михайлов
Инфер-5

Глава первая

– Я тебе кадык выгрызу, сука! Я тебе кадык выгрызу! – пронзительный визг перемежался с глухой возней, мужским сопением, чьим-то злорадным хохотом, перемежаемым хриплым кашлем. С той же стороны долетали теплые брызги…

– Кто я такой? – повторил я возможно уже в тысячный раз, чувствуя, как где-то прямо за костяным щитком лба, внутри черепа что-то набухает, причиняя сильную и почему-то желанную боль – Кто я такой?

– Да уймите этого размороженного дебила! Мешает!

– Отпусти меня! Я не дамся! Не дамся!

– Лежи молча, уродина! Радуйся, что мы наши херы в тебе искупаем!

– Отпустите!

– Кто я такой?

Пошатнувшись, уперевшись рукой в песок, я силой сжал пальцы, ощутив, как острые осколки битых ракушек разрезают кожу. Внутрь тут же попала морская соль и я улыбнулся, с наслаждением ощущая такую злобную и такую очищающую боль…

– Кто я такой?!

– Заткнись!

– У меня от его бубнежа удило опало… и как теперь трахать, если мой гордый морской угорь заснул? – огорченно выдохнул хриплый – И так нечасто встает… Зиро! Врежь ему, мальчик мой! Врежь ушлепку!

– Да, папа Гольдер!

– Кто я такой?! – прохрипел я, сквозь кровавую пелену и раскалывающую голову боль начиная видеть что-то смутное… некий знакомый силуэт…

Удар…

Мотнув головой, я завалился на бок, на автомате перекатился и опять замер, сжимая в кулаках соленый песок.

– Кто я такой?!

– Хера у него мышцы… а мозгов нет… Ну?! Че пялишься? Врежь ему еще!

– Он утек от второго удара… утек от моей коронки… и легко так…

– Кто я такой?!

– А дерьмо китовое! Бей его, Зиро! Его же все бьют! А он принимает как подушка! Ну?! Врежь! А после этой уродливой конфетки побалуем свои херы мускулистой жопой этого

непочатого…

– Ща вломлю… – уже куда уверенней заявил шагнувший ко мне сбоку широкоплечий, но тощий и мосластый парень с удивительно крупными кулаками.

– КТО Я СУКА ТАКОЙ?! КТО Я СУКА ТАКОЙ?! А?! А?!

– Н-на!…

Темный кровавый кокон вокруг меня лопнул, опав вниз красными брызгами.

– Оди… – выдохнул я, вскидывая руку, ловя и резко выворачивая пойманное – Я Оди…

– А-А-А-А-А-А!

– Гоблин Оди…

– А-А-А-А-А-А!

– Помогите ему! Помогите! Он же руку ему сейчас выло…

Хруст… я со злобным радостным оскалом вывернул сильнее, доламывая локтевой сустав. Резко встав, дернул искалеченную руку за собой, заставляя ее обладателя подняться с колен, на которые он упал.

– Я Оди…

– Отпусти! ОТПУСТИ МОЮ РУКУ!

Шагнув назад, резким рывком вверх и назад я вывернул ему руку из плечевого сустава.

– А-А-А-КХ…

Выпучив глаза, он опять упал, не сумев выдавить ни слова из пережатой его же переломанной вывернутой рукой собственной глотки. Натягивая мясную хрустящую херню посильнее, поверх его мелко трясущейся башки я с интересом взглянул на хриплого.

Папа Гольдер… изумленный старик продолжал сидеть на старом деревянном ящике. Даже позу свою сохранил гордую – спина выпрямлена, ляжки раздвинуты, вниз свисает тот самый опавший хер, прильнувший к доскам ящика и совсем не похожий на гордого морского угря.

Еще двое держали на песке замершую голую девку, имеющую из одежды лишь обрывки веревки на руках и ногах. Веревки на руках уже привязаны к вбитым в песок кольям. Ноги пока свободны, но на них сидят похожие друг на друга дочерна загорелые крепыши со странно короткими толстыми шеями. Мускулистые руки вызывают уважение – у кого-нибудь, но только не у меня.

Сорвав с пояса умирающего Зиро заплетенный в конец веревки достаточно солидный морской голыш с торчащими с одной стороны плоскими шипами, я без замаха метнул от бедра и… сидящий на ящике папа Гольдер мелко задергался, с диким воем хлопая себя по ляжкам и не сводя глаз с расплющенного

камнем и пробитого шипами «морского угря».

– Ну чтобы не шипел – пояснил я с доброй улыбкой.

– А-А-А-А-А!

Толкнув Зиро вперед, я прыгнул следом, приземлившись пяткой ему на горло. Следующий прыжок опустил меня рядом с ящиком-троном, украшенным старческим пришпиленным членом. Выхватив из песка нож – старик как раз за ним тянулся – я полоснул и отпрыгнул.

– А… – сказал папа Гольдер, подпрыгивая, на проснувшихся инстинктах отскакивая и вдруг понимая, что ничто больше не крепит его к старому деревянному ящику.

– Я гоблин Оди – счастливо улыбнулся я палящему солнцу и крутнул в пальцах нож.

Через секунду два крепыша уже убегали. Первый получил брошенный нож под левую лопатку и рухнул. Второй, прыгнув в сторону, развернулся и с яростным воплем побежал на меня, занося короткую шипованную дубинку. Как же сука знакомо… Я метнул навстречу бегуну подарок. Запнувшись, он рухнул на колени, прижимая к лицу пальцы. Помимо боли его лицо выражало изумление – он нащупал на своем пробитом лбу обмякший окровавленный член, приколоченный камнем…

– Да у меня во лбу торчит папы Гольдера хер… – пробулькал он…

– Да – согласился я, перерезая ему глотку подобранным осколком большой раковины – Да…

Не обращая внимания на бьющееся булькающее тело, я взглянул на привязанную к кольям девку, что успела задрать ноги, странным образом перекувыркнуться и показав солнцу жопу с широко раздвинутыми в победном жесте ногами.

– Че празднуешь, сука?

– Ой… ой… – завизжала дура и наконец-то перевалилась дальше, упав ничком.

Дернув плечами, я в бешенстве зашипел – спина оказалась сплошной раной, судя по ощущениям. И я только что вспомнил кто это сделал со мной… Повернув голову – шея тут же отозвалась огненной вспышкой – я обнаружил, что на правом плече кожи вообще нет. Стоило увидеть – и сразу вспомнил того, кто это сделал со мной. Вспомнил не только тяжелый кожаный кнут, но и того ублюдка, что им размахивал – фурир Нашхор.

Фурир сука Нашхор…

– Я-я-я… – проблеял сидящий на корточках старик, чья кожа белела с той же скоростью, с какой в песок уходила вытекающая из раны кровь – Я-я-я…

– Мусор Формоза – повторил я, вбивая ему край ракушечного

осколка в глаз – Мусор Формоза…

Развязавшая один узел зубами, второй кол девка сумела вырвать и, держа его в руках как оружие, медленно пятилась от меня, старательно рыча и кривя разодранные в кровь губы.

– Не подходи ко мне! Кадык выгрызу! Всем вам ублюдкам!

– Хочешь отомстить? – я глянул на нее чуть внимательней.

– Пошел ты! – развернувшись, она бросилась прочь, чтобы остановиться через десять шагов и проорать – Ты сумасшедший! Ты псих! – после чего побежала дальше и уже метров за тридцать от меня, крикнула последний раз – Спасибо! Я буду молчать пока меня не ударят!

– Пошла ты – пробормотал я, вытаскивая нож из-под лопатки дохлого крепыша.

Вернувшись к ящику с пятном крови там, где, отрезая угря от дебила прошлось лезвие ножа, я подобрал с песка плохонькую сумку на хорошем длинном и широком кожаном ремне. За ящиком обнаружилась бутылка с мутной водой. Бросив все в сам ящик, я оттащил его и оставил у самого прибоя. С одним лишь ножом зайдя в воду по плечи, я присел и позволил океану ошпарить себя солевым жгучим ударом. Скрежетнув зубами, вскрыл вздувшийся на ободранном плече здоровенный гнойник. Привстав, оглядел себя и нашел еще четыре уродливые шишки. Разрезав каждую, не обращая внимания на боль, расширил разрезы и хорошенько промыл все от гноя. В последнем вздутии обнаружилась жирная белая личинка, что попыталась скрыться по отошедшей кожей, но я поймал и отшвырнул гадину. Ощупав голову – я оказался острижен почти налысо – убедился, что там ничего кроме ссадин нет. Отодрав с себя всю грязь, выбрался из воды и оглядел себя уже на предмет имущества.

Трусы… на мне только мокрые огромные трусы, что достигали почти колен и выглядели серой тряпкой с едва различимыми выцветшими синими цветочками. Несколько заплаток отчетливо заявляли, что до меня этой тряпкой прикрыли свои чресла как минимум несколько поколений гоблинов…

Задрав голову, я, глядя в почти белое раскаленное небо, засмеялся. Вот дерьмо…

Зато номер остался и шрамы все на месте. А вот с кожей дело плохо – помимо ран я еще и жестоко обгорел. Каждый сантиметр тела зудел и ныл, мне срочно требовалось хотя бы десяток литров пресной воды и какую-нибудь светлую тряпку, чтобы прикрыться.

Не став забиваться в скудную тень, я огляделся и направился вдоль берега к смутно знакомым очертанием странноватой конструкции. Стоило ее увидеть и я вспомнил – это МОПК. Малый опреснитель Кловерсона. Эта хрень с трубой уходящей в

океан находится в центре рабочего лагеря Сорокушка – сборище тентов, палаток и редких хижин с еще более редкими пальмами примерно в ста метрах от берега. Лагерь огорожен сетчатым высоким забором, что служит защитой от различных местных тварей, обитающих на побережье Зоны 40.

Зона 40…

Точно…

Я машинально кивнул, радуясь еще одному воспоминанию. Сколько дней прошло? Я мало что помнил, но знал, что прошло не так уж много времени, максимум неделя, с того памятного разговора с Управляющей Франциском II системой Камальдулой. Тогда Управляющая предложила мне крайне рискованный план по внедрению в замкнутый и проклятый карантинный мир Формоз. И я согласился…

Воспоминания возвращаться не хотели, и я знал почему – чтобы попасть сюда, я прошел через процедуру временной блокировки памяти плюс меня накачали долгоиграющей смесью транквилизаторов и еще чего-то для почти полного убавления эмоций и понижения умственной активности.

Да…

Камальдула пояснила, что временная блокировка воспоминаний настроена таким образом, чтобы блокада могла быть разрушена только моим собственными эмоциями. Бурная радость. Кипящая ярость. Бешеная злоба. Думаю, я справился последними двумя способами – ярость и злоба стали тем молотом, что выбил ментальную заслонку у меня в башке.

Вся эта хрень в свою очередь была нужна, чтобы я мог успешно пройти тестирование на стирание памяти – после того, как контейнер с нашими тушами был разморожен. В чем заключалось машинное тестирование я не знал, но раз я здесь – все получилось. Хотя память могла бы вернуться и пораньше – с транквилизаторами перемудрили.

Несмотря на покрывающие меня раны, я уже успел убедиться, что все конечности мои родные, ничего не добавлено и не убавлено. Еще гляну в зеркало, на ощупь морда та же самая. Хотя на морду посрать – главное руки и ноги на месте. Я могу действовать. Я могу убивать. А убивать придется… особенно сегодня – в их веселый долбанный праздник.

Присосавшись к бутылке с водой, я выпил половину, а остальное вылил на макушку, смывая разъедающуюся раны соль. Побрызгав и в глаза, проморгался, частично вернув остроту зрения. Глянув вперед, убедился, что до Сорокушки осталось шагов двести, а навстречу мне уже бегут радостные встречающие…

Глянув на трех спешащих загорелых хренососов, я подбросил на ладони нож. Заточенная полоса стали длиной в мою ладонь, а к ней прилагается не слишком удобная для хвата деревянная ручка. На ней несколько стертых и срезанных имен – предыдущие владельцы? Последнее имя читается четко – Гольдер.

– Гольдер – хмыкнул я, дергая головой в сторону и пропуская рядом с ухом пущенный мне в лоб шипастый камень с веревочным хвостом – Сука Гольдер…

Второй камень прошел далеко в стороне, от третьего я опять уклонился, продолжая двигаться вперед, чем сильно удивил бухих ушлепков. От полетевшего навстречу удара ноги я даже уклоняться не стал – подбил грязную пятку вверх, роняя дебила на спину. Пройдя мимо, я с готовностью шагнул в объятия чернобородого лысого здоровяка, уйдя от тесака в его лапе и вбив свой нож ему меж ребер. Подхватив выпавший тесак, крутнулся, снося голову третьему и поспешно отпрыгнул, не желая пачкаться в хлынувшей крови. Пока двуногий фонтан покачивался и прыскал все слабеющей кровью, я шагнул к пока живому, успевшему подняться с песка. Он поспешно выставил перед собой руки:

– Погоди! Мне сказали, и я пошел! Погоди! Мир?! Мир?!

Удар тесаком лишил его обеих рук.

– Ладно – кивнул я – Мир…

– А-А-А-А… – перейдя на тонкий вой, он помчался в сторону лагеря.

Бежал он недолго – убедившись, что с убитых забирать нечего, я прихватил только тесак, вытащил свой нож и догнал безрукого бегуна уже через сорок шагов, оставив его лежать на испещренном следами песчаном вздутии.

– Дотащи… – стекленеющие глаза неотрывно смотрели на грязные палатки впереди – Дотащи, сука…

– Ага – зевнул я, ускоряя шаг. Припекало…

Долбанный праздник…

– До…

Выметнувшийся из моря упырок подхватил умирающего шипастыми граблями и задом вернулся в прибой, оставив на песке пятна крови и дырчатые следы своих восьми крабовых лап. Почти человеческая, безволосая и будто оплывшая голова с торчащими из глазниц толстыми стебельками свисающих на щеки глаз повернулась ко мне, перед тем как уйти в воду:

– Зачтется за мясо…

– Ага – повторил я, бросая взгляд через плечо и убеждаясь, что предыдущие оставленные мной трупы уже исчезли в воде.

Подводная прибрежная живность тоже радовалась кровавому

ежемесячному празднику Смакендритт. Хотя сегодня их радость была куда сильнее – вроде как слышал я день или два назад, пребывая в своем сомнамбулическом коматозе, что во время этого праздника обычно вообще ничего не происходит. Максимум пара изнасилований, несколько драк и редко, очень редко потеря кем-нибудь конечности, что торжественно швыряется на мелководье. Гибели случаются еще реже – раз шесть в год, что для такого крупного лагеря просто несерьезно. Прибрежные мутанты огорчаются…

Смакендритт…

День Свободы.

День Ответственности.

Они сука совсем охренели.

Раз в месяц всем здешним работягам, всем сборщикам и рыбакам давался день безнадзорности. Надсмотрщики нихрена не делали, предаваясь с утра возлияниям и готовясь закрывать глаза на всякие мелкие по их понятиям бесчинства: редкие изнасилования и драки. Кражи, грабежи и прочее в список праздничных угощений не входили – за это карали на месте. Ну да… кусок мыла украсть нельзя, а силком трахнуть какую-нибудь давно уже желаемую девку – легко.

Лежа вчера на песке, застыв в холодном бреду пытающегося сбросить блокаду разума, я краем уха слушал испуганные разговоры сидящих и лежащих рядом рядовых гоблинов Зоны 40, что заранее готовились получать оплеухи от надсмотрщиковых прихвостней. Тогда же звучали громкие испуганные извинения – припомнив или выдумав за собой грехи, гоблины поспешно каялись перед обиженными, надеясь, что завтра все удастся решить миром.

Когда же забрезжил рассвет, в нашу условную клетку явились как раз прихвостни – почти ставший надсмотрщиком папа Гольдер с прочей отрыжкой. Они забрали ту девку и меня… а я послушно пошел, толком не реагируя на тычки и даже не задумываясь, на кой хер они меня потащили к той прибрежной дюне в нескольких сотнях метров от лагеря. Вот и выяснилось – позвали, потому что захотели умереть от моей руки.

Само собой, безнаказанности как бы и не было. Праздник заканчивался перед медленным закатом. Надсмотрщики ждали в центре лагеря, где к тому времени собирались все обитатели. Далее следовал ленивый призыв – лучше признайтесь сами. Если нам придется дознаваться самим – пожалеете. И начиналась комедия – насильники выходили вперед, каялись, что мол вкус сучьей свободы застил глаза и вздыбил член. Примерно то же самое говорили драчуны, что успели за этот день выместить всю

накопившиеся за месяц обиды, а заодно выплеснули беспричинную злобу.

Что делать тем, кто просто хочет относительно спокойно пережить этот день и не потерять последних зубов? Тут все просто. Не хочешь, чтобы тебя херачили – плати бухлом! Или жопой. Тут уж чем богат. И с чем готов расстаться.

Драк на самом деле было херова туча – судя по обрывкам запомненных мной пугливых разговоров их боялись больше всего…

Да…

Я вспомнил правильно. Набил кому-нить рожу – и каешься перед надсмотрщиками. Потом платишь им мзду. И вопрос закрыт. А что было чем платить – бьешь не всех подряд, а только тех, кто не может тебе заплатить бутылкой скверного самогона или связкой вяленой рыбы.

Смакендритт…

День, когда, оставшись без отеческой заботы надсмотрщиков, ты познаешь всю глубину дерьма… Ты проникаешься этим дерьмом до глубины в души и начинаешь отчетливо понимать для чего вообще нужны эти прекрасные защитники – надсмотрщики посланные с Двуглавой Башни дабы насаждать порядок и следить за производительностью…

Глянув влево, я секунд пять задумчиво пялился на охренеть какую уродливую постройку, воткнутую в воду в ста с небольшим метрах от берега. Затем еще с полминуты я медленно скользил взглядом по тросам и стальным колоннам воздушной транспортной линии – обычная канатная дорога с кабинками. Единственный путь из Зоны 40.

В Зоне все было организовано предельно просто. В двух рабочих лагерях, расположенных на максимальном удалении друг от друга – Сорокушка и Малая Сорокушка, трахните кто-нибудь фантазию нарекавших – живут те, кого именуют мусором Формоза или же сборщиками. Обычные гоблины. Каждый день они выходят на долгие рабочие смены, выращивая, собирая, рыбача, рубя и грузя все на одну из двух плоскодонных барж. По одной такой барже на каждый лагерь. Когда звучал двойной протяжный гонг, рабочая смена заканчивалась, а баржи отходили от пирсов и двигались к Двуглавой Башне, она же Двузубая, она же Вилка. Добравшись до подножия Вилки баржи разгружались и оставались там до рассвета, вместе с которым возвращались к берегу. Такой вот замкнутый круг каждый день – за исключением одного дня в месяце. Смакендритт. Он же единственный выходной для всех здешних рабов.

Рабы… неофициально… Если не захочешь работать – силком

тебя никто не заставит. Права не имеют до тех пор, пока ты вступаешь в ту или иную бригаду на уговоренный срок. И вот тогда с тебя три шкуры спустят – чтобы работал быстрее, и чтобы надсмотрщикам было веселее. Если отказываешься работать – делай что хочешь. Более того – ты даже можешь самостоятельно охотиться и собирать съестное на мелководье или в редких кустах у внешней границы Зоны 40. Главное не делать запасы – что собрал то и съел. Не больше. За этим строго следят такие знакомые и такие чужие ярко-красные полусферы наблюдения. В карманы жратву пихать нельзя. Нашел рыбу – пожарил и сожрал.

Но проблема не в жратве. Проблема в воде. За каждый отработанный день ты получал официальную плату – пять литров пресной воды. Плюс еще двадцать литров относительно пресной, но не пригодной для питья воды – для мытья в одном из многочисленных душей. Так что хочешь ты или нет, но в этом адском пекле нельзя не работать на Вилку – иначе просто сдохнешь от обезвоживания. А тут еще и бонусы вроде какие-то есть в виде дополнительных поощрительных литров воды – для питья и мытья. Так что паши, гоблин, паши…

Что еще?

Длину Зоны 40 не знаю – не услышал и сам не видел. Но она именно тянется вдоль побережья, гранича с тридцать девятой и сорок первой зонами. Все границы отчетливо видны – стальные колонны с алыми полусферами служат надежными ориентирами. Подойдешь слишком близко – предупредительный выстрел. Еще хоть полшага вперед – следующая игла или пуля прилет в тупую башку. Многие старики тут так уходят в небо…

В ширину Зона 40 что-то около двух километров. Но надо проверить. Прямо по центру территории стоит Вилка. И нам повезло лицезреть эту уродливую постройку – на башню-коллектора работает не только наша, но еще пять зон населенных сборщиков. А Вилка работает на кого-то еще, каждую ночь отправляя по канатке грузы с продовольствием и прочими дарами собранными в подконтрольных ей зонах.

Ну…

Я удовлетворённо кивнул – пусть голова почти и не работала, но я запомнил достаточно, чтобы начать ориентироваться в здешних реалиях.

Что там говорили про те случаи, когда надсмотрщики оставались недовольны объяснениями чрезмерно зарвавшихся и наделавших кровавых дел работяг?

Ах да…

Надсмотрщики могли потребовать с наглецом боя – один на один.

Надо же как страшно…

Оскалившись, я чуть ускорился, держа взглядом малый опреснитель в центре почти достигнутого лагеря. В десятке метров от меня дрались две девки, таская друг дружку за волосы, деря когтями лица и пронзительно визжа. За зрелищем наблюдал пяток зевающих работяг, передающих по кругу бутылку с самогоном. Поискав, не нашел среди них знакомых рож.

Да… вымыться, напиться, подлечиться, зарезать пару ушлепков, что так сильно любят махать кнутами, а затем можно задуматься над поисками тех из своих гоблинов, кто был заброшен сюда тем же путем.

Смакендритт…

Люблю я эти праздники безнаказанности…

* * *

Рабочий лагерь, это пыльный жаркий вонючий городок с пахнущими родиной выгребными ямами на окраинах, попросту не заметил моего возвращения. Даже бухающие в тени косо натянутой дырявой паутины надсмотрщики лишь глянули косо и отвернулись. Они видели меня раньше. Видели как меня херачили кнутом, а я реагировал как истыканная жестокими детскими пальцами медуза на песке – вяло. Сам мой вид – истерзанная обожженная кожа, обветренное щетинистое лицо – говорили за себя, громко называя меня дебилом-неудачником. Это позволило мне свободно войти через гостеприимно распахнутые сетчатые ворота и пронести прикрытый телом тесак. Нож висел на ремне сумки – там отыскались для него ножны. Покойный папа Гольдер был из приближенных к счастливчикам с кнутом и поэтому оружие – само собой только и только для самозащиты, бвана – носил открыто.

По рваной недавней памяти сориентировавшись, я вошел в затененную тканевыми стенами и пологами, а стало быть, «сумрачную» улочку между палатками. Не обращая внимания на чужие взгляды, избегая задевать больной спиной и плечами любые предметы и тела, я прошелся этим уродливым воняющим потом и дерьмом переулком, снова выйдя на солнечную централку. По пути содрал с веревке совсем уж рванье, что даже от солнца прикрыть не может и закутал в него тесак, а свертком прикрыл сумку и нож. Гоблин несет что-то и куда-то в праздник – значит, хочет это что-то продать и купить бухла. Мое внимание привлек дощатый прилавок с жратвой и вроде как выпивкой. Но затем я глянул чуть в сторону и широко улыбнулся – вот и оно…

дерьмо… прячется в тканевой продуваемой маленькой беседке, что скроет от зноя и чуток от чужих взглядов.

– Как ты, дерьмоед? – участливо спросил я, нависая над сидящим в тенечке у низенького столика знакомым ублюдком с висящим на поясе свернутым кнутом.

Фурир сука Нашхор…

Фурир – должность. Старший в малой бригаде сборщиков. Любитель помахать кнутом.

– Нехило ты мне спину исполосовал, членосос – заметил я, подхватывая стоящую на столике бутылку и допивая из нее пахнувший водорослями самогон – Заплатишь жизнью.

Надо отдать должное – фурир Нашхор умел отвечать на угрозы. Сначала его почти черное лицо осветила редкозубая насмешливая ухмылка. Затем он картинно повел плечами, без малейшей тревоги глянул на сверток у меня под рукой и… стукнул о край стола коротким стволом курносого револьвера. Сидящий рядом с ним мужик постарше и похлипше, проведя тыльной стороной ладони по потной шее и бородатому подбородку снизу вверх, смахнул брызги мне в лицо и пьяно заржал. Третий даже не отреагировал, предпочитая дремать под широкополой соломенной шляпой.

– Я тебе и жопу исполосую… – прохрипел Нашхор – Пьяным смелым и умным стал? Даже заговорил, отброс… Я научу тебя почтению!

Дернув правой рукой, собрав пальцы в кулак, я вызвал у него еще одну подначивающую усмешку. А вот мою левую руку он не увидел своим расфокусированным фронтальным зрением. Он глядел только на мой кулак и ждал повода нажать на спуск.

– Давай же, ремма… ты… – тут он услышал хрюканье и недовольно вскинул лицо, взглянув на захрюкавшего вдруг бородатого помощника. Глянул и осекся, увидев торчащий из его разинутого рта глубоко всаженный тесак со свисающей с рукояти рваной тряпкой – Коллор?… что это… ах ты… Бдан!

Он вскинул руку, зло оскалился мне в лицо и… ощутив внезапную легкость, опустил взгляд на свою почему-то пустую ладонь и дергающийся впустую указательный палец, пытающийся нащупать спусковой крючок. Он посмотрел еще ниже и увидел револьвер в моей руке.

– Кто ты такой? – тихо и трезво спросил он.

Больше он не произнес ни слова, уронив голову, обмякнув всем телом и упершись плечом в прогнувшуюся пластиковую стену соседней с беседкой постройки. Вырвав тесак, почти не глядя, я ударил еще раз. Третий умер, так и не очнувшись от пьяной дремы. Жаль было убивать так просто и быстро, но я

торопился – надо срочно вымыться и сожрать что-то от паразитов. Помню я то, что мне предлагали, а я покорно жрал… давно я не видел столько червей в хреново посоленной рыбе. Помимо червей там ползало что-то еще белковое и ногастое… вряд ли эта хрень нашла приют у меня в желудке, но не стоит рисковать и шутить с собственными кишками. Нахлобучив шляпу покойника – тут же зашипев от боли в ссадинах – я выгреб содержимое их карманов, сгреб со стола небольшую связку пробитых посередине квадратных монет и убрался прочь, на ходу пряча револьвер в сумку. Сунул бы за пояс, но трусы себя то не держали.

А ведь мне выдавали что-то другое… я смутно помню свой первый шаг в ослепляющую жаркую белизну, помню падение… я даже помню свое сдавленное мычание… и как сначала даже участливые голоса встречающих быстро становятся глумливыми и жадными… и у меня что-то забрали…

– У меня что-то забрали – улыбнулся я в лицо меднокожей крепкой бабище.

Она впечатляла всем – начиная от густой длинной гривы удивительно серых волос и кончая могучими накачанными ляжками. Из одежды на ней была лишь растянутая крепкими сиськами застиранная синяя футболка с красным крестом и свободные короткие шорты. В этой жаре от нее пахнуло цитрусовыми и медикаментами.

Опустив все свое новое имущество на разделяющий нас прилавок, я покосился на свисающий сверху красный «фрукт» полусферы наблюдения, запоздало вспомнив, что надо было проверить интерфейс и многое другое… Голова еще не включилась. Да и сам пока как жопой дебила ударенный – в голове каша, меня потряхивает и этот озноб говорит о воспалении или ином нехорошем процессе внутри тела.

– У тебя многое забрали, Влуп.

– Влуп? – переспросил я.

– Влуп – кивнула я.

– Кого ты Влупом назвала, су…

– Прежде чем оскорбить… подумай о лекарствах у меня под жопой. О лекарствах, что на полках так и останутся, не перейдя в твои вены…

– Влуп?

– Что в имени твоем? Обычная кликуха… как у всех здесь. Я Зорга.

– З… з… – скривился я – Я все время слышу имена на «З». Что за херня?

– Спустя год после рождения на этом славном берегу ты получаешь право сменить данное принимающими тебя имя. Я

была Клушкой. Стала Зоргой.

– Почему?

– Потому что правителей Вилки зовут Зилра и Зилрой. Близнецы…

– В той башне, да? – из-под полей башни я глянул в сторону океана, но уткнулся взглядом в развешанные на веревке трусы.

Вот так всегда – от цели отделяет чья-то постирушка…

– Верно. В той башне. И у нас считается круто, если твое имя начинается на ту же букву, что и у камерфуриров Зилры и Зилроя. Что тебе надо, Влуп? Зачем пришел?

– Оди – произнес я, заглядывая ей в глаза – Я Оди. Гоблин Оди.

– Гоблин? – фыркнула она, ничуть не устрашившись выражения моего лица – Смешно… Я нурса Зорга. Старшая нурса. Что тебе надо, самоназванный Оди, что еще не прожил целый год и вряд ли проживет…

– Лекарства.

– Какие? Дурью не торгуем.

– Которые нужны для всего этого – я указал на свои раны – Прямо сейчас. ЕЩЕ Воды для питья и мытья. Нормальную одежду. Нормальную жратву.

– У нас здесь не ночлежка, Оди. И бесплатного ничего не…

Я уронил на прилавок связку нанизанных на бечевку монет:

– Забирай. Хватит? Если надо – потом найду еще.

– Откуда у тебя столько песо, гоблин Оди? – с крайней задумчивостью поинтересовалась Зорга, смещая взгляд на завернутый в тряпки тесак и ремень сумки.

– Нашел.

– Слушай… забитые и обреченные вроде тебя бывает и срываются в праздник… творят разное… но ты же понимаешь – если ты натворил дел, то за тобой придут… Ты избил кого-то? Покалечил? Всякое случается от перегрева и унижений…

– Избил? – удивился я и поморщился от жжения в глазах – Ну что ты…

Подавшись вперед, упершись мускулистыми руками в заскрипевший прилавок, двухметровая женщина тихо пробормотала:

– Гоффурир Замрод.

– Кто?

– Гоффурир Замрод, дубина! Он из тех, кто подоброе. Если натворил дел – найди его прямо сейчас и упади в ноги. Покайся. Попроси его наказать тебя справедливо и пообещай отслужить жизнью за его доброту.

– Нахрена? – изумился я.

– Праздник скоро кончится, сборщик! Не понимаешь? Голова у тебя вроде проснулась – вон как заговорил. И зло ухмыляться научился. Крутая усмешка тебя от кнутов надсмотрщиков не защитит. А перед закатом они начнут разбираться в случившемся во время праздника. Найдут тебя и публично…

– Распнут? – предположил я и удивленно моргнул, когда Зорга испуганно отпрянула назад.

– Тихо, планк тупой! Не вздумай больше о таком говорить! Убьют!

– Да ну?

– Ты не мог знать – чуть успокоилась Зорга – Тебе не рассказали, как каждому из вылупленных черепашат. Ты же был не в себе. Поэтому и не усвоил главных правил. Запомни – никогда не произноси такое вслух! Про… вбивание гвоздей в руки и ноги…

– Распинание? Или как правильно сказать о том, как кого-то приколачивают к кресту и начинают пытать?

– Тихо!

– Слушай… старшая нурса Зорга… начинай меня лечить. Всем что есть. Заодно и поговорим. Или не нужны мои деньги?

Помедлив пару секунд, она пожала широченными плечами и подняла разделяющую нас широкую темную доску:

– Вон та койка в глубине. Но учти – зряшный перевод песо. Все равно тебя забичуют.

– Главное не распнут на кресте…

– Заткнись! Еще раз повторишь – и лечения не будет.

– Ладно – выдохнул я, снимая шляпу и вешая ее на торчащий из столба колышек – Лечи..

Стянув трусы, я медленно уселся на койку и замер, широко расставив ноги, уложив кисти выпрямленных рук на серую простыню. Ждать пришлось недолго.

– Открой глаза пошире и не моргай – велела нависшая надо мной старшая нурса – Глазные капли. У тебя даже зенки обожжены. Совсем тупой, раз на солнце пялишься?

– Я увидел твою огромную жирную жопу и меня аж ожгло…

– Как же ты разговорился наглый мелкий смертник… сегодня твой болтливый язык вырвут на центральной площади Сорокушки… и я увижу это…

Моргнув, я ощутил сбегающие по щекам химические слезы, а в глазах разлилась блаженная прохлада. Заставив меня снова открыть веки, нурса повторила прокапывание и отошла, чтобы вернуться со шлангом. Поднявшись и встав на бетонный пятачок со сливом – значит, сточные воды не бегут в океан, а уходят куда-то под пляж – я замер под несильными струями мутной воды, что

смыла с меня соль и остатки грязи.

– Ого… раз, два… три… четыре… ты сам разрезал вздутия?

– Ага.

– Судя по форме одна от личинки ковалькиса.

– Была такая. Белая.

– Что сделал с ней? Продал? Оттуда деньги?

– Выкинул.

– Что?

– Выкинул к херам. В океан.

– Ты придурок?! Она стоит тридцать песо маленькой! А если вырастить у себя под кожей почти до вылупления – можно продать старшим надсмотрщикам минимум за сотню! Хотя чем дольше растишь, тем больше шансов сдохнуть от токсинов, что она подает тебе в кровь… и последние дни ты скорее овощ, а не человек… Выкинул?!

– Хотел сожрать ради белка… но подумал, что она может быть ядовитой.

– Ты спас себя, кретин. Сожри ты личинку… умер бы в корчах… но умер бы на теплых волнах блаженства несущих тебя прямо в рай. Чтобы словить кайф от ковалькиса достаточно пары миллиграммов его внутренностей…

– Наркота…

– А ты выбросил. Я уж успокоилась – подумала, что вот так ты денег и добыл.

– Не – качнул я головой и взглянул на прикрытую трусами кожаную сумку папы Гольдера, лежащей у койки так, чтобы прикрыть револьвер, тесак и нож. Мне хватит двух секунд, чтобы дотянуться. Но тут можно не дергаться.

Стоя под струями прохладной воды, я продолжал оглядываться.

Лечебница находилась впритык к опреснителю. Прямо в центре лагеря. Она представляла собой огромный брезентовый шатер разделенный на десяток закутков с помощью тканевых стен. Несколько затянутых мелкой сеток окон обеспечивали вентиляцию и обзор. Внутри относительно прохладно, а по коже струится воздушный поток от трех медленно крутящихся под потолком вентиляторов. В шатре две красные полусферы – одна у входа, другая прямо по центру и не скрывает торчащих из нее стволов. Я углядел игольник и автоматный ствол. Ничего похожего не медблок я не углядел. Зато увидел стоящий в одном из закутков высокий металлический операционный стол, несколько запертых стальных шкафов, штабель контейнеров… в общем, это все можно было смело назвать полевым госпиталем без каких-либо вкраплений автоматики.

– Ты доктор?

– Я старшая нурса. Тут еще две девочки работают, но сегодня они болеют… – тихо улыбнулась Зорга, наливая на губку какое-то желеобразное зеленое вещество.

– Прямо разом заболели?

– Долбанный праздник. Поэтому девочки отсиживаются. Мы еще скинулись, чтобы оплатить пребывание здесь до вечера еще двух подруг. Сюда пьяные сборщики не сунутся – она указала глазами на красную полусферу между вентиляторами – А если сунутся…

– Ясно. А ты на работе?

– Верно. А доктор Зорвсон на выезде. Он трахает креветок.

– Попробуй еще раз пояснить… что делает доктор?

– Вправляет мозги сборщикам креветок на рифе Мулра. Это за Башней – дальше в океан. Они там и живут… дикари… Жрут дары моря, собирают креветок, отправляют в башню. И не лечатся из-за своих тупых верований… раз в месяц доктор отправляется к ним с парой младших надсмотрщиков. Лечит силком… вычищает раны, отрезает гангренозные пальцы… на рифе опасностей хватает. Что странно – как только там появляются новенькие, старожилы так быстро промывают им мозги, что уже через неделю никого в лечебницу не затащишь. А ведь им раз в месяц положены бесплатный осмотр и лечение…

– А здешним?

– Сборщики должны собирать. Если не ленишься и в хорошем контакте с фурирами – живешь припеваючи. Слушай… я тебя подлечу… и сходи ты к гоффуриру Замроду. Покайся. Ну избил ты кого-то… и что? Праздник же. У тебя есть оправдывающие причины – достаточно глянуть на твою спину…. Тебя кто так? Фурир Нашхор? И его дружки?

– Ага.

– Эти ублюдки любят тренировать удар на беззащитных… а ты ведь только мычал что-то и едва слова выговаривал… все равно не жилец… Но теперь, когда ты в себя пришел, твоя ценность резко выросла.

– Да что ты?

– Вон мышцы какие – сталь! Такой как ты может стать отличным работягой. Такие в каждой бригаде нужны. Ты главное, если сегодняшний день переживешь и все нормально будет, поговори с Нашхором. Скажи ему внятно, чтобы он больше к тебе не лез.

– Ага – кивнул я.

– Нашхор тот еще бдан… но я могу за тебя пару слов перед ним замолить. Бесплатно. Раз уж у тебя мозги ожили.

– Круто…

– Хочешь я его прямо сейчас позову? Он тут по соседству вроде как праздник отмечает…

Врезавшийся в прилавок короткобородый мужик поспешно заговорил, глотая слова от возбуждения:

– Зорга! Зорга! Там такое! Нашхора убили! И Зивса с Зовсом! Там же вальнули! Кровищи! А за лагерем, там на дюнах – пятна крови! Но никаких тел нет! Может их тангтары забрали?! И нигде нет папы Гольдера! И парни его пропали! Вот дерьмо, а?! Если мертвы – у нас куча трупов. Давно такого праздника не было!

Вывалив рвущуюся из него словесную бессвязную херню, он убежал разносить свою весть дальше. А я удивленно уставился на замершую надо мной с губкой старшую нурсу:

– А че не лечим?

Ей потребовалось несколько секунд, что переварить услышанное. И еще секунда, чтобы сделать вывод. Пропитанная лекарственной мазью губка морозной благодатью снова опустилась мне на плечи:

– Ты?

– Ну да – спокойно признал я.

– У Нашхора был револьвер с тремя патронами. Он хвастался.

– Как раз хотел глянуть на револьвер. Не против?

– Я тебе подлечу…

– Ага.

– И можешь стреляться.

– А че так?

– Ты придурок… Ты убил надсмотрщиков.

– Так сегодня праздник… – ухмыльнулся я, вспоминая, как умер долбанный Нашхор.

– Ты понимаешь кто они такие?

– Дохлые хренососы?

– Они власть! Система!

– Это не система – качнул я головой и поморщился от боли в шее, где судя по ощущениям не хватало изрядного лоскута кожи – Ты путаешь, нурса. Это системная отрыжка… блевотина, что скисла, запузырилась и решила, что ей дозволено все.

– Им дозволено все! Они власть в Сорокушке и вообще во всей Зоне! Над ними только Башня…

– Башня – повторил я – Башня в каждом из миров, да?

– О чем ты?

– Да так… продолжай пугать меня. От этого прохладней…

– Может ты все же сожрал ту личинку? И сидишь обдолбанный? Слышишь крики? Это по всему лагерю распространяются вести о случившемся. Праздник кончился. Но

до заката не тронут. То есть у тебя еще пара часов. А потом за тобой придут…

– И?

– И все… дальше у тебя только два варианта, Влуп.

– Оди…

– Да какая уже разница как тебя звали при жизни?

– А ты умеешь шутить – тихо рассмеялся я и от моего смеха она невольно вздрогнула, подалась неосознанно назад.

– Придурок…

– Ты говорила про два варианта.

– Первый самый простой – коллегиал фуриров..

– Че? Кто?

– Коллегиал надсмотрщиков… так уж называют этот вечерний послепраздничный сбор… Они соберутся и начнут выслушать обо всем, что случилось во время праздника Смакендритт. Ты знаешь, значение название?

– Вкус свободы?

– Смысл именно такой – кивнула Зорга – Но по сути это звучит как «Вкус дерьма». Почему? Потому что свобода – это дерьмо.

– Да ну?

– Да – убежденно кивнула девушка, пинцетом доставая из раны на плече грязь – Свобода – это анархия, анархия – это безответственность, неподотчетность и безнаказанность, что означает – дерьмо! Ведь если каждый будет делать что ему вздумается… убивать кого вздумается… это приведет к беде. Поэтому есть каста фуриров, поэтому есть Вилка, откуда следят за порядком в Зоне. Каждый получает работу и нормальную оплату. Каждый подчиняется, знает свое место и поэтому живет счастливо. А когда надоедает подчиняться – нам дают раз в месяц чуток побеситься – праздник Смакендритт. С утра до заката твори что хочешь. Получи свою свободу, планк. И поймешь – ну ее нахрен эту свободу! Пусть фуриры и дальше командуют – но заодно и защищают.

– Ты спрятала младших нурс в свой лазарет, Зорга – напомнил я.

– Это подтверждает мои слова! Свобода – дерьмо! Так фуриры доказывают каждой здешней бабе – без их присмотра ее будут насиловать по пять раз в день! Да у них кнуты и порой нерадивый получает свои удары. Но это ему на пользу! Зато если изнасилуешь – тебя забьют кнутами до смерти!

– А если трахнешь силком в праздник – можно откупиться бутылкой самогона, да?

– Ну…

– Херовая у вас тут житуха, нурса Зорга. Бойся праздника – трахнут! Так что там за два варианта?

– Если фуриры сочтут, что заотдыхавшийся сборщик перебрал со свободой, они назначат ему суровое наказание. Испытание голодом – самое маленькое из них. Тебе наденут специальный намордник и будут его снимать только три раза в день – чтобы дать выпить воды. Следующее по степени тяжести наказание – кнутом. Разрешено не больше тридцати ударов, но если ты хорошо владеешь кнутом, то…

– Этого хватит, чтобы забить насмерть или искалечить – кивнул я – Продолжай.

– Иногда эти два наказания назначают вместе. Десять ударов кнутом и три дня голода… Голод вообще больше пяти дней не назначают. И это самые легкие наказания. Дальше гораздо хуже. Например, наказание жаждой. Это почти самое страшное – на этом солнцепеке… А ведь надо работать, в теньке не отсидишься. Хорошо еще, что наказание жаждой не может длиться больше трех дней. Ну и последнее наказание – бойкот.

– А? Ты серьезно?

– Абсолютно.

– Со мной никто не будет разговаривать?

– Тебя никто не возьмет на работу – терпеливо пояснила Зорга, начиная обрабатывать раны у поясницы – Наклонись чуть вперед.

– А раз я не получу работу…

– Ты не получишь пресной воды. Любой, кто захочет тебе помочь хотя бы одним песо или просто глотком грязной воды, тут же станет врагом фуриров. Никто не рискнет.

– Ясно. То же самое, что наказание жаждой.

– Хуже! Ведь бойкот бессрочен! На самом деле тебя даже не наказывают. Глава коллегиалы фуриров демонстративно отворачивается от тебя и все… жизнь кончена! Общество отвергло тебя, планк! Рано или поздно ты умрешь от жажды. Но… до этого не дойдет… Бойкот страшен не жаждой, Оди. Бойкот страшен тем, что от тебя отвернулись фуриры. Ты больше не под их защитой…

– Вот теперь понял – кивнул я.

– Ты сам по себе… любой, кто хочет избить тебя в любой день и час – запросто сделает это и не понесет наказания. Бойкот это… это анафема!

– Как страшно…

– За убийство надсмотрщиков… тебя приговорят к самому страшному, Оди. На моей памяти только одному убийце фурира удалось избежать бойкота и другим наказанием. Тот парень был

говорлив и красноречив и сумел смягчить свою участь. Ему прописали тридцать ударов кнутом и три дня голода с жаждой. Он выжил. Но от перегрева и обезвоживания тронулся умом… иногда он проходит мимо с ртом полным соленых морских камушков… бедный парень… И последний вариант – если ты не согласен с праздничным приговором, ты всегда можешь бросить вызов коллегиалу. Бой насмерть, который должен начаться и завершиться до заката – до окончания праздника. Поэтому фуриры и собирают всех на площади еще до заката. Но… ты же понимаешь, что, если бросишь вызов, против тебя выйдет самый опытный из фуриров. Скорей всего это будет Тарантус. Он мастерски владеет тесаком и кнутом. Он убил уже многих. А еще Нашхор был его мужем… так что он будет очень рад, если ты бросишь ему вызов. Ведь бой всегда насмерть… Есть лишь один шанс выжить – протянуть поединок до короткой сирены – так нас оповещают, что праздник закончился.

– А если я завалю фурира?

– Смеешься?

– Аж сука взахлеб – заверил я – Если я завалю долбанного фурира… что тогда?

– Против тебя выйдет следующий! У тебя один шанс списать с себя все прегрешения – дотянуть до сирены! Даже если ты чудом справишься с одним – второй фурир тебя прикончит! Убьешь и второго – тебя одолеет третий. Ведь все устают. А ты и так изнурен ранами… спина – сплошное месиво. Тебе не выжить, Оди. Ты сделал большую глупость и тебе придется заплатить за это… Что скажешь?

– Мне бы чего-нить от глистов…

– Бдан! Уф… я трачу слова и эмоции… и лекарства… и все это впустую на тупой живой труп.

– Раз ты говорила, что поединки на тесаках и кнутах… огнестрел не катит?

– Револьвер?

– Да.

– Ни в коем случае! Тебя тут же расстреляют полусферы. Огнестрельное оружие нельзя применять против людей даже во время праздника!

– Тогда зачем оно вообще?

– Против хищников! Или морских тварей! Если из океана вдруг вылезет спятивший с голодухи тангтар и решит вырвать тебе кишки… Или из песка выскочит скатоид…

– И снова стреляют лишь в природу – буркнул я, откидывая барабан револьвера и вытряхивая на ладонь патроны.

– Можешь подарить револьвер мне… тебе он все равно не

пригодится. И если на суде не расскажешь, куда дел пушку Нашхора…

– Отвали.

– Зачем мертвецу револьвер?

Внимательно изучив натертые до блеска патроны, я оглядел револьвер и со вздохом принялся разбирать его – надо чистить.

– То есть носить огнестрел открыто – не проблема? Система не откроет огонь на поражение?

– Конечно нет! Владыка не убивает без причины!

– Владыка – процедил я – Вашу же мать…

– Не кощунствуй!

– Ладно… ладно… Зорга… ты очистила мое левое плечо от крови и грязи? Не хочу ворочать шеей…

– Конечно очистила. Хотя тебе так и так не светит умереть от заражения крови.

– Я не об этом. Там свежая татуировка. Три длинные строчки с цифрами и буквами. Продиктуй мне их.

– Что? – фыркнула Зорга.

– Три длинные строчки с цифрами и буквами – терпеливо повторил я – Продиктуй. Вслух. Губами.

– Ты бредишь, планк? У тебя нет татуировок на плече и по очень простой причине – у тебя там содрана вся кожа.

Шею я вывернул. Меня обожгла яростная боль, по коже потекла кровь, но свое левое плечо я увидел. И там, где была не сошедшая даже после купания корка запекшейся сукровицы, песка и гноя с торчащими лохмами еще не отмершей кожи, обнаружилась чистая рана – неглубокая, но обширная. Похоже, один из ударов кнутом пришелся вскользь, содрав целый лоскут… или тут следы от нескольких ударов?

– А что ты хотел? Сюда приходят без тату – заметила Зорга, по достоинству оценив мою перекошенную харю – Редко кто попадает со старыми тату – вроде как проскакивает чудом через фильтры. А у фуриров негласное правило сносить непонятные татуировки кнутами. Они найдут причину, чтобы стегануть именно по этому месту. Но сначала намекнут, что тебе лучше свести татуировку самому, а затем ознакомиться со списком вполне дозволенных накожных изображений и изречений.

– Я вашу мать!

– Там было что-то памятное?

– Сука!

– Точно что-то важное…

– Так… – пробормотал я, опуская голову – Так… вроде я помню… вроде не забыл…

Каждая строчка – номер загруженного найденным

Камальдулой сумрачным путем во внутренние системы Формоза. Все, что требуется от меня – добиться кое-чего не слишком сложного и при первой же представившейся как награда возможности ввести нужные цифры и буквы. Ладно еще третья строчка – там ничего живого. Там моя Гадюка и мини-арсенал на все случаи гоблинской жизни. А вот первые две строчки – коды доступа к контейнерам со свежезамороженными гоблинами… А запасов энергии для поддержания хладного сна всего на неделю максимум.

Сука!

Я ведь помню, да? Вот почему-то начал сомневаться только что… там ведь сначала восьмерка, а потом единица? Или наоборот?

И сколько дней я уже здесь нахожусь?

Вспомнив про интерфейс, поспешно ткнулся и… ничего… перед глазами не появилось ни единой зеленой строчки или даже буковки.

– Дерьмо! – прошипел я – Дерьмо!

– Что-то важное?

– Дерьмо!

– Погоди… а почему для тебя это так важно? У нас ведь стерта память… – вслух задумалась нурса, откладывая губку и берясь за обычный остро наточенный нож – Будет больно. Срежу лишнее мясо.

– Дерьмо!

– Нет серьезно… почему тебе так важны какие-то цифры и строчки? Это ведь прошлая жизнь, которую никогда не вернуть. Пусть то, что покоится во тьме там и остается.

Перед глазами разом возникло три замерших в темноте складских подземных помещений три стандартных контейнера, которые, не вызови их никто цифернобуквенной комбинацией, никогда не будут подхвачены бесстрастным манипулятором…

– Дерьмо! – уже не зашипел, а зарычал я, в то время как в побитую жизнью эмалированную миску один за другим падали окровавленные куски кожи и мяса.

– Реально ведь тебя били без жалости… в паре мест рассечено до кости. Не понимаю, почему заражение настолько несерьезное – свои кнуты надсмотрщики редко чистят.

– Уверен ли я? – пробормотал я – Хотя хрен с ним ошибкой… главное вспомнить верные комбинации… я помню все три?

– Уф! Вот ты тяжкий! Не можешь вспомнить сам – спроси Зирвеллу.

– Кого? Почему?

– Зирвелла конторист. Она лично встречает каждую кабинку

с новенькими. Записывает выданные им имена в своей толстой книге, туда же заносит все внешние приметы – рост, телосложение, пол, примерный возраст, шрамы, цвет глаз. Для отчетности. Туда же входит описание татуировок. А Зирвелла очень дотошная – наверняка записала каждую буковку и циферку.

– Сука! – оскалился я с шипением и нурса шарахнулась от меня:

– Ты чего?!

– Продолжай – выдохнул я, медленно успокаиваясь – Где мне найти эту долбанную Зирвеллу?

– В башне. Тебе туда не попасть. Разве что вызвать ее получится посланием через кого-то из команды на барже. Они передадут послание и обещание оплаты… Но это ведь странно! Ты потревожишь конториста чтобы узнать о чем было написано на твоем плече?

– Башня – повторил я – Зирвелла конторист. Команда башни. Описание в книге. Ладно… с меня причитается, Зорга.

– За что?

– За говорливость и приметливость. Чем отдать долг?

– Песо! Я не дура, чтобы ломаться и отказываться.

– Должен тебе столько же, сколько дал в первый раз.

– Ого… ты щедр для потенциального покойника. Забыл? Вот-вот за тобой явятся. Время до заката еще есть, но вряд ли они захотят упускать тебя из лагеря, чтобы потом ловить по всему лагерю.

– Ты про фуриров?

– Про маму твою! Конечно про фуриров!

– Это херня – буркнул я – Ты закончила?

– Пройдусь из спрея медицинским клеем и готово. Лекарство, что я нанесла, очень надежное. Проникает глубоко в ткани, ускоряет регенерацию. Я одного понять не могу – почему у тебя некоторые рубцы уже начали зарастать? Прошло ведь всего три дня.

– Три дня я здесь? – зацепился я, чувствуя, как на спине оседает тонкая пленка тут же начинающего застывать клея.

– Этот четвертый. Кнуты на вкус твоя спина начала пробовать с первого же дня. Говорю же – ты сразу не понравился фурирам. Они будто почувствовали что-то… Боюсь не отдашь ты мне должок, щедрый планк. Ты умрешь мусором Формоза… Но я все равно подарю тебе выстиранную рубаху сдохшего Зупса – надо беречь раны от солнечных лучей. И вот еще шорты… Твой долг растет.

– Я отдам – почти не обращая внимания на ее слова, произнес я.

Приняв металлический стаканчик с тремя разноцветными таблетками, опрокинул его в рот и запил чересчур сладким сиропом отдающим анисом.

– Мне бы воды. Хотя бы литр.

– Эй… начинаешь наглеть.

– Держи – я толкнул револьвер к нурсе и начал натягивать шорты – Мы в расчете за все?

– О да! В этом месте девушке надо быть вооруженной… Мне часто приходится ходить одной вдоль прибрежной линии… Уверен? Даже мозги себе вышибить не сможешь.

– Воду.

– Вот.

Приняв бутылку, я начал пить мелкими глотками и не остановился пока не выпил все до капли. Опустив пустую бутылку на столик, глянул на кровавые ошметки срезанного с меня мяса в эмалированной миске на полу, передернул плечами, чувствуя стеснение от застывшего клея и шагнул к выходу, на ходу подхватывая сумку и тесак.

– Бывай, нурса.

– Прощай – вздохнула мне вслед Зорга.

– Эй! Шармута! – от стойки заорал на нее плечистый здоровяк с отвислым надутым животом – Кому раны лечишь, сука?! А ты – сюда давай! – к моему горлу дернулась странная хрень вроде рогатки насаженной на длинное древко.

Легко отбив эту херню в сторону, я коротко ударил кулаком, почувствовав, как под костяшками продавилось и хрустнуло горло. Второй удар не понадобился – рухнув, здоровяк забился на утоптанной земле, пытаясь сделать хотя бы один вдох. Шагнув в сторону, я ушел от умелого, но недостаточно быстрого удара мачете, что тут же перекочевало мне в руку, а еще через секунду оказалось по рукоять засажено в живот заоравшего недоумка бросившегося бежать, но наткнувшего на столб и упавшего вместе с ним. Сверху рухнуло полотно тента, мгновенно окрасившееся красным. В прореху в крыше упало пятно солнечного света, что ярко осветило моего третьего противника – заверещавшую девку с кнутом и копьем.

Копьем!

Хотя кираса на ней меня ненадолго заинтересовала, пока я не понял, что для меня она будет слишком мала.

Я повесил ее на собственном кнуте, захлестнув второй конец на затрещавшей балке. Пока она еще дрыгалась, деловито осмотрел карманы ее штанов, горестно вздохнул, глянув на неплохие, но снова маленькие сандалии. Мне досталось несколько монет и странная расчерченная на квадратики

металлическая пластина. На части квадратиков были фигурные замысловатые отверстия. Почесав краем пластины покрытый мазью чешущийся лоб – забыл шляпу, а возвращаться влом – я обернулся к замершей за стойке старшей нурсе и, тяня за ногу повешенной, чтобы быстрее сдохла, спросил:

– А сами фуриры празднуют?

– Они на вечной страже. Праздников не имеют… официально…

– Сейчас они меня атаковали…

– Ты в стылой тени, Оди.

– Где? А… ты про сумрак? – понял я, убеждаясь, что первого фурира я убил «на свету», но он не пытался меня убить. Скорее он хотел сбить меня с ног и прижать к земле своей диковинной херней. Второй надсмотрщик бил уже тесаком, находясь в поле зрения полусферы, но она не успела бы вмешаться – я оказался быстрее. И тут скорей всего надсмотрщик просто лажанулся, не сдержав эмоции и подставившись под системные очи. А вот девка повела себя умнее – осталась в занавешенном коридоре и пыталась заманить к себе… но я вытянул ее за кнут и повесил, перед этим перебив локтем нос…

За спиной старшей нурсы появилось несколько потрясенных сонных девушек, прячущихся за ней как за стеной. Хмыкнув, я протянул руку, поймал пущенную как фрисби соломенную шляпу и, перехватив поудобней тесак, двинулся на шум. Что-то там орали про Замрода… Орали откуда с центра, где я уже успел заметить стальной столб с яркой красной полусферой. Значит, сразу меня со всех сторон не атакуют. Да вообще атаковать не смогут. Учитывая мое состояние и вооружение, мне выгодней находиться на свету, а не в стылой тени…

Стылой тени… выдумали же… дебилы…

Глава вторая

Радость для своих воспаленных закапанных глаз я обнаружил на потном черепе худющего ушлепка, что попытался убраться с моего пути, но запутался в собственных ногах-тростинках и рухнул, ударившись харей о песок и пустив зеленую слюну. С шорохом вбив в песок, я присел рядом и оперся на рукоять.

– Хорошие очки, упырок…

– Дарю…

– Дарить своей жопе будешь, гоблин. Покупаю.

Порывшись в кожаной сумке, обнаружил там недоеденный кусок соленого мяса, горсть стеклянных разноцветных шариков, сложенный пожелтелый лист бумаги и несколько монет. Их я и бросил в песок.

– Продано! – с нескрываемой радостью прохрипел тощий гоблин, жадно сцапывая деньги вместе с песком.

Поднявшись, он поковылял прочь, оставив на песке единственное свое имущество, не считая трусов – солнцезащитные треснутые очки в синей пластиковой оправе. Подцепив их за дужку, я отставил руку в сторону и замерший с бутылкой гоблин, сидевший на низенькой табуреточке, и собиравшийся промыть язву на левой голени, послушно вылил часть воды на мои новые очки, смывая стылый наркоманский пот. Тот доходяга с зеленой слюной по любому был торчком и оставалось ему немного. Промыв очки, нацепил их на переносицу и мир потемнел до приемлемой яркости. Дерьмо… до тех пор, пока обожженные глаза не заживут, мне все будет казаться невероятно ярким и ослепительным. Оставив в ног поделившегося водой кожаную сумку со всем содержимым кроме свернутого листа, я двинулся дальше по стремительно пустеющему передо мной проходу, на ходу разворачивая бумагу. На бумаге оказался достаточно длинный перечень имен и цифр. Хватило минуты, чтобы понять – это список должников Нашхора. Фраза-девиз в верхней части листа гласила «Либо деньгами – либо жопой! Им решать!». Странный язык… замысловатая вязь… но я понимал смысл, хотя и с некоторой задержкой.

Скомкав бумагу, я бросил ее на решетку тлеющего у небольшого прилавка гриля. Бумага тотчас вспыхнула на раскаленном металле.

– Вот ты где! А ну к ноге, планк!

Чуть качнувшись, я позволил кнуту надсмотрщика щелкнуть по воздуху, едва не задев выпученный глаз с запозданием упавшего на жопу владельца гриля. Перехватив кнут, резко

дернул на себя и жилистый длинноволосый бородатый парень с изумленным хеканьем рванулся вперед, смешно засеменив и пытаясь снова упереться в землю, одновременно сдирая с запястья петлю кнута. Дернув еще разок, я подался вперед, отбил удар ножом и вбил кулак ему в живот. Схватив скрючившегося придурка за волосы, я приподнял его чуть выше.

– Я и кнут – одно целое, да? – одобрительно кивнул я искаженному лицу, перед тем как прижать его к решетке жаровни.

– А-А-А-А-А!

Его руки уперлись в раскаленный гриль и тут же зашипели, он с диким воем попытался отодрать полыхающее лицо от решетки, но я давил сильнее, и парень замолотил ладонями по металлу, оставляя прилипшие куски дымящейся кожи. Выгадав момент, я отступил и рубанул. Тело рухнуло, плеснуло кровью на песок, пару раз дернулось и затихло. Голова осталась на решетке, окутанная пламенем и дымом.

– Не вздумай сожрать – я направил тесак на упавшего хозяина заведения.

– Смалахове – не мое, фурир – заверил он меня, робко приподнимая большие самодельные щипцы – Я уберу… и почищу решетку…

– Я гоблин. Гоблин Оди.

– Как скажешь, гоблин Оди – быстро сориентировался и слабо улыбнулся тот – Хочешь, зажарю тебе крысу? Убью и выпотрошу на твоих глазах. Бесплатно. Только не убивай…

Я двинулся дальше, не обращая внимания на замерших в палатках и под тентами здешних обитателей. На что смотреть? Смуглые, тощие, почти обнаженные, подыхающие от кожных болезней и грязи, всего боящиеся и тихонько скандирующие свой главный девиз: главное терпеть и жить тихо и спокойно, тихо и спокойно…

Шаг…

И я прямо почувствовал, как в меня уперся равнодушный системный взор. Огромная красная полусфера грозно нависала над центром квадратной площади огражденной низкой каменной стеной, что служила указующей границей докуда можно ляпать кривые палатки. Хотя здесь, у центра, «особняки» были побогаче – большой размер, пластиковые стены, кое-где даже подобие окон с усаженными насекомыми москитными сетками.

В центре площади, под стальной колонной и жопой полусферы, находился высокий дощатый помост, походящий на место заседаний и эшафот одновременно. Чуть в стороне пяток столов с лавками, прикрытых зонтами. Крохотные пятнышки

сумрака прямо под полусферой? Как раз, на помосте, рядом и у столов, находились те, кого я искал – пара десятков крепких вооруженных рыл, почти на каждом старая выцветшая бейсболка, солнцезащитные очки и шейный платок. Ну надо же… вот они – сливки здешнего общества. Фуриры…

Стоило мне выйти на солнечный свет и над площадью повисла напряженная тишина, что длилась недолго – от силы секунд десять. За это время я успел пройти треть небольшой площади, скользя равнодушным взглядом по лицам медленно стягивающегося к каменному периметру населения. На испуганных харях, забитых жизнью и кнутами гоблинов отчетливо читалось желание получить хотя бы немного развлекухи – и желательно с кровью, кишками и фонтанами размозженных мозгов.

– Что же ты натворил, планк? – яростно громыхнул властный голос.

Его обладатель обнаружился сразу – он высился на добрых две головы надо остальными. Средних лет, широкоплечий, в простой чистой серой футболке, черных штанах до колен, крепких ботинках с высокими носками. Кожаный ремень с закрытой на клапан кобурой. Белый шейный платок, черная бейсболка и очки с темно-желтыми линзами довершали облик фурира. Или я низковато взял?

– Замрод? – поинтересовался я – Гоффурир Замрод?

– Он самый.

– Хотел что-то? А то я тут праздную… – чуть наклонив голову, я с интересом взглянул на пухловатую девку сжимающую сразу два кнута. С моего тесака продолжала капать кровь обезглавленного, оставляя на песке темные пятна.

– Ты… – начал было Замрод, но вгляделся в меня чуть внимательней и… осекся, задумчиво провел ладонью по идеально выбритому подбородку.

– Тебе не жить! – прошипела пухлая, крепче сжимая кнуты – Ты зарезал Мурсика! Мы ждем… мы ждем… скоро я сдеру с тебя кожу и…

– Заткнись – тихо велел Замрод и девка захлопнула пасть, не договорив угрозу.

– Кто ты такой? – толпа вокруг гоффурира колыхнулась и начала раздаваться в стороны. Я увидел сети, рогатки на длинных древках… понятно… убивать празднующего они открыто не рискнут, а вот опутать его сетями и обездвижить…

Разумно.

И ясно, что поговорить не получится – для начала они решили поймать бесноватого. Запеленать в сети. А там уже можно

и решать. Но как дело не обернется – я все равно сдохну, предварительно пройдя через все порожденные их убогой фантазией пытки.

Ладно… ладно…

– Мы просто поговорим – с легкой улыбкой предложил Замрод, демонстративно показывая пустые руки.

Я коротко дернул рукой и один из «рыбаков», что по его тупому мнению умело подкрадывался ко мне сзади, поймал меж ребер брошенный нож, выронил сеть и упал. Парой быстрых шагов оказавшись рядом, я добил ушлепка, забрал нож, сеть и два связанных веревкой пластиковых шара, что вроде как были наполнены песком. Достаточно увесисто.

– Постой…

– Я вас всех вырежу – оскалился я, отступая обратно к палаткам – Всех до одного!

Крутнувшись, держа в ладони пластиковый шар – поплавок от сети? – я вбил его в лицо выскочившей из палатки суки. Она с хрипом рухнула, схватилась за промятую харю. Крутнув на веревке второй шар, я врезал им по хребту девки.

– А-А-А! Сука! Боло не так работает!

Ударом ноги сломав ей шею, я исчез в узком проходе, исчезая с глаз системы.

– Нет смысла бежать! – загремел Замрод – Ты лишь отсрочишь неизбежное! Я знаю, что ты отдал револьвер старшей нурсе. Глупо! Как теперь выстрелишь? Как убьешь на расстоянии?

Он, находясь в зоне видимости и слышимости системы, не стал говорить, что они-то как раз вооружены огнестрелом и скоро пристрелят меня. Но я суть уловил и с той же мрачной усмешкой ответил из-за палаток:

– Гоблин… ты забыл – я убиваю не сборщиков. Я убиваю фуриров…

– И что с того? Типа ты смелый и умелый?

– Нет… – отозвался я уже с другого места – Не поэтому…

– Отомсти за меня… за мою подругу забитую насмерть – шепотливой скороговоркой выдав эти слова, согбенная безногая старуха упала обратно за дырявый полог, оставив на песке длинный сверток.

Молча подхватив, на ходу развернул, глянул, переломил и заглянул внутрь. Старый двуствольный обрез с единственным патроном. Развернувшись, я поднял оружие и нажал на спуск. Облако дроби с готовностью искромсало лицо влетевшего в проход молодого гоблина с сетью. Звук выстрела пролетел над лагерем и затих. Подняв обрез над головой, я рявкнул:

– Я порешу всех долбанных сучьих фуриров! Каждого, кто

бичевал вас! Каждого!

– Откуда у него дробовик?!

– Я НЕ ВИЖУ! ГЛАЗА! МОИ ГЛАЗА! Я НЕ ВИЖУ! – лишившийся лица парень, натыкаясь на столбы, путаясь в тряпках, вывалился обратно на площадь – Я НИЧЕГО НЕ ВИЖУ! СУКА-А-А-А-А!

– Не захотели говорить – будете умирать! – крикнул я и, наугад выбрав маршрут, двинулся к самому тесному скоплению убогих пристанищ здешнего сброда.

Передо мной на песок упал одинокий винтовочный патрон, подхваченный на бегу.

– Левее! Сюда!

Брошенный тяжелый кастет не успел коснуться земли и через секунду уже был у меня на пальцах. Следующим я подобрал еще один патрон – двенадцатый калибр. Судя по маркировке – мелкая дробь. Ну и хрен с ним… с клацаньем проглотив патрон, обрез тут же выплюнул подарок – прямо в лицо следующего загонщика с сетью.

– А-А-А-А-А-А!

– Вот дерьмо! – послышался знакомый и уже не такой спокойный голос – Фуриры! Братья! Поймайте этого сумасшедшего! Вперед! Поймайте целым и невредимым – он явно нездоров…

Ну да… только что Замрод отдал прямой приказ загнать и убить меня. Я тихо рассмеялся, а через пару секунд мой смех стал громче, когда с той же площади донесся еще один громкий хриплый властный голос:

– С чего ты вдруг раскомандовался, гоффурир Замрод? У меня прав не меньше!

– Так командуй, гоффурир Золвадус! Он убивает наших!

– Не тебе посылать в бой мои бригады!

Ухмыляясь, подхватывая с песка два тонких самодельных метательных ножа, я бесшумно двигался по узким проходам палаточного лагеря, двигаясь вокруг площади.

– Он тут! – указала было на меня какая-то баба, но на нее тут же навалилась другая гоблинша, вжав первую говорливой харей в песок.

– Не видим его!

– Осторожней, Полг! У него огнестрел! Двое ослепли!

– Кто он сука такой?! Кто этот долбанный Влуп?!

Звук чужого выстрела пришел с запозданием. Рухнув, я перекатился, набивая в свежую рану грязный песок. Подскочив, не выпрямляясь, бросился в первый попавшийся проем входа, успев увидеть, как падает в сторону согбенный старик, прижимая руки

к простреленной груди. Еще две пули прошли ткань палатки, едва не снеся макушку визжащей девки. Кучно бьет… ударив ножом, пропоров ткань, я вывалился наружу, перекатился, метнулся за выглядящий прочным дощатый ящик и… не добежал, опять упав на песок. На этот раз обожгло левое бедро.

– Сдавайся, Влуп!

– Дерьмоеды! – прошипел я, ползком ввинчиваясь в неглубокую утоптанную канаву, что вела куда-то все ниже. Зажимая рану на руке, глянул внимательней на странный проход. Увидев отвесные земляные стены с вырезанными в них нишами, забитыми барахлом, все понял и решительно двинулся вперед. Четыре метра пологого спуска и я поднялся во весь рост в широком рве, что достигал глубины трех метров и представлял собой что-то вроде подземной улицы с ответвлениями и вырезанными в твердой как камень земле комнатушками. Здесь точно нет управляющей системы – Камальдула подобной херни не позволила бы. Впрочем, она бы и не разрешила городить весь этот сумрачный хаотичный городок.

Припав к стене, я содрал рубаху, разодрал и наспех соорудил тут же пропитавшиеся кровью повязки. Снова грязные и мокрые от крови лапы работали, а взмокшая голова думала.

Как Замрод за считанные минуты успел узнать, что я передал револьвер старшей нурсе? Ему точно не Зорга переделала – даже захоти она, все равно бы не успела. Раз что ей пришлось бы опрометью бежать в сторону, чтобы я не увидел, затем сворачивать и еще быстрее нестись к площади. Там еще надо успеть доложить и скрыться до моего появления. Зорга послала гонца? Нет… я не видел бегунов – убегающие не в счет. Гонца с вестью всегда легко отличить от обосранного труса.

Зато там были системные полусферы…

Здешняя система стуканула Замроду, передав важную инфу?

Пока буду отталкиваться от этого.

Дернув головой, я встретился взглядом с вылезшим из тесной земляной норы мужиком. Ему хватило секунды, чтобы оценить ситуацию и втянуть жопу обратно. А еще через секунду меня там уже не было – продвинувшись на десяток шагов вперед, я поднялся по другому узкому склону и вернулся к пыльным палаткам, где грохотали типа дерзкие и грозные голоса ищущих:

– Куда он делся?

– Мы найдем тебя!

– Сдайся сам – сдохнешь проще!

– Я тебя освежую! – тонко и громко провизжал нервно подрагивающий хреносос с грязным дробовиком, замерший посреди прохода и поводящий стволом оружия из стороны в

сторону – Покажись, планк! Я тебя высосу! Как устрицу!

Поднявшись за его спиной, я коротко ударил, вбивая нож в основание черепа. Второй нож утонул между ребрами слева. Подхватив дробовик, я содрал с плеча заваливающегося трупа наклеивающийся на липучку странноватый патронташ на пяток патронов – было всего два. Уйдя с прохода, на ходя разрядил оружие и снова зарядил, обратив внимание на выжженную на пластиковом прикладе надпись «Зона 40». Чуть задержавшись, перевернул дробовик и глянул на не слишком старательно затертое слово в нижней части приклада. Знакомые буквы разобрать легко. Бункерснаб.

– Где он?!

– Я нашел Тофса! Тофс сдох! Тофс сдох!

Крутнувшись, я вернулся тем же путем и убил верещащую девку, не став трогать ее копье и обрывок рыбацкой сети с крючьями. Ориентируясь по голосам загонщиков, чуть ускорился, миновал активно ищущий меня участок палаточного лагеря и оказался в трех шагах от каменного декоративного периметра центральной площади, оставаясь при этом скрытым тентом. Почти не целясь, трижды выстрелил и снова растворился между палатками, провожаемый взглядами изможденных тощих сборщиков. Шаг… и на площади поднялся дикий ор. Шаг… и с площади раздалось три выстрела, следом гневные окрики и… долгий пронзительный вопль подыхающего. Прихрамывая, скользя между постройками, в один из просветов я увидел, как на площади грузно упал стрелок с винтовкой. Над ним стоял Замрод с тесаком. Подняв такой же тесак, направив его на гоффурира Замрода стоял еще один надсмотрщик с короткой седой бородкой и в фиолетовой металлической кирасе.

Хорошо… даже отлично…

Расслабляться я не собирался – раны жгло, не давая забыть о стрелке, что сумел достать меня даже в этом хаосе из тряпок, веревок и пьяных сборщиков. Я так и не увидел его, но он может быть где угодно. Главное не останавливаться….

Обогнув один из углов площади, я вскинул дробовик и… опустил, увидев выставленные кругом щиты из дерева, металла и пластика. Поздновато, но все же спохватились, суки. Что ж… Развернувшись, двинулся прочь, по пути вспоров глотку выскочившему навстречу парню с мачете. Второму, что бежал за уже дохлым лидером, я нанес несколько глубоких ран в живот, но добивать не стал. Когда его сдавленные крики, служа мне ориентиром, отдались и сместились влево, я круто свернул и полоснул тесаком по глазам спрятавшейся хитрожопой как она считала суке с сетью в руках. Завыв, она куда-то побежала, но

налетела лбом на столб и рухнула. На нее тут же навалилась какая-то смуглая деваха с изрубцованной спиной, начав часто и неумело наносить удары ножом куда придется. Ослепшая надсмотрщица колотила ногами и что-то хрипела, но всем слышавшим было посрать. А еще через несколько секунд воздух разодрали пронзительные звуки сирен.

– Двузубая Башня гневается! – перепугано провыла сухонькая безухая лысая старушка, вставая и приседая на своей водорослевой подстилке с частотой метронома – Зилрой и Зилра недовольны! Зилрой и Зилра недовольны!

Сирены смолкли, но вместо них зазвучал голос уверенного в себе гоблина:

– Никто не смеет портить священный для нас праздник Смакендритт! Фуриры! Прекратить! До заката еще есть время! Всем фурирам – собраться на площади! Немедленно!

Короткая пауза…

– Праздничный убийца Влуп! Он же Оди! Ты в своем праве! Можешь продолжать! Но если надоело – баржа ждет у берега. Ждем в гости. Поговорить…

Дослав патрон в дробовик, я чуть помедлил, прислушиваясь к молчаливому частому топоту ног – застигнутые в разных частях лагеря надсмотрщики торопились вернуться на центральную площадь. Один из них пробежал мимо, увидев меня, посеревшего от грязи, слишком поздно и с тонким визгом высоко подпрыгнув.

– Беги дальше, сука – поморщившись, буркнул я и перепуганный гоблин поспешил воспользоваться шансом.

Пожав плечами, я выпрямился и… замер, наткнувшись взглядом на вытекшего из-за поворота… кого-то… длинный грязно-белый плащ с редкими черными разводами скрывал очертания фигуры, но я увидел винтовку, чей ствол как раз направлялся на… Замершая фигура помедлила, пялясь на меня чернотой капюшона, в которой поблескивали линзы защитных очков… секунда… и плащеносец бесшумно утек, двинувшись в обход. Вот и встретился с тем, кто сумел достать меня дважды.

Ладно…

Усмехнувшись, глянув на прикрывающие раны повязки, я зашагал по улочке, двигаясь к берегу.

* * *

Выскакивать на берег как гоблин из жопы мира я не стал.

Если я отмечаю Смакендритт с тесаком и дробовиком, кто-то другой и говорливый может праздновать с пристрелянной

винтовкой.

Поэтому я задержался за окраинным рядом пыльных тентов, добравшись сюда ползком – чем ближе к краю, тем ниже и уродливее эти пристанища, собранные из всего что только попалось аборигенам под руку. Куски дырявого пластика, рваные автомобильные покрышки, камни, хреновые глиняные кирпичи и пучки сухой растительности. Все это в высоту достигало максимум пояса среднерослого гоблина. Лежа на исцарапанном животе – зацепился за сухие колючки – я огляделся и увидел лишь одного здешнего жителя. Неподвижный старик с минуту пялился на меня мертвыми тусклыми глазами, прежде чем осознал, что ему это не чудится. Изучив кровь на моих повязках и злой грязный оскал на моей харе, он дрожащей рукой протянул мне кусок какой-то зеленоватой хрени с черными вкраплениями. Что-то вроде хлеба? А может кусок дерьма здешних подводных тварей… Мотнув башкой, я отказался от угощения, и старик тут же спрятал его обратно в пыльные тряпки, что кутали его странно изломанные тощие ноги.

– Я выдержал сто… – голос старика шелестел как крылья мертвой птицы, падающей с неба – Я выдержал сто ударов… я выжил…

Услышав слабый стук двигателя, я чуть наклонился, глянул в узкую щель полную солнечного обжигающего света и увидел подходящую к берегу баржу. Ага…

– Я выдержал сто…

Кивнув, я дернулся в сторону, сдернул одну из свисающих с тряпок и внутри соседнего «вскрытого» мной убежища обнаружил присевшего на корточки худого длинноволосого гоблина с тесаком в руках и ножом на поясе. Одного удара хватило, что притаившийся ушлепок рухнул на песок и задергался, пытаясь заставить грудь расшириться и загнать внутрь хотя бы глоток воздуха. Содрав с него нож, я рывком приподнял хренососа и подтащил ближе к границе поселения.

– Я выдержал сто ударов арматурой – прошелестел за нашими спинами старик.

– Гулп! Гулп! – задыхаясь выдохнул пленник. Его выпученные и наливающиеся кровью глаза молили о пощаде, но в то же время правая рука пыталась вбить мне тесак в ребра. Отбив его оружие, я успокаивающе улыбнулся и сказал чистую правду:

– Отпускаю – произнес я, вздергивая добычу на ноги и нахлобучивая ему на голову свою шляпу.

Развернув за плечи, пнул в жопу, вышвыривая на прибрежный солнцепек. Пусть живет…

Резкий треск… над подошедшей почти вплотную баржей

поднялся едва заметный дым… отпущенный мной гоблин рухнул на колени и схватился за выросший из яиц стальной шип. За его пробитой насквозь жопой лязгнул раскрывшийся зонтиком наконечник гарпуна. Последовал рывок приделанного к штырю троса и гоблина потащило в море под гул набирающей обороты лебедки.

– А-А-А-А! А-А-А-А! – над побережьем зазвучал протяжный запоздалый вой – А-А-А-А…

– Охренеть – буркнул я, наблюдая за происходящим из палатки шелестящего старика – Ты видел? Хера себе вы тут от глистов чистите…

– Я выдержал сто ударов… Замрод был справедлив… так сказали люди… я выдержал сто ударов…

– А чего не отомстил? – поинтересовался я, глядя, как орущего гоблина затаскивает в океан.

Секунда… и в бьющееся в волнах тело вцепились сначала осклизлые вспухшие руки, а затем и зубы здешних падальщиков. Лопающаяся расходящаяся кожа, обнаженное мясо, льющая на белесые жадные хари кровь… шесть когтистых пятерней дружно растягивают в стороны ягодицы, наружу лезет требуха…

– Не жрать, суки! – усиленный микрофоном голос с баржи отличался от того, что сделал мне приглашение поговорить – Это моя добыча! Не жрать! Отплачу крабовым мясом! Не трогать! Я убил Влупа! Я убил Влупа! Я отомстил!

– Замрода не так легко убить – старик уставился на меня, его челюсти механически двигались, перекатывая в слюнявом рту крохотную зеленую крошку – Я выдержал сто ударов… у Замрода два сердца…

– Ну да… а жоп сколько?

– У него глаза на затылке…

– Ага…

– Он быстр… очень быстр…

– Чем еще напугаешь, старик?

– Я выдержал сто ударов… Меня держали четверо… Замрод бил… мне бы достать хоть одного – и титановые врата рая откроются предо мной без скрипа… я нащупаю мягкие сочные сиськи небесной девы…

– Ага… так достань…

Продолжить интересную беседу не дали – над водой зазвучал переполненный злобой рык:

– Кепос! Сука! Кто разрешил?!

Второй оратор не замедлил с ответом и на этот раз я услышал в его голосе не ярость и радость, а испуг насравшей на рожу спящего хозяина собаки, что знает – наказание неизбежно:

– Он убил мою Тувочку! Убил Тувочку! Я отомстил! Мое право! Мое праздничное право!

Щелк…

Этот странный звук нельзя было обозначить иначе… он пришел в уши именно резким щелчком кнута… И в ту же секунду виднеющаяся над баржей голова крикуна взорвалась или даже лопнула как спелый гнойник. Обезглавленное тело взмахнуло руками и рухнуло за борт. Над водой поднялся и закачался у борта пустой гарпун с редкими мясными лоскутами.

– Вот ДЕРЬМО! – вздохнул раздраженный голос – СУКА! СУКА! ДОЛБОСУКА! Эй! Выпейте за дохлого Влупа! Зилрой и Зилра угощают каждого из Сорокушки! Сто граммов за наш счет! Пейте! Пейте залпом как пережившие ядерный апокалипсис! Смерть мутантам! Смерть мутантам! Смерть мутантам!

– СМЕРТЬ МУТАНТАМ! – взорвался ответкой весь лагерь.

– Я выдержал сто ударов… – прошелестел покачивающийся старик.

– Смерть суке Влупу и мутантам! – закривлялась выскочившая на пляж почти голая девка с отвисшими сиськами – Влуп сдох! Я срала ему в душу! Я ХЫК!.. – покачнувшись, она, чтобы не упасть, сделала пару шагов вперед, оглянулась, с недоумением потрогала торчащую из жопы рукоять тесака и, прерывисто взвизгнув, упала.

– А че? – пробормотал я – Мы не хуже сучьих гарпунеров…

– Я выдержал сто ударов…

– На – уложив перед стариком заряженный обрез, оставив при себе только ножи и короткое копье, я прикрыл подарок краем тряпья – Отомсти. Любому фуриру в харю.

– Почему там Кросса с тесаком в жопе лежит? – удивился безликий голос с башни.

Выйдя на солнцепек, я в несколько шагов добрался до дергающейся Кроссы, вырвал оружие, попутно вбив ей в затылок копье и хорошенько поворочал, делая мозговое смузи. Закончив, отступил, позволяя вылезшим мутантам прибрежной полосы забрать добычу.

– Зачте-е-е-ется… безымянный… – прохрипел мутант с безглазым оплывшим лицом. Черные выпяченные губы не могли скрыть темных клыков и распухший оранжевый язык – Зачте-е-ется…

– Я Оди.

– Оди… кормилец О-о-оди…

Мясной коктейль со вскрытой скорлупой утащили. Еще через секунду я вернулся в укрытие и широко улыбнулся, увидев, как поднявший дробовик старик нажимает спуск.

Грохнуло.

Всплеснувший руками фурир поймал хлебалом двойной выстрел и рухнул. Отдача выбила дробовик из старческих рук, приклад разбил ему лицо. Заваливаясь, плюясь кровью, старик улыбался:

– Я выдержал…

– Точно…

– Я пошел мять сиськи девы…

– Давай – буркнул я, забирая с тела еще живого фурира пистолет и проверяя магазин.

– Влуп! Дружище! Ты живой! Так… Все замерли! Все сука замерли! Если еще кто-то решит отомстить… он пожалеет! Влуп нужен нам!

– Задрали вы с этим Влупом – прорычал я, добивая полудохлого фурира – Я Оди!

Меня никто не услышал. Зато голос с башни заливался постядерным соловьем:

– Жду тебя! Прыгай в баржу – и к башне! Управление там ерундовое. А тангтары тебя не тронут – ты их накормил. Никакой ловушки, дружище Влуп. Ее и в прошлый раз не было – долбанный Кепос мстил за свою девку с огромным членом. Ты ее зарезал… и булки Кепоса осиротели… сам понимаешь – жопная любовь трагична… Да? Или я перебрал с пылью ковалькиса… Оди! Жду тебя! Выпьем!

– Попытка два – буркнул я вставая.

Глянув на умершего старика, я забрал разряженный дробовик и снова шагнул на песок залитого солнцем побережья.

* * *

Голос с башни не соврал – тангтары меня не тронули. Плывя к покачивающейся на волнах барже, окуная лицо в воду, я видел уродливые тела измененных генетическими манипуляциями гоблинов. Не сказать, чтобы их было много. Сидя на светлом песчаном дне, они запрокинули уродливые головы и провожали меня взглядами или движением безглазых лиц. Ноги и задницы на песке, руки подняты и колышутся вместе с водорослями, несколько безруких жадно хватают ртами кровавые куски из рук кормящих.

Выскочив из воды по пояс, я уцепился за свисающую с кормы веревку и вытащил себя на палубу. Присев за пристройкой, вытряхнул воду из пистолета, вслушиваясь в мертвую тишину, подкрашенную кровавыми пятнами и мозговой жижей. Ничего не

услышав, глянул на берег и увидел стоящего у самой кромки воды Замрода. Он стоял бесстрашно, заложив руки за спину, глядя лишь на меня, не обращая внимания на копошащихся у его ног тангтаров, что утаскивали в воду еще два мертвых тела – отомстившего старика и фурира со снесенной дробовым зарядом харей. Демонстративно медленно сняв черные очки, он провел пальцем по красной от крови щеке и показал палец мне. Стоящие за его спиной прилипалы дружно закачали головами, застучали кулаки о ладони, принялись чиркать пальцами по горлам, всеми силами показывая, насколько большую ошибку я совершил, пролив кровь самого Замрода. Один от избытка чувств присел и схватился за лысую голову. И тут же поймал горестным хлебалом окровавленный кулак Замрода – тому явно не понравилось тыловое театральное представление. Получив критику, надсмотрщики разбежались. Последним с берега ушел больше не глянувший на баржу Замрод. Вдалеке, над центральной площадью, заиграла ритмичная музыка, следом послышались ликующие вопли сборщиков, ожидающих праздничных сто граммов самогона. Смакендритт продолжается!

Фыркнув, я стер с лица остатки жгущей солнечные ожоги воды и нырнул в открытую дверь невысокой рубки. Одного взгляда хватило, чтобы понять – управление здесь действительно проще некуда. И трогать его не потребовалось – оглядев скудные органы управления, я ткнул кнопку с рисунком двуглавой башни и вышел. Рыкнувшая мотором баржа начала разворачиваться. Судя по солнечным панелям и смутно знакомым обводам корпуса, можно смело утверждать, что баржа на электрическом ходу. Но ревела она так, будто ее толкали вперед движки внутреннего сгорания. Из кормы вырывался серый дым. Принюхавшись, я уловил запах озона и чего-то фруктового. Это точно не гарь сгораемой солярки.

Вернувшись ненадолго в рубку, я прихватил с небольшого откидного столика сверток. Усевшись на палубе так, чтобы быть прикрытым рубкой со стороны берега – не хочу больше ранить сердце видом ведущего по ранке на щеке гоффуриром Замродом – развернул сверток и обнаружил в нем свернутую лепешку, набитую жареным рыбьим мясом. Рядом приткнулись два опасно крохотных зелено-черных перца. Вот это я понимаю прощальный подарок Кепоса… Кусанув перец, через мгновение я зашипел от разлившейся по рту обжигающей боли и поспешно впился зубами в лепешку с рыбой. Израненные губы рвало изнутри огненным валом, но я блаженно улыбался, пережевывая рыбную питу. Улыбался и глядел на приближающуюся двузубую башню.

Чем ближе становилась постройка, чем отчетливей я

понимал, что в основе здания находится древний маяк. Причем маяк мощный, скорее похожий на военную постройку, а не гражданскую – железобетонное литье, никаких украшений, узкие окна бойницы. Впрочем, бушующий штормовой океан вполне можно считать одним из самых грозных противников – снесет и не заметит. Растущие над маяком две доминирующие башни были построены позднее. Светильник маяка оказался зажат между двумя постройками, что были соединены частыми веревочными мостиками и туго натянутыми тросами. На моих глазах по тросу скользнула пара фигур, скрывшихся внутри одной из башен. Там же – вокруг двух зубов Вилки – имелись опоясывающие широкие помосты из бревен, досок, арматуры и просто палок. Разноцветные тенты скрашивали это убожество и даровали тень. Еще один палаточный городок, но подвешенный над шумящим океаном.

Вокруг маяка имелось высокое решетчатое ограждение – частые острые пики поднимались над волнами на три метра. Баржа чуть довернула, ускорилась и пошла на таран одного из участков стены. Дожевывая рыбную питу, я с интересом наблюдал, игнорируя пялящихся на меня сверху маячных аборигенов. До тарана дело не дошло – участок ограждения резко ушел вниз, и мы прошли в образовавшийся проход, скользнув днищем вплотную к торчащим в воде пикам. Я заметил несколько юрких тел, что попытались прорваться в огражденный периметр, но не успели и разочаровано опустились на дно. Среди них были не только тангтары, но и несколько странных здоровенных скатов и совсем уж загадочные рыбы с двумя хвостами.

Благополучно войдя внутрь, баржа замедлилась и через несколько минут замерла у бетонного причала. С его противоположной стороны замерла такая же посудина. Над нами висели примитивные разгрузочные краны, а еще выше, выходя из основной части массивного маяка, выходила канатка с замершими кабинами. Сегодня праздник… работать нельзя, можно только бухать и убивать.

Не дожидаясь встречающих, я спрыгнул с баржи и зашагал по причалу, в то время как закатное солнце продолжало напоследок обжигать мою кожу, пытаясь нанести как можно более глубокие ожоги. Вот так и поверишь, что старушка планета до сих не простила долбанных гоблинов за нанесенные увечья.

– Добро пожаловать, гордый Оди! С праздником тебя! – ослепительно улыбнулся мне выскочивший из приоткрытых широких металлических дверей горбатый пузатый карлик в длинном одеянии похожем на великанскую майку, что достигала почти до земли. Из дыры в майке, чуть левее пупка, торчал

начищенный до блеска медный кран.

– Заткнись и веди.

– Ладно! – едва заметно поклонившись, карлик громыхнул подвешенными к поясу кружками и торопливо засеменил к дверям – Я Тякиноко!

– Мне посрать.

– Ты зол и устал… кожа обожжена… вот… – остановившись, карлик снял с пояса одну кружку, стукнул ей о торчащий из пуза металлический носик, повернул кран и в посудину полилась желтая струйка – Вот! Прими от всей души, дружище Оди! Триста граммов целительной амброзии в твой рот из чрева моего! Испей моих выделений!

Я так неспешно сдавил ему горло, что он успел понять свою ошибку и торопливо прохрипел:

– Не моча! Не моча! Я Тякиноко! Я сучий Тякиноко! Гриб! Чайный гриб! КХ-Р…

Пару секунд я думал, потом еще столько же смотрел на дрожащую кружку, поднятую рукой почти покойника. Наконец принюхался и разжал пальцы, отпуская горло горбатого карлика. Вытерев руку о его майку, я зашагал дальше, а хрипящий ушлепок с краном в пузе поспешил за мной.

– Ты зол… так зол… твоя кожа обожжена….

– Убью.

– Ты умел… убиваешь быстро… ты безжалостен и любишь проливать кровь… – приостановившись, карлик влил в себя вышедшее из крана, повесил кружку обратно на пояс и опять поспешил за мной, не ведя, а следуя и продолжая говорить – Вот почему великий Зилрой сразу приметил тебя…

– Это что? – задумчиво спросил я, уставившись на пристенные живые украшения.

За металлическими дверями обнаружился вполне ожидаемый широкий недлинный коридор, что выходил в округлое и чуть утопленное в скалу помещение первого этажа. Вверх вела столь же ожидаемая винтовая лестница, по центру находилась забранная решеткой лифтовая кабина, куда я соваться не собирался. В полу, у входа в зал, имелись ведущие еще ниже закрытые сейчас стальные створки. Вверху замерли крюки погрузочных машин, а выше, на высоте третьего этажа, я увидел заставленную ящиками решетчатую платформу – похоже, это зона загрузки, где все собранное уходит в кабины канатки.

Меня же заинтересовали сидящие у стены пузатые ушлепки с настолько гигантскими раздутыми животами, что они покоились на отдельных подставках. Обнаженные гоблины, раскинув ноги, привалившись к мягкой обивке стены, все как один пялились на

несколько мерцающих перед ними экранами, откуда неслись знакомые еще с ВестПик звуки приторных сериалов.

– Роберто! Как ты мог! Трахнул мою сестру? Трахни и меня! Давай, бессердечный ублюдок! Трахай!

Моргнув, я перевел взгляд на двух гоблинш в шортах и майках. Ловко переступая через ноги сидящих у стены, они кормили пузанов, придерживая у их ртов тарелки с жидкой бурой кашей. Запихнули ложку – и к следующему. А всего пузанов было семь, хотя у стены имелось место для восьмого, но оно пустовало. Третья девушка, воркуя что-то на ухо шестому пузану, что громко чмокал губами и влажно попердывал, обрабатывала рукой его дряблый член, явно пытаясь добиться оргазма. Четвертая гоблинша, отставив тарелку, прислушалась к происходящему внутри задрожавшего живота седьмого пузана, поспешно подставила под торчащий из пуза кран банку и внутрь полилась прозрачная красноватая жидкость.

– Все условия для сладкой жизни и хорошего качества истинного алокаля! – похвастался карлик и горестно поник – Жаль я не могу жить также хорошо… Конкурс велик! Сейчас за место десятого священного хряка бьются семеро!

Я молчал, вглядываясь в отекшие лица живых сосудов, а гоблинша продолжала сливать из дрожащего урчащего живота жидкость, что становилась все темнее, пока почти не почернела.

– Алокаль премиальный – едва ли не шепотом произнес карлик Тякиноко – Только на экспорт! Почти настоящий вкус легендарной коки с ромом! Добавь льда – не отличишь! Бьет по голове мягко как кувалда в подушке! И почти никакого привыкания… Скажи, Оди… хочешь отведать почти настоящий куба либре?

– Двигай жопой.

– Двигаю… еще как двигаю… мой приватный танец зажигает самые черствые сердца – заверил меня горбатый карлик – Тяжело быть столь красивым… когда я медленно двигаю тазом и вкладываю свой крантик в жаждущие уста… О! У мягкорукой Зофи получилось! Шестой испустил струю! Испустил струю! Его алокаль будет крепче и слаще… Умничка Зофи!

Вытирая вспотевший лоб, гоблинша улыбалась с гордостью отменно потрудившейся работницы, вытирая мокрую руку о свою майку.

– Я плесну тебе в ротик из двух своих кранов сразу! – томно пообещал карлик, стоя на винтовой лестнице – Мой личный коктейль! Ты хочешь?

– Хочу!

– Ты хочешь?

– Хочу! – еще чаще закивала Зофи.

– Ты хочешь? – повысил голос Тякиноко – УГХ!

От моего пинка его швырнуло вперед и он лишь чудом не упал, торопливо засеменив вверх.

– Да-да… я увлекся выдачей премиальных… Поверь, Оди – работников надо поощрять! Пряник лучше кнута…

Он продолжал говорить, но я не слушал, поторапливая его пинками и не забывая изучать внутренности маяка. Когда мы сделали два круга и оказались на решетчатой платформе, я убедился, что не ошибся – мы добрались до зоны загрузки. Над решеткой замерла пустая кабинка с открытыми створками, у стены выстроились в ряд воняющие подпорченными морепродуктами пластиковые контейнеры. Выход наружу был заблокирован тяжелой решеткой.

Мы двинулись дальше, пройдя мимо даже не заметившей нас компании бухающих гоблинов, торопливо закусывающих из стоящего между ними пластикового корыта полного густого супа из водорослей и моллюсков. Там же мелькали распухшие шипастые рыбьи головы и хвосты, а порой лапа жадно жующего гоблина цепляла что-то длинное и тягучее, отправляя в пасть и с хлюпаньем втягивая мясную спагетину. Брызги, сопение, сосредоточенные глаза не отрываются от десятилитровой бутылки мутного стекла, где едва розовой жидкости осталось на четверть, а плавающим внутри головастикам уже не хватает места, и они лезут на стекла.

– Башенное мясо чтит праздники – гордо заметил карлик, на ходу вздернув майку и с наслаждением почесав между мохнатыми ягодицами. Закончив, он заботливо смазал торчащий из живота крантик вычесанной жопной слизью и с удовлетворённым вздохом пояснил – Сыро здесь. И соль жрет металл. Главное смазывать. Может все же налить кружечку бодрящего? И для мозгов полезно! Витамины внутреннего брожения, Оди! Это надо ценить!

Глядя на стенное панно, выложенное из черепов ребер и тазовых костей самых разных тварей – включая гоблинов – я не ответил, пытаясь понять, зачем было выкладывать из костей изображение двухбашенного маяка внутри его самого. И странно, что в центре одной вылепленной из ребер башни горит зеленый огонек, а в другой лишь чернота.

– Что случилось с сукой Зилрой, гоблин? – поинтересовался я у горбатой спины и карлик споткнулся на очередной ступеньке, с испугом вскрикнул, выбрасывая перед собой руки. Дебил промахнулся – его руки ушли в пустоту между ступеньками. Я помог, поймав упырка за спутанные волосы и рванув на себя.

– А-А-А-А-а-а-ай…. А даже неплохо… – хрипло простонал Тякиноко.

– Что с сукой Зилрой из потухшей башни, гоблин?

– Я чан! Чан грибной! Не надо… не могу сказать… он не любит, когда нарушают его волю! Не любит! Он мне крантики местами поменяет!

– Да ну?

– Оставь его, Оди – донеслось сверху.

Глянув туда, я увидел высокую и какую-то усталую даже на вид долговязую фигуру в длинном распахнутом малиновом халате. Одежды под халатом я не заметил, а вот металл блеснул…

Показался главный крантик старого маяка?

– Оставь – столь же устало повторил малиновый халат и махнул рукой, исчезая в сумраке наверху – Пойдем… выпьем… я зажарю тебе марлина… Тебе берегового самогона? Или из наших пупков изопьешь?

– Самогон – буркнул я, отпуская карлика и вытирая руку о стену – Свали, гриб чайный…

– Может повторим борьбу страстных равных, Оди? Мои крантики всегда к твоим услу… – поймав мой взгляд, карлик осекся, съежился и начал стекать со ступенек.

– Где долбанная Зилра? – крикнул я в царящий сверху сумрак, заодно отмечая, что за все время поднятия не засек ни одной красной или иного цвета системной полусферы.

– Жопу и яйца сестры жарят сектанты, Оди. Спасешь ее член из огня? – эхом отозвался старый маяк.

– Нет.

– Не бесплатно, убийца, не бесплатно.

– Что дашь? – столь же громко поинтересовался я, чуть ускоряя восхождение по гремящей винтовой лестнице.

– Конторист Зирвелла ушла вместе с сестренкой. И книгу свою увезла с собой…

– Дерьмо! – рявкнул я, выходя на верхнюю площадку маяка.

Надо мной прозрачная крыша с металлическим каркасом. Я вижу основание лампы, вижу странную пушку, опутанную проводами, вижу солнечные панели. И вижу две лестницы, что ведут в противоположные стороны от площадки – к двумя поднятым зубцам Вилки.

– Но книга Зирвеллы – не плата… – сидящий где-то посередине одной из лестниц малиновый халат всхлипнул и тяжело поднялся – Нет… просто факт… а заплачу я тебе оружием, снаряжением, бухлом, жратвой и даже собственной жопой если придется. Только спаси мою сестру.

– А Зирвеллу?

– А Зирвеллу в жопу… из-за нее все и случилось… Сука! Нельзя без разрешения совать свой нос в чужие жопы – особенно в жопы сектантов! Тупая сука-конторист! – поднявшись, малиновый халат вышел на свет и протянул руку. Я с готовностью вытер о его рукав остатки слизи с волос карлика и ободряюще кивнул:

– Где самогон и марлин?

– Пошли – кивнул долговязый хрен с узким лицом хищного усталого хорька, черными длинными волосами и зелеными глазами с почему-то белыми густыми ресницами.

– Почему я? – для начала я задал самый простой вопрос.

– Я видел, как ты убивал… и могу точно сказать, что ничего подобного не видел никогда прежде… ты ведь опытный убийца, так?

– Что ты… я просто гоблин из жопы мира – оскалился я – На трахнутых тунцах приплыл.

– Тунцах? Не надо дешевой безалкогольщины, дружище! Тебя, как и всех выкинула кабинка канатки… погоди… у тебя память стерта? Больно уверено ты разговариваешь…

– Где долбанный марлин?

– Все будет – кивнул Зилрой, толкая стальной люк, что послушно и легко поднялся – Бухла хватает. Но зря ты отказался от чайного гриба Тякиноко, Оди… там есть чему душевно изумиться.

– Ага – зевнул я.

– А чем это пахнет рукав моего халата?

– Изумлением Тякиноко. О… вот это дело… – подцепив с заставленного различными бутылками столика одну, открутил металлическую крышку, принюхался, изучил этикетку с надписью «Кокос-43» и только затем огляделся, делая первый глоток водки.

Трехэтажные апартаменты. Не больше и не меньше. Этажи соединены металлическими лестницами. Нижняя зона представляет собой недавно засранную зону отдыха – это прямо чувствуется, что недавно. Два мягких дивана со скомканными покрывалами, потухший большой экран, а над ним нашлепка красной полусферы на стене. Полусфера крутнулась, на меня уставилось два темных стеклянных зрачка. Поиграв с молчаливой системой в гляделки, я продолжил осмотр. Все… стандартно и с безнадежной неумелой попыткой придать роскоши этому месту. Какие-то старые картины на разную тему, зато с одинаковыми ободранными золоченными рамами, починенная деревянная мебель с остатками полировки… А вот это интересно… я на минуту застыл рядом с открытым металлическом контейнером частично утопленном в стене. Там, подвешенный на

транспортировочных крюках застыл подрубленный к подзарядке малый экзоскелет. Название модели само всплыло в моей памяти, что не хотела вспомнить имя матери или первой девушки, зато радостно перечислила все возможные модификации этого экза.

Полицейская модель модифицированная для целей сдерживания. Именно такие экзы выходили на улицы еще благополучных городов, где население представляло собой потомков самых сдержанных, толерантных и миролюбивых предков. В таких городах недовольные протестующие не пытались громить здания мэрии или захватывать полицейские арсеналы. Максимум шарахались с транспарантами, кричали про свое недовольство. Ну может самые молодые из них поджигали машины, сталкивали с крыш флаеры, обрушивали огромные панно с постоянной рекламой… мелкие проказники по мировым меркам. Поэтому против них применялись самые щадящие меры противодействия – слезоточивый газ, водяные пушки, изредка резиновая картечь или ультразвук. Короче – все то, что поможет быстро и бескровно подавить неумелое восстание ушлепков… Модель Ля Фундасьон. Модификация Кальма. Из нестандартного разве что встроенный в правую руку…

– Огнемет – улыбнулся звякнувший бутылкой Зилрой – Хорошая штука… я пробовал запекать им барбекю…

– И как?

– Мясо воняет…

– Ясно.

– Орет…

– Ага…

– И убегает с кухни… сука…

– Сука – согласился я и продолжил осмотр.

– Недопеченная каракатица выскочила в то окно и ушла на корм домашним тангтарам…

– Бывает…

– Пожарить тебе стейк?

– Чем?

– На сковороде – со вздохом махнул воняющим рукавом Зилрой – Я отчаялся в поварском деле… а вот сестра моя… – он снова всхлипнул и нагнулся над приткнувшимся рядом с экзоскелетом допотопным холодильником со стеклянной крышкой.

Сделав еще глоток, я мимоходом заглянул в исходящий морозным паром холодильник, готовясь в случае чего запихнуть туда его же хозяина, но не увидел ничего кроме рыбы, птицы и замороженных бараньих голов.

– Голову размораживать долго – неправильно понял мой

интерес хозяин одной из башни – А пара куриц еще мягких есть…

– Курица норм зайдет – ответил я и, задирая голову, поощрил Зилроя – Давай по делу.

Второй этаж представлял собой спальню. Поднявшись на десяток ступеней, я убедился в этом, найдя огромную кровать со сброшенными простынями и вспоротым матрасом.

– Я тогда немного психанул – признался снизу Зилрой – Ж-жопа…

– По делу говори.

– А что говорить? В голове хаос… надо выпить и хаос взойдет до снисходительной энтропии… Давай я буду плакать и жарить мясо, а ты слушать и готовиться к спасательной операции?

– Где оружие?

– Выше.

– Начинай рыдать – кивнул я и потопал наверх, не забыв прихватить бутылку. По центру крыши нашлась еще одна красная полусфера – лучший охранник арсенала.

Арсенал…

– Дерьмо – рыкнул я, увидев абы как составленные ящики в углу пустующего третьего этажа – С-сука…

За такое обращение с оружием надо руки отрывать…

Опустившись на колено перед первым ящиком с откинутой крышкой, для начала глянул на маркировку на боку: «Бункерснаб. Братская помощь всем выжившим! Выживайте и процветайте!».

Внутри обнаружилось шесть помповых дробовиков. Сталь и пластик. Никаких украшений, все оружие одинаково, покрыто консервационной смазкой. Под дробовиками брезентовая прокладка, а ниже картонные коробки с патронами. Шестнадцатый калибр. Картечь. Встряхнув брезентовую прокладку, убедился, что это мешок со спрятанным внутрь длинным широким ремнем. Там же нашлось еще шесть ремней – от самих дробовиков. Уже неплохо… Не трогая пока другие ящики, я спустился на этаж ниже, прихватил оттуда несколько полотенец почище и поднялся обратно, продолжая слушать излияния Зилроя, что орал на всю башню, звеня посудой на кухне.

Разодрав на повязки одно полотенце, что было многообещающе белого цвета и с остатками пластиковой упаковки, зацепился взглядом за приоткрытый второй ящик. Через секунду крышка отлетела в сторону, а я чуть ли не нырнул в ворох шелестящих упаковок.

Все выглядело… древне и свежо одновременно.

Перевязочный материал нескольких типов, хирургические инструменты в металлических судках, снабженные лаконичными

инструкциями плотные связки блистеров с лекарствами, пачки хирургических нитей, отдельно лежащая пила, блестящий хромом расширитель для ребер и много чего еще. Инструкции на нескольких языках. Помимо лаконичных пояснений имелись картинки и яркие высказывания вроде «Суровый сурвер вставит молча» на пачке с ректальными свечами или наклейка на ручке хирургической пилы: «Пилить поперек!».

Содрав пропитанные кровью тряпки, оглядел раны. Медблока ожидать не приходилось – в башне я его не отыскал. Разве что в соседнем Зубе, но не верится, что все так просто. Перерыв остатки лекарств, вытащил с самого дна плоский ящичек с содранными проволочными пломбами. Откинув крышку, увидел четыре противопехотные мины. Перевернув одну, понял, что это неумелая маскировка или тупая шутка – мины оказались толстыми и нихрена не эргономичными аптечками со странно большими световыми индикаторами. Содрав защитную упаковку, отодрал наклейки с расположения игольных гнезд, вжал кнопку до щелчка на внутренней стороне и прижал аптечку к спине справа. Загудевший девайс тут же воткнул в меня пару игл, забирая образцы. Не обращая внимания на последовавшие уколы, я вытащил из уже вскрытого пакета широкий браслет с еще более широким экраном. Допотопная хрень вроде наручного тактического планшета. Содрав наклейки, нацепил его на руку, успев прочитать, что штука автономная и сопрягается с аптечками диапазона «Сурвлайв 4-10», а также с экспериментальными нейрочипами диапазона «Сурв-разум 0.99 до 2.4». Так… не сказать, что загривок напрягся в надежде, но я определенно ускорился, цепляя тактику на запястье.

После активации экран засветился, показав сначала шкалу зарядки и сообщив, что заряда хватит еще на сто сорок два часа. Следом появилась надпись «Бункерснаб». И наконец примитивный такт занялся делом, начав проверку окружения. Реально примитив… в мое время они либо уже исчезли окончательно, либо сменились напыляемыми или в виде умной татуировки для тех ретроградных гоблинов, что боялись допускать авто-хирурга к глазам. Хотя боящихся было крайне мало. Зато существовали миллионы тех, кто не принимал ничего в себя по религиозным мотивам. Вот таким как они напыляемые планшеты и специальные очки позволили хотя бы чуток приподняться и получить доступ хотя бы не к самой грязной черной работе – менеджеры младшего звена, клерки, курьеры… всех не перечесть, но всех объединяла крохотная сучья зарплата. Не заняв, до следующей корпорационной подачки не дожить… Но это все же лучше, чем подряжаться на примерно также

оплачиваемые контракты по возведению дамб на границах затапливаемых территорий… Че? Хорошая работа? Она только для тех, кто вставил нейрочип в башку.

Хочешь реального бабла, гоблин? У тебя два варианта – жить в кровавом сумраке, служа мафии и жить недолго, только если не повезет стать кем-то достаточно весомым… либо же вставить в голову электронный чип и навсегда покинуть системный сумрак и получить доступ к отлично оплачиваемой работе. А заодно доступ ко всей современной технике, где использовалось нейросопряжение – вроде многотонных шагающих механизмов. Если позволишь любой из корпораций вколоть себе в основание черепа еще один имплант – небольшую металлическую каплю размером с ноготь мизинца – откроешь себе дорогу в корпорационные армии, где тебя после качественного обучения посадят в кокпит продвинутого боевого меха, способного в одиночку разрушить до основания небольшой город за считанные часы…

А если нет ничего… иди и строй дамбы, рой отводные канавы для токсичных вод, собирай мертвецов всплывших из поднявшихся могил затопленных кладбищ и готовься сдохнуть в ближайшие месяцы от пробирающей до костей парши или утекшей из очередной долбанувшейся АЭС. Ну может еще пошлют корчевать обгорелые остатки сгоревших в прошлые десятилетия лесов и сажать в мертвые земли тут же погибающие саженцы… Бесполезный круговорот дерьма и гоблинов, где одно превращается в другое…

Тактика на запястье опознала аптечку. И больше не опознала ничего, о чем сообщил улыбчивый человечек в зеленом комбинезоне, что сокрушенно развел руками, поник головой, но тут же снова взбодрился и выставил оба больших пальца, показывая, что переживать не стоит. Он так сильно подался вперед, пытаясь ободрить, что почудилось будто этот нарисованный хреносос выставил не два, а три больших пальца. При этом проползла кусая строчка под картинкой, оповещающая, что планшет уловил сигнал нейрочипа, но не смог опознать его даже приблизительно.

Дерьмо…

Хотя я не удивлен – сомневаюсь, что у меня в башке может быть что-то из сурверского барахла. «Сурв-разум 0.99»? Идите нахер с таким предложением.

Не опознав нейрочип, планшет вплотную занялся данными с аптечки, высветив ее текущий запас лекарств и их срок годности. Все окрашено желтым, что говорит о более чем среднем качестве химии и о подходящем к концу сроку годности. Хотя срок

годности меня волновал мало – ясно, что ничего реально стоящего не пошлют в Зону 40. Я уже понял, что этот кусок прибрежной территории не больше, чем ферма морепродуктов и редких овощей. А… ну да… еще они экспортируют алокаль из раздутых животов живых бродильных чанов…

Следом по экрану пошли собранные аптечкой данные. Кровопотеря, странный состав той крови, что еще оставалась в венах, много неопределяемых компонентов, налицо тяжелейший токсикоз, легкая степень радиационного поражения… и следом еще целая страница мелкого текста. Все опять окрашено в желтый. А раз желтый, а не красный – можно не обращать внимания. Это как с жопой – пока болит, но кровь не хлещет, гоблину похер.

Меня больше заинтересовало предложение нацепленного на запястье допотопного устройства обновить его прошивку в любом из подключенных к внешней постапокалиптичной сети Бункерснаба терминалов, что может позволить опознать нейрочип у меня в голове. Код доступа не потребуется, сурвер: выживай! Выживай любой ценой!

Да эти ушлепки все столь же круто трахнуты на всю голову…

Ладно… ладно…

– Ты меня вообще слушал? – поинтересовался поднявшийся с бутылкой и тарелкой хмырь в халате – Непривычно, когда сборщик нагло сидит ко мне жопой. Я ведь хозяин башни!

– Ты не хозяин Башни – тихо рассмеялся я, забрасывая аптечки в брезентовую сумку, а следом закидывая пачки патронов – Ты точно не хозяин Башни. И я слышал каждое твое слово. Продолжай. Что ты там только что горестно кричал про жалобу в Дублин?

– Да это я так! Они ведь не добрались до Дублина! И я хозяин башни!

– Ты хозяин половины уродливого прибрежного дерьма, что слеплено из дерьма, окружено дерьмом и пропитано им же – ответил я – И сам ты дерьмо… со странной дверцей в животе, что ведет к твоему внутреннему дерьму… А будь ты хозяином Башни… я бы тебя уж грохнул…

После короткой паузы Зилрой предположил:

– Может я хозяин не той башни?

– А ты хозяин? – задал я встречный вопрос, бросив на него короткий взгляд – Ты больше похож на крысу, что очень хочет выжить и при этом не лишиться своего уютного крысиного сучьего гнездышка…

На этот раз пауза была подольше, но ответ все же последовал и был ожидаем:

– А я и не отрицаю – устало пробормотал сникший мужик, буквально стекая по стенке на пол и бухая бутылку между тощих волосатых ног – Дерьмо… Как же сука я устал вертеться… Долбанный Замрод!

– Говори – рыкнул я – Говори! Описывай все творящееся здесь дерьмо. Плюй мозгом через пасть. И цельсь своими тухлыми воспоминаниями и мыслями в меня.

– Охренеть…

– Давай!

– Да ты не слушаешь! Прилип взглядом к дробовикам и восторженные слюни пускаешь!

– На хороший дробовик можно и слюни пустить – оскалился я, оглаживая ладонью ствол одного помповика, что чуток отличался от остальных складываемым прикладом. Убрав оружие в сумку, я докинул в сумку еще патронов, после чего с неохотой закрыл клапан и задумчиво затарабанил пальцами по ящику с хирургией – Как же сука утащить побольше и не потерять быстроту? Жадность гоблина погубит… а затем трахнет и убьет. Рассказывай, Зилрой… иначе пока ты тут мнешься как дешевая сучка, из твоей сестры выколотят последние остатки мозгов и матки с помощью прикладов и членов. И еще вопрос чем и куда колотить станут!

– Дерьмо! – едва ли не взвизгнул Зилрой – С-сука!

– Так любишь сестричку?

– Да в рот ей жопу! Срал я на нее! Но без нее – я труп! До следующих выборов три дня! И без Зилры я выбываю автоматом! Мы же долбанная пара!

– Пара? Трахаешь сестричку?

– Бывает… а порой она меня… но дело не в этом! Мы – пара кандидатов в правители Зоны 40! И нас любят!

– Уверен?

– Да нас обожают все планки! Окажись я на береге – зализут до смерти!

– Точно уверен?

– Ну да – вздохнул Зилрой, глянув на мою исполосованную спину – Понимаю твой скепсис, едва не перешедший в сепсис… но это так! До нас с сестрой тут умирало по десять, а то и по пятнадцать планков в день! Не было никаких договоренностей с тангтарами! Каждую ночь мутанты выходили на охоту, душа и утаскивая из лагеря спящих сборщиков! Каждый день на прибрежный песок выносило обглоданные черепа! Да здесь будто мясорубка работала! Клянусь тебе! Такое впечатление, что вся система была направлена на быстренькое уничтожение всего живого! Канатка выбрасывала новеньких, их полосовали

осатаневшие от страха фуриры, забивая до смерти чуть ли не в первые часы. Ночью из моря выходили тангтары… следующим днем мы приманили мутантов на отравленное желудочной отрыжкой больного жбана мясо… или гарпунили их… А порой и глушили как рыбу динамитом и гранатами, если накопленные бонусы позволяли заказать премиальную доставку. Сплошное мать его молотилово! Смертность до тридцати рыл в день – если считать потери от ран, обезвоживания и болезней! А кабинка знай подбрасывает все новых и новых нихрена не понимающих бедолаг со стертой памятью! Ты понял, нет, планк?

– Гоблин.

– Что?

– Я гоблин. Гоблин Оди. Запомни.

– Да понял я уже что ты не планк Влуп… вся Зона 40 это отчетливо поняла, когда щедро умылась скрабом из собственной крови вместе с раскрошенными зубами… я же все видел на экранах… О! Сбился с темы – так ты понял, гоблин Оди? Тут было молотилово! Куда не глянь – смерть и кровь! План не выполнялся! План настолько не выполнялся, что мы не могли получить даже самые примитивные медикаменты или инструменты! Голыми пальцами выковыривали из ран осколки раковин и рыбьи шипы, а укусы ядовитых тварей лечили припаркой из собственного дерьма! Само собой, все это нихрена не помогало и планки подыхали как на конвейере бойни!

– Как и должно быть – кивнул я – Короче, все шло по задуманному плану, пока не появились вы с членоносной сестричкой. Так?

– Какой еще задуманный план? Кем? – выпучился Зилрой – Тут царила кровавая анархия! Всем было на все посрать!

– И тут появились вы с сестрой…

– Мы дали надежду! Раз уж Владыка молчит… приходится брать жопу в руки и начинать политику! Высокую мать ее политику! Внедрять свои правила! Раздавать обещания.

– Это политики делать умеют… внедрять свои правила и раздавать щедрые обещания…

– Изможденные, израненные планки прислушались к нам! И на очередных выборах проголосовали за нас! И мы с сестрой выполнили свои обещания! Каждое из них! Беспредел остановлен, никого не насилуют и не убивают. Налажена работа бригад сборщиков. За четыре месяца мы закрыли свой долг перед Дублином полностью! И с тех пор перевыполняем его! Начали поступать лекарства и оружие. Начали прибывать питательные брикеты для тангтаров – и мы прикормили мутантов. Я лично вышел безоружным на берег и долго говорил с мутантами. Мы

кормим их брикетами, отдаем им наши трупы… а взамен они не нападают на нас ночами и терпеливо ждут кормежки. Редкие эксцессы случаются, но починенная нами система работает. Мы с сестрой остановили долбанную мясорубку! В Зоне 40 воцарился мир!

– Вы не починили систему… вы ее сломали – возразил я.

– Как это?

– Неважно. Продолжай…

– Замрод! Я же уже говорил – это его рук дело! Ему надоело быть всего лишь одним из пяти главных надсмотрщиков… он метит на наше место!

– А сестра у него есть?

– Родство не обязательно. Главное – мужчина и женщина. Ведь у них разный взгляд на жизнь. Считается, что мужчина суров, а женщина более милосердна.

– Ага – хмыкнул я – Конечно…

– Тоже так считаешь? – обрадовался подавшийся вперед Зилрой.

– Нет – буркнул я – Что за дыра в пузе?

– А как еще перевыполнить давным-давно просранный план поставок? – вздохнул правитель маяка – Мы начали производить премиальный алокаль. Двадцать литров хорошего алокаля равноценны двум центнерам овощей или центнеру микса морепродуктов – водоросли, рыба, моллюски… А выращенный в моем теле килограмм мраморной говядины равноценен центнеру. Или тем же двум – если с говядинкой в Дублине нехватка.

– Еще раз… что ты выращиваешь в своем теле?

– Мраморная говядинка высшего сорта! – расплылся в гордой улыбке Зилрой, ласково поглаживая себя по стальной дверце в животе – Непростое это дело, гоблин Оди! Специальная диета, поменьше алкоголя, побольше сна… Моя мраморная говядина считается одной из лучших в Дублине. Говядина сестры ничуть не хуже. Так мы перевыполняем план, зарабатываем шикарные бонусы и тратим их на нужды простых сборщиков. Мы продвинулись, Оди! Мы продвинулись так далеко, что целых три месяца Зона 40 может вообще ничего не производить – мы отправили в Дублин с запасом! Но долбанный Замрод… долбанный Замрод!

– Дублин… почему Дублин?

– Ну как… название такое. Дублин 5. Или Дуплин 5.

– И что это означает?

– Я не знаю точно. Да никто не знает. Вроде как дублирующая линия пять…

– Дублирующая что?

– Да не знаю я!

– Мраморная говядина – процедил я и выдернул из аптечки за правым боком отработанный картридж ампул, вставив новый.

Глянув на инструкции планшета, вытащил из ящика пакет с прозрачным раствором и маркировкой Ф7, зацепил его за крюк на стене, снял колпачок с иглы и вогнал ее себе в вену. Приткнувшись под капельницей, я откинул крышку третьего ящика и уставился на стальные кирасы и шлемы:

– Ладно, корова… мычи дальше. Куда говоришь не добрались твоя сестра и сука Зирвелла?

– До Дублина.

– А куда попали?

– В Гнойный Каньон! К сектантам! Долбанные упырки напали на конвой отправленных с нескольких Зон кабинок – там крупный перекресток… и до того как вмешалась вооруженная охрана того места успели вскрыть только одну капсулу из пятидесяти. Угадай какую?

– Ту, где на ящике с говядиной сидела твоя сестра?

– В точку! На кабинках нет опознавательных знаков. Но заградитель Фалкон сообщил, что увидел на сорванной с троса капсуле яркое красное пятно снизу! Ее пометили! Понимаешь, Оди? Пометили!

– Не совпадение – согласился я – Кто такой заградитель Фалкон?

– Ветеран Линсдера. Герой! Сейчас служит командиром роты охраны на стальных путях над Гнойным Каньоном.

– Ладно… – пробормотал я, укладывая в голову все новые имена и названия – Ладно… давай дальше…

– Курицу жарить будем?

– Ты понимаешь, что твоя сестра мертва? – спросил я, доставая одну из слишком маленьких кирас и убирая в сторону – Нет смысла держать ее живой.

– Сектанты – торговцы! У них там свой черный мразотный рынок… они ни за что не пустят Зилру на мясо – ведь она…

– Корова – понял я – Она производит очень дорогое мраморное мясцо…

– Да – кивнул Зилрой и на его щетинистом лице ненадолго появилась надежда – Да… Она мясной производитель… так что ее даже пытать не станут, чтобы мясо не стало жестким.

– Так на кой хер две девки поперлись в Дублин? Бонусы тратить?

– Ага. Но не херню какую-нибудь! Ты ведь пойми – у нас тут дикость повсюду. Никаких высоких технологий. Зато в Дублине всего хватает.

– Медблоки?

– Конечно! А к медблокам в придачу идут аддосы. Они же ликвидосы. Но все называют их просто аддосами. Это умные автоматизированные операционные, что в обмен на песо впаяют в твое тело жбан для алокаля или камеру для выращивания элитного мяса. Да там много чего можно заказать из открытого всем списка – сеструха там член себе прирастила… добавила радости в нашу семью… Но мы не в ущерб сборщикам потратили бонусы на эту прелесть! Ты не подумай!

– К теме. Аддосы?

– Точно! Аддосы рулят! Я первым врастил себе камеру, как только нам посчастливилось с помощью мутантов отыскать на мелководье пару неплохих вещей, что ушли в Дублин задорого. А потом духовочка по выпеканию-выращиванию мраморной говядинки помогла нам подзаработать деньжат на жбаны по вызреванию алокаля и их вживление в тела добровольцев. А чего им не быть добровольцами? То ли по раскаленному песку и кнутами фуриров бегать, то ли в прохладе башни сидеть и жрать от пуза… Выбор очевиден! Любой планк согласится! Потом и Зилра под нож пошла с радостью. А в Дублин они с Зирвеллой рванули не только погулять и песо потратить, но и техосмотр пройти в аддосе. Ну и буклетов прикупить. Поговаривают, что появились какие-то новые продовольственные модификации. Не поверишь – можно вырастить в себе голову дельфина! Живую! Даже с мозгами! Ну и со всем остальным, конечно! Стоить такой деликатес будет очень немало у дублинских гурманов богатеев… – мечтательно причмокнув, Зилрой продолжил делиться радостью – Поговаривают, что и фуа-гра теперь можно выращивать, причем в дополнительной камере. Живот растягивают, внутрь ставят гибкий прочный каркас как для жбанов алокаля, но поменьше – можно даже ходить! – следом ставят ферментный модификатор и…

– А жопу фурира в себе вырастить никак? Так чтобы вместе с дерьмом…

– Зачем? – изумленно выпучился на меня Зилрой.

– Продолжай по теме.

– Так все уже – он развел руками и скорбно закачал головой.

– Этот экз? – я кивнул вниз, где замер в стойле полицейский экзоскелет.

– Никак не получится.

– Дай угадаю – намертво привязан к тебе?

– У сестры такой же. Мы шутим про наведение порядка среди фуриров… но на самом деле это для защиты от гигосов.

– А ты говоришь рассказать больше нечего… что за гигосы?

– Твари – просто ответил Зилрой и зябко передернул плечами – Огромные морские твари с мясной и электронной требухой вперемешку. Гигосы, что живут там – он махнул рукой в противоположную от берега сторону – На большой глубине. Они служат Владыке. Но говорят, иногда они сходят с ума… Зоны 38 и 39 уничтожены ими на корню. Хочешь взглянуть?

– Ага – кивнул я – Давай.

– Тогда нам выше. Ничего, что я полезу первым, а ты за мной?

– Ничего, если я выстрелю во все, что капнет?

– Лезь первым – мудро рассудил Зилрой, дергая за цепь и с грохотом опуская с потолка стальную лестницу.

– Ты разговорчив…

– Я хочу жить… и хочу и дальше владеть башней… хочу и дальше спать в объятиях любимой сестры, ощущая жар ее тела… хочу ощущать себя внутри ее и ее внутри себя… хочу выполнять план, получать бонусы, развивать Зону 40 в надежде добиться статуса Основная. Я обычный планк поднявшийся с самых низов хитростью, упорством, обманом и безмерным извращением… я жопу свою предлагал всем желающим перед выборами! И жопу своей сестры! Я знал – сегодня они трахают меня, но завтра…

– Но завтра ты будешь трахать их? – усмехнулся я, поднимаясь по звенящей лестнице и таща с собой весь новый скарб, включая кирасу, наплечники и шлем.

– Но завтра я буду править двузубой Вилкой и Зоной 40! Кто-то скажет – фу дерьмо! А я скажу – я готов заплатить эту цену! И не всегда плата – это звонкие песо! Ха! Чаще всего плата – это теплая кровоточащая плоть. Твоя собственная плоть! Ты… ты возможно наше с сестрой спасение… я не хочу, но готов умереть ради своей идеи! Я готов на все, чтобы Зона 40 процветала и росла! Мы с сестрой даже сраный праздник Смакендритт придумали ради этого – чтобы все планки могли выпустить весь скопившийся в них зловонный злобный жопный пар! Рви! Убивай! Насилуй! Да это неправильно! Да мы люди, но мы мразота! Но как же приятно выпустить пар… чтобы завтра, чувствуя вину, получить свое наказание и работать дальше, втайне с нетерпением ожидая следующий праздник… Жалко насилуемых? Мне тоже! Но раньше их трахали и убивали каждый день! Тут полно жертв, что никогда не станут хищниками…

– Это что? – бесцеремонно перебил я, указывая на небольшой вертикальный металлический контейнер.

– Ща… – пройдя мимо, Зилрой ткнул пальцем в знакомый черный квадратный сенсор.

Крышка разошлась, следом открылась боковая панель,

изнутри мягко вышла закрепленная на штативе камера. Последним поднялся тут же зажегшийся экран.

– Вот… – теперь палец Зилроя ткнул в застывшую посреди экрана четкую картинку – Видишь это дерьмо? Что-то не верится мне, что пара сраных экзоскелетов смогут защитить вот от такого…

– Вижу – кивнул я, подходя ближе – Вот дерьмо… это сделал гигос?

– Это сделал гигос – похоронным голосом отозвался хозяин башни – Херов спятивший гигос… поэтому я и создаю арсенал. В надежде…

– Бред… такого картечью не остановить – буркнул я, не отрывая взгляда от укрупняющейся картинки.

– Есть и чуток динамита. Пяток шашек.

– Динамит – хмыкнул я – Ну-ну…

Экран показывал то, что осталось от маяка-близнеца в соседней зоне – Зоне 39, отделенной от Зоны 40 невысоким сплошным скалистым хребтом, что сразу напомнил мне о поделенном на огромные сектора побережья мира Франциск II. Только тут масштабы куда поменьше.

От маяка, по сути, ни хрена не осталось. Разве что основание уцелело, что находилось точно по центру примерно восьмиметрового в поперечнике и частично затопленного желоба с вздыбленными над водой кромками. Судя по этой колее, нечто гигантское пришло с океана, попросту пройдя через башню, разрушив ее и круто свернув к берег, где остался такой же желоб.

– В один день погибли Зоны 38 и 39. Всех убили и пожрали. Это было до меня, я не видел, но уже помершие старики говорили о невероятном плавнике, что медленно проплыл над скалистой границей нашей зоны и ушел в океан… – вцепившись в штатив камеры, Зилрой вперился в меня пьяный взор и торопливо забормотал – А четыре дня назад я видел! Видел там – его рука ткнула во внешне безмятежный вечерний океан – Я видел там этот плавник! Только плавник, что разрезал волны по направлению к берегу, но затем ушел в глубину… Почти черная живая стена с острыми шипами, на каждый из которых можно насадить по три гоблина от жопы до макушки! Рваная толстенная живая стена, что будто затмила само солнце… Тогда я и подумал – хреновое же это предзнаменование…

– Четыре дня назад? – задумчиво уточнил я.

– Почти четыре дня назад – вздохнул Зилрой – Часов за пять до прибытия свежих сборщиков. А что?

– Ничего – качнул я головой, опять взглянув на разрушенный маяк – Ничего… Было что-нибудь еще необычное?

– Например?

– Что угодно.

– Разве что летающий остров, что прошел далеко в стороне свободно как на прогулке – почесал щеку Зилрой – Может Владыка призвала кого в гости?

– Летающий остров? – я мягко сжал плечо хозяина башни и Зилрой выгнулся от боли – Уверен? Когда? Шел от океана к берегу?

– Дней шесть назад! Да! Из океана к берегу! Черт! Больно! Летающий остров! Я успел направить на него камеру и записать! Могу показать, только не дави так сильно!

– Покажи – тихо улыбнулся я, сжимая пальцы сильнее – Покажи…

Глава третья

После второй распитой нами бутылки не слишком крепкого импортированного бухла – пить из живых жбанов я не собирался – Зилрой перестал сонно бубнить, затем обмяк и окончательно отрубился, вытянувшись прямо у порога душевой кабины, где я смывал с себя кровь и грязь. Тормошить пьяного ушлепка я не стал – уже успел получить столько информации, что едва удерживал ее в гудящей башке, к тому же требовалось время на переваривание всей инфы и деление на полезное и дерьмовое.

Дерьмового, как всегда, было больше. Например, славные байки о далеком прошлом. Мусор… Но как говаривал давно уже погибший старик, что некогда жил под тентом на вершине Небесной Башни: даже учебник истории может однажды пригодиться, пацан, если достаточно тяжел чтобы оглушить кого-то или его страницы сделаны из мягкой и не слишком толстой бумаги, не рвущей подтираемую жопу.

Зилрой и Зилра – реальные брат и сестра. Кровные родственники. И что самое главное – они в каком-то там ломаном колене потомки тех бродячих океанских племен, что прибыли в эту точку океана задолго до того, как здесь начал строиться Формоз. Предки этой парочки были теми, кто по большей части дрейфуя и подрабатывая движками лишь в исключительных случаях, обитали на мелководных затопленных зонах, живя на плавающем утиле и добывая со дна ценные штуковины, чтобы потом выменять их на еду и запчасти. Изредка они швартовались к большим плавучим островам-фермам, где нанимались на сезон сбора урожая. Заработав, снова отправлялись в бесконечное путешествие. Само собой, трахались и плодились они не переставая, отчего их численность постоянно росла, а вместе с ними и количество плотов и кое-как залатанных катеров, баркасов и даже старых траулеров. Как рассказывал Зилрой флагманом этого бродячего флота было старое небольшое круизное судно, что заодно выступало буксиром.

Океанское племя прибыло к Атоллу, отклинувшись на призыв поработать. Прибыли… да так там и остались – лишь четверть племени предпочло уйти, а остальные соблазнились регулярной жратвой, нормальной медициной и ежедневным доступом к хорошо опресненной воде. Они выполняли любую работу, не рвали глотки и жопы ради повышения зарплаты, довольствуясь малым. И в результате заработали настолько большую благодарность Первого, что тот даровал всем потомкам племени Паисундидо некоторые пожизненные права. Там был целый

список мелких подачек, что в целом существенно облегчали жизнь каждому из потомков.

Знание о своих предках.

Знание о своей родне.

Право быть со своей родней.

Два литра пресной воды в день бесплатно.

Родовой потомственный подарок.

Пачка солевых таблеток в неделю.

Пачка сигарет в неделю (или две сигары).

Право уйти в холодный сон на пятьдесят лет – с амнезией.

Зилрой перечислял долго, нещадно при этом гундося и запинаясь… поэтому я запомнил от силы треть перечисленного. Но и этого хватило, чтобы понять – с такой базой при «рождении» вполне можно преуспеть, если не конченный кретин.

Зилрой с сестрой одновременно ушли в холодный сон в свое время. Почему? Этого они не помнят. Их лишь оповестили при очередном «рождении», что они являются потомками Паисундидо и пошли на добровольное пятидесятилетнее забвение со стиранием памяти. Им выдали все причитающееся и здравствуй Зона 40.

На следующий день начался праздник Смакендритт и лишь врученный родовой подарок позволил им выжить – каждый получил от системы по мелкокалиберному полностью заряженному револьверу. Шесть выстрелов у каждого. Этого им хватило, чтобы пережить первый праздник и не стать жертвами буйствующих насильников, бегавших по Сорокушке со вздыбленными херами. Они убили только троих – и остальные отправились искать менее зубастые жертвы. В тот день Зилра поклялась, что однажды она отрастит себе хер и сама будет трахать всех долбанных насильников. И свое обещание сдержала – ее прооперировали в Дублине, после чего, дождавшись праздника, она жестоко отымела сразу двух особо известных насильников, одного затрахав и забив до смерти.

Хозяин маяка хотел удариться в слезливые воспоминания, но я заставил его просто отвечать на мои вопросы.

Что за пушка на маяке?

А хрен его знает. Чем-то стреляет. Обслуживать не надо, система заряжает ее сама. Но есть проблема – сломан поворотный механизм. Купить новый поворотный модуль пока не удалось – дорого. Можно было конечно все же купить… но тогда Зилра осталась бы без члена. Так ведь дела не делаются – нельзя лишать сестричку заветной мечты. Ну да…

В результате стационарная пушка не может развернуться полностью, имея лишь небольшой сектор поворота, но этого

хватает, чтобы держать под прицелом как сам лагерь, так и ближайшую к нему территорию. Хотя главную свою задачу пушка не выполняет – защита от гигоса, что может атаковать в любой момент.

Гигос – дивинус… Это одна и та же хрень, в чем я убедился, задав Зилрою десяток уточняющих вопросов. Животные-мутанты напичканные электроникой. Почти бессмертные сторожа глобальных убежищ. Но изредка они сходят с ума и начинают крушить все вокруг… Здесь в Формозе у гигосов-дивинусов размеры куда больше – ведь они живут в морской стихии и им не приходится таскать по суше многотонные туши. Обычно пары выстрелов хватает, чтобы отбить у спятившего гигоса все желание атаковать. Но в их случае пушка нацелена на гоблинов, а не на морскую пучину.

Зилрой попытался намекнуть, что поворотный модуль вполне можно добыть, если пройдешь в полуфинал неких Дублинских Игр и что мне за это будут благодарны все жители Зоны 40. Но стоило ему поймать мой взгляд и он признал, что это не лучшая идея.

Дублин…

То же самое что Дренажтаун для Окраины Мира.

Даже больше.

Дублин 5 – удаленный от берега на двадцать километров населенный пункт, граничащий с себе подобными, но отделенный от них скалистыми хребтами защищенными системными полусферами. Никто не смеет пересекать эти границы. Там, вокруг массивной крепости, в которую входят линии канатки, разбросаны здания поменьше. По большей части это бараки. Или скорее казармы – Дублин-5 является военным городом. И неудивительно – его население постоянно на военном положении. Битвы у внешней границы случаются ежедневно. Столь же часто из Дублина уходят посылаемые на системные задания отряды. Задания разные, но чаще всего их можно описать очень просто: найти и уничтожить.

Найти и уничтожить кого?

Как кого? Мутантов, конечно.

Каких еще нахер мутантов?

Обычных. Постядерных. Порожденных глобальной ядерной войной, что накрыла планету… радиация ведь проникнет куда угодно. Вот и внутренним территориям не повезло. Так появились лежащие за Дублином Земли Мутантов.

Мне пришлось встряхнуть Зилроя, чтобы прервать несвязный бред. Но он уперся и, отпив еще пару глотков бормотухи, забубнил громче, рассказывая сказку про то, что планета почти

мертва и лишь Формоз защищает себя выживших от радиации и монстров. Хотя кое-что конечно все же прорывается внутрь через дыры.

Дыры эти, кстати, я легко видел с помощью бинокля. Надо было лишь взглянуть в противоположную от берега сторону, чтобы увидеть ту самую стальную стену выкрашенную в светло-серо-голубой. Там и обнаружились зияющие страшные дыры в стенах глобального убежища Формоз. Их было легко разглядеть благодаря царящей внутри черноте. Что логично – стены Формоза и прочих убежищ представляют собой слоенный многометровый сэндвич. Но все же… повреждения страшны. И они никак не могли возникнуть из-за природных причин. Я вижу следы когтей, осколков… я вижу невероятного размера вмятины и разрезы в стальной коже Формоза. И я вижу частые красные бородавки системных полусфер, висящих на стене на разной высоте, хотя кое-где вместо стальных грибов видны лишь дыры или искореженные вздутия.

Так что там про мутантов?

А ничего. Эти безумные уроды живут в своих землях. И устраивают набеги за мясом на Дублин-5 и ему подобные зоны. Если бы не дублинцы… все побережье давно бы уже было уничтожено. Но пока мутантам не удается пробиться, и они гибнут у стен Дублина-5. А ведь тут велика заслуга и фуриров! Именно они следят за тем, чтобы сборщики регулярно собирали продовольствие, чтобы затем отправить его по канатке в Дублин! Пусть дублинцы сражаются, но на пустой желудок особо не повоюешь.

Как выглядят мутанты?

По-разному. Но красивых среди них нет. Это гниющие заживо создания, что порой выглядят как звери или насекомые, а иногда и вовсе представляют собой нечто неописуемое. Твари они.

Ладно…

Что там с Гнойным Каньоном?

А все неплохо с этой склизкой трещиной в жопе мира. Хотя, по сути, это никакой не каньон, а просто глубоченная канава, что предположительно опоясывает весь Формоз и соответственно закольцована. Известно, что там, где каньон пересекают делящие мир на сектора скалистые отроги имеются забранные решетками тоннели. Обитаемые тоннели… никому точно неизвестно, что живет под скалами и насколько велики их территории, но разумных склизких тварей там хватает… Целиком их никогда никто не видел, но некоторые части мелькали довольно часто перед теми, кому посчастливилось уцелеть. Длинные и очень тонкие черные щупальца с чем-то вроде сопел или ртов на

концах, что испускают контактный яд. Одно прикосновение – и ты парализован, превращаясь в мясной живой рулетик, что подтаскивают к решетке и втискивают в нее как в сетку мясорубки, рвя плоть и ломая кости. Череп вот не ломают, если верить жутким слухам или же ломают очень аккуратно, что не расплескать нежное содержимое. Это как почти растаявшая мороженка в дробленом вафельном стаканчике, что еще сохранил форму и держится внутри размякшего бумажного пакетика… главное успеть дотянуть до рта и жадно отхлебнуть… Ты хоть раз видел такое мороженое, Оди? В Дублине оно продается в специальных торговых автоматах… вкуснотища!

Но вернемся к Гнойному Каньону.

Его ширина разнится в зависимости от местности – опять же непроверенные слухи. Что-то вроде от пятидесяти метров до километра. Хотя целый километр… вряд ли такое может быть на самом деле… Что? В жопу географию? Ну да… Участок, где пролегает канатка от здешних зон к Дублину-5 шириной около двухсот метров. Внизу то, из-за чего каньон и прозвали гнойным. Там вода… вонючая зловонная жижа, куда все зоны класса Дублин сбрасывают свои сточные воды. Застойности почти нет – судя по редким бурунам у дна установлены мощные насосы, что заставляют всю эту тягучую мерзость постоянно двигаться. Закольцованная и постоянно пополняемая река дерьма… со столь же мерзкой флорой и фаунов на воде, у воды и под водой…

А еще там обитают те, кого система обрекла на рождение в Гнойном Каньоне.

Наказанные навечно. Они не могут покинуть пределов отведенной им территории, что, кстати, неплохо как для Зон так и для Дублина. Ни к чему лишняя угроза, верно? Тем ушлепкам терять особо нечего – их жизнь полное дерьмо. Они обитают в стенах каньона, держась повыше, там, где есть кое-какой сквозняк, что отгоняет удушливую вонь, исходящую со дна этой мега-канавы. Но спускаться им приходится регулярно – их пропитание зависит только от них самих. Охота, рыбная ловля и собирательство. Хотя что это за жратва, если даже вываренный кусок мяса норовит прожечь тебе желудок? Когда попавший в глаза сок лопнувшей ягоды вызывает многодневную слепоту, а не лопать нельзя – под несъедобной кожурой и ядовитым соком скрывается крохотная сердцевина… С обитателями Каньона налажена кое-какая торговля – благодаря то ли какому-то дебильному сбою, то ли так задумано, но каждый раз кабинки канатки замирают над Каньоном на пять минут ровно. При желании можно разблокировать двери изнутри и поздороваться с упырками… Вот только кому это надо? Системные полусферы

неподалеку и отслеживают ситуацию, но они не вмешаются, если пассажир сам открыл дверь, подставив жопу под отравленный дротик. Да… обитатели Каньона неподсудны. Почему? А хрен его знает. Скорей всего потому, что они уже отбывают одно из самых строгих наказаний…

Зилрой говорил еще долго. А я не мешал, слушая его до тех пор, пока он не отрубился.

Поднявшись на крышу, я переварил информацию, заодно дав аптечке впихнуть в меня столько лекарств, сколько ей вздумалось. Тело налилось ненормальной легкостью, спину щипало и жгло, в кишках кто-то бился, подыхая от лекарств – похоже, меня ждет пара сюрпризов когда присяду посрать.

Ненадолго я замер, вглядываясь в высоченный изодранный плавник, что будто мясницкий тесак вскрыл нервную гладь закатного океана. Когда плавник ушел в пучину, я поднялся и потопал вниз. Время собираться… а как только закончу со сборами, сразу же разбужу плаксивого сученка и заставлю отправить меня по канатке, не забыв при этом выдать мне особые бонусные награды и заодно премиальные поощрения – и мне плевать, что я их не заслужил. Упомянувший о них Зилрой что-то бубнил про то, что сначала надо пролить ведро крови и цистерну пота, чтобы заслужить подобное… так я пролил. Разве что пропорции перепутал, но вряд ли дохлые фуриры в обиде…

* * *

– Охренеть – буркнул я, когда забравшая меня подвесная кабинка со старыми треснутыми бронестеклами поплыла над палаточным городком Зоны 40.

Пол был прозрачным, да и четыре стекла в стенках позволяли все рассмотреть в подробностях несмотря на трещины и грязь. Так что плотную группу на центральной площади я увидел мгновенно, как и стоящую на помосте одинокую высокую фигуру.

Гоффурир Замрод.

Он поднес правую ладонь ко рту и металлический ящичек рядом с дверью зашипел и родил его ровный спокойный голос:

– Я достану тебя, чужак. Не знаю кто ты такой… но я достану тебя.

– Да ну? – зевнул я, распечатывая злаковый батончик.

Наткнулся я на заначку Зилроя в небольшом тайнике в полу… Порножурналы оставил, а винтовочные патроны, пару игстрельных модулей и все съедобное забрал без малейшей жалости, не обращая внимания на тоненько воющего хозяина, что

страдал от дикого похмелья.

– Ты пролил мою кровь… я такое не прощаю.

Поморщившись, я глянул на Замрода сквозь стекло. Кабинка продолжала двигаться, и вскоре лагерная площадь осталась позади. Снова подо мной поплыли палатки и кособокие хижины. Высыпавшие наружу гоблины-сборщики все как один пялились на подошвы моих красных кроссовок со стальными носками, что стояли на стекле. Еще один трофей…

– Оно тебе надо? – поинтересовался я у Замрода – Подумай трижды… ведь я ухожу…

– Ты пролил мою кровь.

– Да посрать – пожал я плечами – Забей, забудь, запей и живи себе дальше, фурир.

– Это война… слышишь меня, чужак Оди? Я объявляю тебе войну…

– Сам себя слышишь, ушлепок?

– Я знаю таких как ты… ты лидер… таких как ты, если они появляются здесь в Зоне 40… надо давить сразу же… или подминать под себя и использовать. Но такого как ты не подомнешь… Я знаю, что если дать тебе день… у тебя появится как минимум один солдат. Дай тебе неделю – и под тобой будет минимум три бойца… Дай тебе месяц… и ты получишь слишком большое преимущество.

– Мы уже встречались?

– Нет… или да… но именно эта недавняя наша встреча решила твою судьбу. Ты умрешь. Это война.

– Слушай ты, пафосный придурок со сгнившим эго и вялой мошонкой… знаешь в чем разница между войной и миром?

– Мир – это жизнь! А война – это смерть! Твоя смерть!

– Нет… разница в том, что войну ты можешь объявить единолично. В одностороннем сука порядке.

– И что?

– А вот чтобы заключить мир понадобится согласие обоих воюющих сторон. Смекаешь?

– Ты умеешь угрожать.

– Подумай еще раз, гоффурир ушлепок Замрод, пошевели мозгами. Я – ухожу. И не хочу оглядываться. Не хочу возвращаться. Подумай… стоит ли тебе давать мне причину вернуться?

– Это война…

– Ну да…

– До скорой встречи, чужак Оди. До скорой встречи… – прохрипел Замрод, явно желая, чтобы последнее слово осталось за ним. Я дал ему такую возможность, не став отвечать.

Этот ушлепок, несмотря на твердый голос и спокойствие, точно находится под ударной дозы какой-то наркоты. Иначе он бы не стал разговаривать как дрочливый прыщавый домашний подросток. Такому пафосу нет места на улицах. Там войн не объявляют и всегда бьют без предупреждения и в спину.

Оглядев оружие, прислоненное к набитому рюкзаку, я вытянул ноги, устроился поудобней и задремал, не обращая внимания на продолжающую тревожно попискивать аптечку, что все еще пыталась вытравить из меня остатки заразы. То, что вылезло из меня в сортире… еще не было последним приветом Зоны 40.

Лучше бы не дремать, а продолжать переваривать пласты набросанной мне в голову информации, но навеянная лекарствами сонливость брала свое и я решил не сопротивляться – лучше поспать сейчас, чем отрубиться в момент, когда от меня требуется максимальная собранность.

* * *

– Они просто помогли, босс! – она почти визжала, понимая, что еще пара миллиметров и острие дрожащего от бушующей во мне злости ножа погрузится в ее широко раскрытый слезящийся глаз.

– Я СКАЗАЛ! – рявкнул я с такой яростью, что вжимающийся в стену неподалеку безногий калека упал ничком и пополз, стремясь уйти от угрозы. Его путь пролегал по кишащему насекомыми мусору, но его это не смущало.

– Они просто помогли!

– Дерьмо! – схватив дуру за глотку, я с силой вбил ее спиной и затылком в изъеденную кислотными дождями кирпичную стену – Тупая сука! Сука!

– Ты ее убьешь, бвана! – чернокожий Берн вцепился мне в руку, дернул на себя, срывая мои пальцы с пережатой шеи уже обмякшей Вэлки.

Ударом плеча отшвырнув Берна, я, тяжело дыша, отступил и Вэлка с плеском упала в обжигающую лужу.

Поправив капюшон дождевика, я спрятал уже зудящую и покрасневшую руку с ножом в просторный рукав, устало опустился на корточки и замер, глядя на поскуливающего ползущего калеку, бубнящего что-то в стиле «Сынки я ничего не видел, клянусь, я ничего не видел».

– Зачем ты цепляешься за жизнь? – спросил я и обращенный ко мне жопой калека каким-то образом понял, что мой вопрос

адресован ему – Твоя жизнь дерьмо…

– Но это все же жизнь – ответил безногий и уселся в своем наглухо зашитом снизу дождевике-мешке – Это жизнь…

– Ты жрешь мусор… живешь в мусоре…

– Я живу…

– Живи – кивнул я и швырнул ему небольшой тяжелый серый слиток – Живи…

– Я ничего не видел!

– Да посрать – отмахнулся я и поднялся, что тут же снова нагнуться, подобрать стонущую Вэлку и закинуть ее на плечо – Двинули, Берн. Вызванивай наших. Собирай всех в гараже Понча. Ему кинь сигнал вскрывать бетонный пол – сегодня нам понадобится весь арсенал.

– Зачем, босс?

– Мы пойдем убивать Желтых Драконов – спокойно ответил я, шагая по темному переулку, что был зажат между брошенными кирпичными многоэтажками с залитыми доверху водой подвалами. Мы брели по щиколотку в мутной воде с радужной пленкой.

Вода…

Вода неуклонно прибывала…

И от этого еще сухая земля неуклонно дорожала в этом проклятом каменном муравейнике. Территории банд уменьшались, а затем исчезали и тогда лишившиеся земли под жопой банды объединялись с другими или начали резню… Властям – тем, кто остался – давно уже было плевать на все и вся. Мы сами решали свои дела… решали по-своему…

– Драконов? – надо отдать должное Берну – он сначала обдумал мои слова и только затем заговорил – Босс… ты чего… они ведь нам…

– Помогли? – оскалился я и поправил сползающие на переносицу защитные очки. Пора смазать лицо защитным кремом…

– Они помогли Вэлке! Она попросила лишь раз – и получила помощь. Драконы наши соседи и дерьма от них мы не видели. Послушай… ты еще молод, босс. Сколько тебе? Твои восемнадцать ведь праздновали недавно?

– Ты о чем?

– Ты горяч… Вэлку чуть не удушил. Но ведь она выполнила задание. Сумка доставлена. Мы доставкой уже долго занимаемся… и пока репутацию держим неплохую. Но просри мы такой важный заказ сегодня… и хрен бы нам доверили еще одну такую доставку. Ведь так?

– Так.

– А может нас пришли бы убивать посланные недовольными заказчиками… так?

– Так.

– Вэлка не виновата, что на нее вышел тот долбанный робостраж. Это случайность. Так?

– Так.

– Ей пришлось позвать тусующих в заброшке драконидов. И в чем проблема? Они подтянулись, уронили плиту на стальную башку робостража. А затем через своего знакомого договорились, чтобы с местного полицейского сервера были чуток потерты записи… просто случайность – на патрульного упала плита с разваливающего здания. Ведь так, босс?

– Так.

– Когда все уладили – они позвонили тебе. Это поступок друзей. А ты взбесился… едва не угробил Вэлку.

– Ты дебил, Берн – шипяще выдохнул и забросил Вэлку в отъехавшую боковую дверь нашего фургона с рекламным слоганом «Лучшая пицца Отсосо! Вкус как у настоящей!».

– Дебил в чем?

– На улицах никто и ничего не делает просто так. Какой еще нахер дружеский поступок? Да загреми Вэлка в тридцать седьмой полицейский участок – я бы вытащил эту дуру через полчаса вместе с грузом! Ей тупо надо было сдаться! Но она запаниковала! И заорала!

– Но драконы помогли!

– Да! Помогли! И теперь все будут знать, что мы слабее Желтых Драконов! Они – большой брат на этой территории. А мы… а мы жалкие отсосы, которым разрешают здесь жить из жалости.

– Но это не так!

– Все будут думать, что так! Новость разнесется уже сегодня по всему району, а завтра – по всему городу! Ни одна по-настоящему хорошая доставка нам в лапы больше не попадет! Уйдет к драконам! И почему? Потому что Вэлка выставила нас слабаками! Это долбанная уличная политика, Берн! Высокая мать ее крышная политика, где на роботов падают плиты, безногие ползут по дерьму переулков, с серверов стираются данные, а из-под ножей льется кровь!

– Но какая у нас причина нападать на них?! Нас не поймут!

– Они подставили Вэлку – пожал я плечами – Навели на нее робостража. Вот и причина.

– А это так?

– А тебе есть разница? – спросил я, разворачиваясь к Берну и вглядываясь в его лицо – Или ты просто выполнишь мой

долбанный приказ и пойдешь убивать драконов?

– Я…

– Да?

– Я возьму томми. Можно?

– Правильный выбор, Берн. Правильный выбор…

* * *

Разлепив глаза после короткой сторожкой дремы, я выдернул из руки иглу капельницы, сменил картридж в аптечке и снова залез в кирасу. Неудобно… непродуманно… это сурверское снаряжение – полное дерьмо. Хотя другого и не стоило ожидать – что еще посильно для покупки нищебродной Зоне 40?

Взгляд по сторонам и вниз показал, что ничего нового за время неспешного пути не появилось. Мы по-прежнему тащились как трахнутые ленивцем черепахи. Судя по нерегулярной тяжелой дрожи и раскачиванию, вся здешняя транспортная система была предельно изношена. Однажды очередная кабинка не доберется до пункта назначения…

Редкие стальные опоры вздымались между камней как потемневшие металлические зубы. Повсюду мертвая иссушенная земля с редкими желтыми кустами колючки и еще более редкими деревцами с зыбкой тенью, где прятались от солнца полосатые ящерицы. Кое-где на потрескавшейся земле лежали пыльные кости и судя по ним тут обитали необычные твари – двойные позвоночники, множество лап, длинный раздвоенный на конце хвост и тяжелые клыкастые черепа…

Вздрогнув, кабинка застонала в очередной раз и меня потянуло к пластиковой спинке старой скамьи. Мы двигались под крутым углом вверх, преодолевая подъем. С запозданием кабинка вернулась в нормальное положение и… вот он… Гнойный Каньон. Такое громкое название… и такое дерьмо с виду.

Прободроздившая иссушенную равнину гигантская сточная канава. Частые островки зелени на сером мрачном камне дрожали под порывами ветра. Прозрачное брюхо капсулы со стуком прошлось по изломанным черными ветвям. Подо мной открылась… да ни хрена там не открылось. Не такая уж и большая глубина, все дно рукотворного каньона покрыто бурой пенной водой с едва заметным течением.

– Стандартный проект – процедил я, переводя взгляд вперед и поднося к глазам бинокль – А это что за дерьмо на соломинках?

Метрах в тридцати от меня высились хлипкие даже на вид конструкции вроде строительных лесов, собранных из всего, что

попалось под лапу – бревнышки, ржавая арматура, трубы… Все это несуразное говно с огромным трудом балансировало на том, что я обозначил для себя как некогда плоскодонное речное суденышко с излишней длиной, к которому добавили разнесенные в стороны боковые поплавки, превратив в подобие тримарана. С кормы в воду уходило две дрожащие цепи – якоря, чтобы удержаться на месте. Снующая по палубе немногочисленная команда походила на фанатов резины и стекла – закрывающая все тело защитная самодельная одежда и стеклянные мутноватые шлемы на башках. Судя по зыбкой дымке, что курилась над палубой, в этой одежде имелась прямая необходимость. Стальная утка плывущая по затуманенной реке говна…

На вздымающихся шатких лесах, разместившись на различной высоте, висели «птички» – полуголые гоблины с раздвоенными на концах палками, сетями, цепями и прочим странным оружием. Еще у троих огнестрел – два дробовика и странноватая хреновина, в которой я опознал игстрел. На верхнем «этаже» качающейся башни имелось еще кое-что – странная надпись «Эффель» и несколько гоблинов, что спешно готовили нечто, состоящее из многочисленных блоков, цепей и веревок. Завидев кабину, они засуетились, один свесился и что-то заорал, тыча в мою сторону пальцем. Наверх тут же полезла троица крепышей, несущая за спиной различные приспособы, среди которых выделялось что-то вроде механических огромных ножниц для резки металла.

Оценив все это дерьмо, я пришел к простому выводу – ушлепки решили срезать с каната стальное яблочко вместе с червем Оди внутри. Затем, используя канатку как точку крепления блоков, опустить срезанную кабину к тримарану внизу. И дело сделано. Уже убирая бинокль от глаз, я машинально отметил, что примерно половина поднимающихся от судна строительных лесов выглядит очень капитально и прочно. Вряд ли их разбирали. А вот вторая половина… тут все склеено кровавыми соплями и дерьмом, так что продержится не более суток. Но им ведь большего и не требуется – главное дотянуться до путеводной щедрой артерии с вкусняшками, что пересекает эту канаву говна…

Забросив рюкзак за плечи, я нахлобучил шлем, затянул потуже крепление под подбородком, опустил забрало и подхватил оружие. За это время план встречающих прояснился окончательно – что-то треща по рации, один из верхних командиров дал отмашку и четверо остальных вцепились в стальную змею троса у них под ногами. Действуют они привычно и без лишней

нервозности. Значит, проделывают это не в первый раз. Что ж…

Зашипевший передатчик на двери выдал что-то шумное и непонятное, а затем сквозь помехи прорезался издевательский голос:

– Эй птичка Оди! Тебе вещает капитан Мульрос! Мы срежем тебя как блуждающий аппендикс с жопы – бережно и быстро. Потому спустим. Береги голову. Ты должен остаться в живых и в сознании. Понял?

Я не ответил, но капитан Мульрос не унимался:

– Важный чел описал тебя как крутого, быстрого, жесткого и смертоносного убийцу. Прямо как мою жену описал… Но мы же понимаем, что отстрел мягкожопых сборщиков… дело легкое, да? А вот с моими реально жесткими ребятками тебе лучше не связываться, если не хочешь, чтобы тебе обрубили руку и сделали твою жопу достоянием племени. Мы в курсе, что ты скорей всего вооружен… мой тебе совет – расслабься. До Дублина тебе не добраться.

Этот дебил решил, что я двигаюсь напрямик в Дублин? Я оскалился в беззвучной усмешке. Ну да… логично… я о своих планах не распространялся, так что мое отбытие из Зоны 40 выглядело как отправка прямиком в Дублин 5. А если у кого и возникла нелепая мысль, что я могу отправиться на поиски сестрички Зилроя… она быстро угасла. Ведь никто в здравом сука уме не попрет в одиночку против всего Гнойного Каньона. Это самоубийство…

– Если прямо сейчас выпрыгнешь, чтобы не заставлять нас срезать кабину – тебе зачтется. Реально зачтется. Сдашься сам, сдашь нам свои вещички и получишь на следующий месяц спокойную житуху. Обещаю тебе маленькую личную каморку, нормальную жратву и самогон, а еще Зинру для траха. Она любит трах! Ты пойми, Оди – ничего личного. Просто выгодный контракт…

Глянув назад, я заметил четыре алые системные полусферы, что выглядели на серой стене каньона как раковые опухоли.

– Ну же, Оди… подумай сам – тебе все равно конец после того, как ты так весело отпраздновал в Сорокушке. Тебе не добраться до той стороны каньона. Замрод не прощает. Он хочет прикончить тебя лично. Странновато? Согласен… Но кому какое дело пока он платит? А до его прихода ты спокойно будешь спать, жрать и трахаться, не боясь при этом за собственную жопу. Разве не щедрое предложение для такого обреченного бродяги как ты? Давай… выпрыгивай…

Вжав кнопку, я выдержал паузу и произнес:

– Ладно. Выпрыгну.

– Вот это дело!

– Самогон точно есть?

– Полно его! И закусон! Все ждет тебя на яхте внизу. Стальная сучка Розарио ждет тебя, мужик! Сначала ты выбрасываешь оружие, лады? Вообще все выкидываешь, потом выпрыгиваешь сам. Учти – времени в обрез…

– Ладно… так самогон на яхте?

– Прямо у меня под рукой пара бутылок, Оди! Посидим прямо у меня в каюте, выпьем душевно, закусим жареным крокодилом. Слово даю – так и будет, если придешь сам. Только я тебя к стене прикую – ну само ведь понимаешь, да?

– Ага.

– Так что?

– Ща буду – пообещал я и дернул рычаг на внутренней стороне двери.

– Не забудь – первым делом выброси оружие!

– Я начну с патронов – улыбнулся я, отодвигая дверь и подаваясь вперед.

Поведя стволом, выстрелил дважды, отправляя картечь не на верхний ярус, а ниже, накрывая стрелков. Выпрыгнув следом за улетевшими гильзами, еще в падении дважды вжал спуск, добивая воющих ушлепков. С грохотом приземлившись на затрещавшей дощатой площадке, ударом плеча отправил в далекий полет сразу двоих «ловильщиков» вместе с сетями. Отстрелив башку третьему, прыгнул в сторону и площадка, где я только что стоял, взорвалась щепой от выстрела снизу.

– СУКА-А-А-А! – воя, стрелок повторил выстрел, глянул в пробитую им дыру, откуда вывалился окровавленный и еще живой кусок мяса – Я убил Оди! Я!..

От моего пинка в спину он упал и полете вниз, с криком нажимая на спусковой крючок дробовика, хаотично рассылая картечь куда придется. Строительные леса зашатались, затрещали, где-то снизу со звоном отлетела одна из стоек и все начало накреняться. Ускорившись, я схватился за края яруса и кувыркнулся вниз, влетев ногами в ослепленного картечью подранка. Рюкзак мешал, цепляясь за стойки и вырывая их, мне в грудь ударила пуля, со звоном отлетев от кирасы. Еще один выстрел по касательной прошелся по шлему. Выругавшись, я выстрелил под себя и провалился сквозь хлипкие доски, уходя от стрелка вверху. Пробив площадку, долетел до следующей и… пробил ее тоже, отправившись дальше под изумленным взглядом какого-то старика, что пытался обвязать пару дрожащих стоек обрывком веревки. Стойки… упав на выдержавшую меня опору, выстрелом я выбил пару стоек и прыгнул ниже, забрасывая

опустевший дробовик за спину и хватаясь за второй.

– Вот же сука гнойная! – хрипло заорал упавший на пузо старик, прижавшись к ходуном ходящей площадке и свесив харю в треснутых защитных очках – Я твою жопу…

Картечь выбила ему половину башки, попутно снеся еще одну стойку. Я же провалился ниже, продолжая стрелять. Отбив опускающийся на голову тесак, заставил его обладателя прикрыть меня и поймать животом пару выстрелов. Прикончив стрелка, я отбросил сдохший щит, подхватил с досок пистолет и, переломив плечом несколько стоек, прыгнул на несколько метров в сторону – тут леса уже расширялись, начиная походить не на хлипкую башню, а на кособокую пирамиду.

Меня встретили трое с сетями и рогатинами. С этой хренью они и отправились в полет к гнойным водам, а я, продолжая ломать стойки, метнулся к ржавой лестнице. Сбежав по ступенькам, миновал нескольких визжащих девок, что ощетинились копьями и ножами. Заметив тугие стяжки из цепей, сбил их выстрелами и прыгнул дальше, в то время как за моей спиной с адским грохотом начала складываться вся верхняя часть конструкции, давя визжащих гоблинов.

Поймав шлемом пулю, я рухнул в какие-то тряпки. Выругавшись, выстрелил наугад, никуда не попав. Вскинув трофейный пистолет, выпустил остаток магазина по всему, что двигалось и, вскочив, опять прыгнул, перебираясь на следующую дрожащую платформу из жердей. Вбив опустевший пистолет в пасть прыгнувшего навстречу парня, забрал у него нож, полоснул по глотке и скинул тело на поднимающего винтовку стрелка ярусом ниже. Упав следом и став верхней частью кровавого сэндвича, выстрелил в орущую башку из дробовика, расплескивая мозги по почернелым доскам. Еще два патрона ушли на перебивание цепей на очередных стойках. На ходу перезаряжаясь, я побежал по длинному нисходящему подвесному мосту с веревочными перилами, сшибая всех, кто попадался на пути, перепрыгивая их, вбивая подошвами в доски. Я торопился – с протяжным стоном и скрежетом надо мной заваливалась в сторону вся дерьмовая башня «Эффель» и я не хотел, чтобы эта ржавая херня зацепила меня на излете.

Прыжок… ствол дробовика изрыгает картечь в две орущие искаженных хари… со звоном их стеклянные шлемы разлетаются вместе с головами, а я уже бегу мимо, чувствуя, как шею и запястья начинает жечь огнем. Я уже внутри этой сранной дымки…

Ударив плечом приоткрытую дверь, сбил с ног пытающую закрыть ее бабу в украшенной нарисованными цветами кирасе.

Сломав ей шею ударом ботинка, я высунулся обратно на палубу и прикончил двух мечущихся на носу «резиновых», после чего вцепился в стальной косяк и замер на полусогнутых. В следующий миг тримаран резко накренило, под частый металлический лязг нас затрясло, в то время как за бортом падали в бурую воду трубы, бревна, доски и орущие гоблины. Все продлилось лишь пару минут, после чего судно с тяжелым вздохом вернулось в нормальное положение.

Захлопнув стальную дверь, я крутнулся, отбивая направленный на меня ствол револьвера, что тут же перекочевал в мою руку. Уперев горячий ствол дробовика в прикрытую воротом черной водолазки крепкую татуированную шею, я поинтересовался:

– Долбанный капитан Мульрос?

– Я… я… да… – выдохнул чернобородый одноглазый лысеющий хрен. Ему лет пятьдесят. Бывший боец, но разжирел и расслабился. Но не совсем – от моего удара по яйцам он со стоном упал на колени, показывая спину с заткнутым за пояс вторым револьвером. Его я тоже забрал, взвел курок и прострелил башку осторожно выглянувшей в коридор девке с миниатюрным пистолетом.

– Так где самогон? – буднично поинтересовался я, глядя через иллюминатор как на палубе корчится передавленный стальной балкой гоблин, пытаясь сдвинуть ее с того, что еще недавно было его яйцами.

– Ты… ты нас…

– Это ведь тропа, да? – перебил я Мульроса и пинком по хлебалу помог ему подняться.

– А-А! С-сука! – капитан плюнул кровью на иллюминатор и тут же стукнулся о него выпученной харей.

– Гнойный Каньон – это ведь кольцевая Тропа Здоровья, да? Таков проект? Во Франциске II по Тропе пехом и на колесах передвигались, а тут по воде… да? Экскурсионные шлюхошхуны и трахнутые гондолы… да?!

– Да! Да! ДА!

– И здесь все обосрали – буркнул я, ударяя капитана башкой о стальную стену – Ладно… ты полежи пока… а я проверю здоровье твоей команды…

* * *

Опустевшее судно приткнулось боком к стене Гнойного Каньона, а капитан Мульрос приткнулся спиной к переборке

своей каюты. И с тем, и с другим управиться было легко. Разбросав ноги по полу, связанный капитан глянул на меня исподлобья и, сплевывая кровь, признался:

– Не так я представлял свой сегодняшний ужин.

– Бывает – хмыкнул я, опускаясь на приставленный к другой стене стул, откуда мог контролировать сразу три важные точки – иллюминатор перед собой, дверь слева и капитана под вторым иллюминатором справа.

– Кто ты такой?

– Этот вопрос начал надоедать…

– Видать часто его задают – тяжко вздохнул Мульрос – Нальешь выпить? Пожалуйста. Все равно ты меня грохнешь. Я знаю, что убьешь…

– Убью – кивнул я, вставая и делая шаг к стенному шкафу со специальным креплениями для посуды, бутылок и бокалов. Несмотря на крепления многое побилось во время резкого крена, но кое-что все же уцелело. Шагая по битому стеклу, я нашел стакан и плеснул в него чуток из бутылки.

Стакан оставил себе, бутылку поставил рядом с бедром Мульроса, что демонстративно забился в угол, туда же запихнув связанные руки. Шмыгнув рассаженным носом, он дождался, когда я отойду и сцапал бутылку. Сделал глоток и зашипел от боли в разбитых губах.

Принюхавшись к содержимому стакана, я уточнил:

– Не из жопы нацежено?

– Не – поморщился Мульрос – Живые жбаны… не по мне. В этом мире и так хватает извращений. Ну что? Тост за мою смерть?

– На самом деле мне посрать на твою жизнь или смерть – зевнул я и скользнул взглядом по затуманенной реке за иллюминатором – Хочешь жить – живи.

Придавленный стальной балкой гоблин наконец-то сдался и сдох. Долго же он боролся за жизнь…

– Ты серьезно? – медленно и осторожно осведомился пленник – Слушай… давай без ложных надежд. Мне, если честно, плевать на всех здешних упырков лезущих к солнцу и власти. И на здешнее злобное токсичное мясо… тоже посрать. Единственное за что я держался руками и зубами – за позицию капитана. Я ее себе с боем выбил! Выгрыз! Доказал, что только я могу оперативно таскать старуху со всеми надстройками по говно-реке в любую сторону и без трагичных сучьих последствий вроде опрокидывания. А такое уже случалось! Еще за команду свою держался. И держаться буду! Вот на них мне не посрать.

Не став пока удивляться желанию капитана держаться за

дохлую команду, я спросил о позиции:

– На кой хер тебе капитанская позиция? Корабль не твой. Боссы трахают во все щели…

– Здесь сухо… здесь сытно… спокойно. А члены боссов далеко от моей жопы – я ведь на реке, а они там… повыше… Чем дальше от долбанных лидеров – тем лучше. И работа не каждый день.

– Срезаете кабинки? Пиратите жратву?

– Да ну! – фыркнув, Мульрос сделал еще один глоток самогона и прохрипел – Мы охотники! Скальные охотники! Добываем с верхотуры все, что еще съедобно. Чем ниже к реке – тем больше яда в мясе. То, что добывается в нижней трети Каньона – чистый мать его яд, что разъест твои внутренности за месяцы. Это уже для калек и прочих доходяг. Вторая треть, та, что повыше – уже можно жрать, если все добытое хорошенько вымочить, а затем выварить в чистой воде – которую там же и добываем иногда из редких водяных жил.

– А верхняя треть?

– Королевская еда – вздохнул капитан – Даже пахнет едой, а не дерьмом. Знаешь… нашу еду как не вымачивай, а все равно пахнет чей-то жопой. Без глотка самогона в глотку не запихнешь.

– А жратва добытая из кабинок?

– Небесная еда! Я до сих пор помню вкус тех креветок… хотя пробовал давно и лишь однажды… Но ты поверь – мы лишний раз на рожон не лезем. Это в последнее время появилась какая-то… брешь…

– В смысле? Системе ведь вроде на вас плевать? Полусферы стреляют по жопам воровским?

– Не стреляют. Но…

– Но?

– Жратва ведь не Владыки – тихонько улыбнулся капитан и, покосившись на бутылку, следующий глоток все же делать не стал, попросив иного – Там в углу запеченный хвост лежит.

– Рядом с лужей крови?

– Ага. Я и сам доползу, если разрешишь.

– Лови – взмахнув рукой, я метнул нож, что с гудением вонзился в висящую на стене резную доску с изображением женского силуэта. Лица нет – вместо головы нимб с расходящимися во все стороны глубоко прочерченным лучами со вставленной начищенной до блеска светлой проволокой.

– Я правильно понял?

– Разрежь веревки, встань, переверни стол и накидай на него жратвы. Только такой, что выросла в реке или на стенах, но не в чьих-то животах.

С усилием выдернув нож, Мульрос не сдержал удивления, покосившись на мои руки:

– Хорошо ты метаешь… так нож и череп пробьет.

– Ну да…

– А насчет выращенной в чужих животах жратвы или выпивки… ты шутишь, что ли? Это же небесного ранга жратва! Нам такой никогда не перепадет. Фу, конечно и все такое… но я бы рискнул попробовать элитное мраморное мясо – пожарить бы решетке как этот хвост…

Говоря все это, Мульрос, утерев кровь с лица шторой с иллюминатора, ею же вытер руки и принялся готовить перекус. Я молчал, следя за происходящим за иллюминаторами и не забывая про открытую дверь.

– Я убегать не стану – признался капитан.

– Ты и не сможешь – признался я в ответ.

– Во-во.

– Насчет жратвы… и ты еще про какую-то вроде как брешь говорил…

– Эта жратва – чужая. Она ведь куда идет?

– Дублин.

– В точку! Дуплин-5! А там ребятки крутые живут… они из-за вороватых гнойных крыс вроде нас жратву терять не захотят. А у них передвижение почти свободное – как раз до самого Каньона. И вооружения у них хватает. Срежешь так чужое стальное яблочко со вкусной начинкой… и поймаешь выстрел из гранатомета аккурат в корабельную рубку или ниже ватерлинии. А могут и по жилым пещерам шарахнуть. Дублинцы отмороженные на всю голову ублюдки. Прямо как… к-хм…

– Как я?

– Только без обид. Но ты себя видел? Я только рацию от губ отлепил, а ты уже вниз летишь, дробовиком кровавые фонтаны в чужих головах зарождая… Выстрели, крики, лязг… по тебе палят, а ты, пули броней хватая, даже не задерживаешься! А потом все рухнуло… Ланса вон поперек передавило…

– Ну ты ведь не просил снять с него балку – улыбнулся я.

– И не стал бы – Мульрос легко выдержал мой взгляд и поднял с пола опрокинутый стул – Прошу к столу, убийца.

– Почему не попросил за Ланса?

– Он к нам приставлен был. По политической части.

– Че?

– Ну… каждый день собрания получасовые, долгий нудный гундеж про то, как мы все должны быть благодарны нашим славным лидерам, что утаивать даже часть добычи не есть хорошо и вообще спать надо меньше, думать надо меньше, а вот работать

наоборот – надо как можно больше. Постоянно стучал на нас. Многим жизнь загубил. Я уже раз пять просил парней сдержаться и не удавить крысеныша.

– Почему?

– Сдохни он – меня бы сняли – просто ответил капитан, садясь первым и начиная резать отвратно выглядящий черный бугристый хвост – Уйди я… кого поставят на это корыто? Какую-нибудь прикормленную гниду из своих? Тогда работягам вообще житься не станет.

– Не хочешь за них отомстить? – лениво поинтересовался я.

– За кого? – удивленно выпучился Мульрос.

– За парней своих.

– Так они живы!

– Живы? – я глянул в иллюминатор, где выползшая на палубу похожая на разложившегося багрового червя тварь втягивала в себя голову Ланса – Ладно этот…

– Команду сняли три часа назад – буркнул капитан – Вместо них загнали на борт команду долбанных майлсов. Ну типа солдат здешних. Не элитных, конечно, те далековато. А эти просто охранники с Чернодра. Это третий прибрежный форпост в паре миль отсюда.

– Твоя команда сейчас там?

– В точку. Со мной только электрик и моторист отправились.

– Их не жалко?

– А чего их жалеть? Забаррикадировались себе в моторном отсеке и сидят, на нас через вон ту камеру поглядывая – капитан кивнул на насаженную жопой на бутылку пластиковую лягушку, закрепленную под потолком в углу.

– И слышат нас?

– Слышат.

– Тогда пусть топают сюда – усмехнулся я, втыкая вилку в пахнущей дерьмом и сильной химией мясо. Попробовав, выплюнул, смыл это дерьмо с языка глотком самогона и шагнул к рюкзаку – Угощу кое-чем повкусней. Есть копченый осьминог и вяленая рыбья жопа – большая.

– Я за такое… – шумно выдохнув, Мульрос опрокинул в себя стопку и закашлялся – М-мать твою… ось-к-ха-ног… осьми… к-ха… сука копченый! Живут же люди в Зоне! Послаще нашего!

– Так что там про появившуюся брешь? – едва заметно лязгнувший в моем голосе металл заставил капитана осечься, заодно излечив его от приступа кашля.

– Ну раз нас послали на прежде недоступную канатку… Я не говорю, что тут все ангелы. И раньше нападали! Грабили! Даже сама стальная кабинка для нас – ценность великая! В ней же

можно жить и не бояться ни тварей, ни ядовитого тумана. Понимаешь?

– Продолжай.

– Так что технология грабежа давно отлажена. Но потом… после жестких вооруженных терок с Дублином… удалось договориться кое о чем.

– Например?

– Ну… мы не трогаем канатку. Вообще не трогаем. Даже не смотрим на караван бусин с начинкой из морепродуктов и бухла. Взамен же, раз в неделю, мы вроде как получаем от Дублина крупную посылку.

– С чем?

– А хрен его знает. Нам не докладывают. Но одно скажу точно – патроны шлют. И оружие. Раньше у нас считай кроме копий и тесаков ни хрена не было. А теперь майлсы вооружены пистолетами, винтарями, дробовиками. Смекаешь?

– Смекаю…

– Это недавно началось – дипломатия наша успешная. Даже кое-какие лекарства появились. Плюс инструменты. Мы наконец разобрались со вторым движком и кораблик стал бегать шустрее… Так что я ошалел, если начистоту говорить, когда мы получили приказ снять ту кабину.

– Две девки.

– Две девки – кивнул капитан и робко потянулся к брошенному мной на стол свертку из пластика – Это же оно?

– Девки? Нет. Это осьминог.

– А? Да нет! Я понял…

– Что с девками?

– Да кто его знает…

– Я здесь из-за них – спокойно произнес я и навел дробовик на дверь, откуда послышался топот.

Два ввалившихся в каюту парня были похожи разве что грязью и стилем одеждой. А еще голодным блеском в глазах.

– Сначала укусить хотя бы дай осьминога лапу! А потом убивай! – попросил первый, как завороженный пялясь на стол, где красовался уже развернутое Мульросом угощение – Сука! Большой как хер моего папаши, дно ему пухом!

– Это Эд – вздохнул капитан и ткнул пальцем во второго – А это Сэд.

– Не убивайте пока, пожалуйста – попросил Сэд, делая осторожный шажок вперед.

– Жрите – я отвел ствол дробовика и это послужило приглашением для всех троих.

Осьминога разорвали на куски за считанные секунды.

Разговорить неистово жрущих я и пытаться не стал, предпочтя заняться чисткой дробовиков и трофейного пистолета. Закончив с этим, сохраняя бдительность, снял ненадолго снаряжение и занялся его осмотром. Всего насчитал четыре пулевых попадания, хотя может их было и больше – там, где на металле появились следы картечных частых отметин. В меня палили со всех сторон, пока я прорывался к шаткому фундаменту долбанной картонной башни. Обтерев тело, осмотрел себя, убедился, что все в порядке – не считая старых почти зажитых ран – и опять влез в стальную шкуру безликого штурмовика.

Я мусор Формоза…

Я мусор Формоза…

Беззвучно оскалившись, некоторое время смотрел на свое искаженное отражение в забрале шлема, прежде чем нахлобучить его на чуток подсохшую голову.

Следующие пару минут я разглядывал ту доску с вырезанным женским силуэтом. Когда надоело, спросил:

– Владыку начертали?

– Это? – прочавкал Мульрос, одновременно забирая у Эда слишком жирный кусок – Она самая. Че ж так вкусно-то сука… че ж мне так вкусно-то? Сэд! Не лапай рыбу!

– Системе пририсовали сиськи – проворчал я, вставая.

Оглядев палубу через иллюминаторы, убедился, что пришвартованный к стене кораблик пока что никого из разумных не заинтересовал. А вот слизняков добавилось – уже четыре твари двигались в едком тумане, дожирая остатки мяса с палубы, оставляя за собой блестящий чистый металл. Будто наждаком прошлись…

– Фоэтиды – кашлянул от стола Эд – Или лимусы. Хотя все называют их фотами. Фот ин фог, фот ин фог… Наши сучьи конкуренты…

– Почему?

– Жрут то же самое, что и мы. И умеют карабкаться по стенам.

– Убиваете?

– Не-а… гемморно… его хоть на пять кусков наруби – каждая часть нового фота отрастит. Поэтому мы просто ждем.

– Чего?

– Слизняковой оргии – невесело хохотнул Сэд, с тоской глядя, как во рту Мульроса исчезает последний кусок копченого осьминога – Раз в год они сползаются к дальней решетке и начинают жрать друг друга. Растут на глазах! Когда тварей остается лишь штук двадцать – расползаются огромными горами. А потом почкуются, суки…

– Разделяются?

– Да… а потом все сначала. Так вот и живем.

– Я бы убил – сказал я, глядя, как трясется самый маленький фот, которому повезло отыскать у стены пару мозговых ошметков – Нажрались?

– Спасибо… теперь…

– Теперь?

– Убивать будешь? Это ж зряшный перевод копчености… мы даже переварить не успели… Понятно, что наши жизни в твоей руке, но… – Мульрос не закончил, наткнувшись взглядом на мою насмешливую ухмылку.

– Ваши жизни мне нахрен не сдались. Включи сраную логику, капитан. Я пришел сюда за двумя девками и еще кое-чем.

– Чем?

– Неважно. Девки где?

– Ну… хер его ведает – развел руками Эд и потянулся за бутылкой – Форпост?

– Там должны знать – кивнул Мульрос – Но там они точно не задержались. Бабенки красивые? Молодые? Кожа чистая? Глаза, руки, ноги, жопа на месте? Губы кислотой не съедены? Сиськи как? Ты не подумай – я просто прикидываю для чьих членов они хороши. Чем симпотней баба – тем выше по стене ее поднимут.

Вспомнив Зилроя, я пожал плечами:

– Тут хер угадаешь. Возраст средний. У одной есть член…

– О-о-о…

– И духовка в пузе.

– Ух ты! – пленники переглянулись, одновременно открыли рты, но за всех ответил Мульрос – Тогда она наверху. Среди Чистых.

– Среди кого?

– Высших наших. Элитных. Видишь – капитан вытянул руки, наклонив голову, показал кожу шеи – Видишь?

– Будто следы ожогов – кивнул я.

– Они у всех нас. Мы бережемся, закрываемся, но туман просачивается везде и потихоньку грызет кожу. Это мы еще везунчики – не приходилось нырять.

– А заставляют?

– На дне всякое… вот, к примеру ты металла сколько на дно уронил… теперь его надо тралить, поднимать кошками на борт. А то что не удастся… пригонят сюда наших тюремных и заставят нырять.

– В это дерьмо? – я указал на бурую воду с оранжево-желтой пышной пеной.

– Ага. В него. А какой у них выбор? Точно! Тюрьма! Она ведь

по пути отсюда к Альту!

– К чему?

– Альтосиудад. Наш город там – капитан ткнул пальцем вверху – Ну как наш… я там ни разу не бывал. И вряд ли буду.

– Прямо город?

– Да куда там… пещеры для самых счастливых. Налепленные на стены хибары и подвесные мостики для тех чья жопа не позолочена. Ну… так говорят. Мы сами там не поднимались высоко. Хотя снизу видели какие-то огороды…

– Они растят репу и картоху! – сонно заявил Эд и сполз на пол – Все… меня можно убивать. Пока вкус копченины с языка не пропал… Только в рот не стреляй! Лучше в затылок.

– Заткнись! – рыкнул на него капитан – Уважаемый гость Оди тебе же сказал уже – включи сука логику говноед! Он прибыл сюда за девками. А ножками по Каньону особо не походишь…

– Да – подтвердил я – Все просто. Вы помогаете мне отыскать одну девку.

– Уже одну?

– Хотя бы одну – кивнул я – Но самую важную.

– Ну понятно… ту что с духовкой в пузе…

– Ее как раз в жопу. Мне нужна вторая. Обычная. Вряд ли красавица. При ней должна быть какая-то книга для записей. Или толстая тетрадь.

– Если бумажная настоящая – такую не выкинут – заметил внимательно слушающий Эд – Ну… если она не совсем уродина, то она там же – в Альте. Раздвигает не обожженные кислотой ножки перед верхними…

– Или она в Паскудосе.

– Где?

– Тюрьма Паскудос. В ту же сторону, но ближе. Сразу за форпостом Чернодр. Между ними протянут мостик, но и водой подойти можно.

– Ну так погнали – приглашающе улыбнулся я – Давайте. Поднимайте жопы и вперед.

Надо отдать должное – сначала они поднялись и потопали к выходу, прежде чем Мульрос задал самый главный для них вопрос:

– Так ты отпустишь нас живыми?

– Вы мне нахрен не сдались – повторил я – Заберу нужное – и исчезну. Если поможете как следует – запру вас троих в моторном отсеке и завалю двери свежими трупами. Чтобы вас не обвинили в помощи мне.

– Может и прокатит – глянул на капитана Сэд.

– А может не прокатит и будем мы сосать херы охранников в

Паскудосе… – вздохнул Эд.

– Может и будете сосать – кивнул я и подопнул задумавшегося в дверях Сэда – Курс на сраный Чернодр!

Глава четвертая

– Инфернально! – ахнула старая сука и плюнула кровью – Сучий буй!

Зажав дыру в груди, она рухнула в гнойную воду, утянув с собой на цепи мертвое тело, прикованной к ней и забитой до смерти пленницы. Последнюю я особо не рассматривал, но заметил, что выглядела она как кусок застарелого говна с выдавленными палочкой грубыми чертами лица, многократно окунутого в раствор кислоты.

– Да ты хереешь! – возмущенно прохрипел отмерший лысый старпер в слишком больших для него защитных очках. Это было последнее, что он сказал – подавившись моим тесаком, он чавкнул разрезанными щеками, клацнул гнилыми зубами по ржавому металлу и обмяк на камнях, придавив стонущую старуху на цепи. Всхлипнув, показав мне оттопыренный обрубок среднего пальца на изуродованной кисти руки, она вывернулась и булькнула в воду. Цепь пару раз звякнула по камню и замерла в легком натяжении.

Все происходило на небольшом островке посреди каньонной реки. Островок являлся грубо отделанной пристанью, от которой шел достаточно широкий мостик к тому, что можно было с уверенностью назвать кучей окаменелого дерьма – несколько причудливо лежащих друг на друге каменных глыб разного размера. Промежутки между ними были заделаны каменной кладкой, дощатыми стенами, пластиком и всем, что попалось под шальную руку вечно бухого строителя – включая собственное дерьмо и комья грязи. Все это дерьмо из лежащих друг на друге и непонятно как не падающих глыб было почернелого цвета и обросло столь же темными странными водорослями… или это был мутировавший лишайник. Свисающие плети то и дело касались текущей под ними воды и тут же отдергивались как от ожога.

– Чернодр! – с излишним почтением и отчетливым страхом проблеял стоящий на носу Сэд, закутанный в длинный плащ с большим капюшоном, под которым поблескивали линзы очков – Третий форпост! Отголосок темной древней историй Гнойного…

– Завались…

– Ну да… херня это все…

Удивительно, но ведь эти двое старперов, что вывели других закованных старперов на убой, видели приближение корабля. Но никак не отреагировали. Более того – подставили нам спины, презрительно игнорируя.

– Это тюремщики! Они вывели решивших сдаться на последнюю прогулку – пояснил Сэд – Таков ритуал… хотя ты прав – херня это все. Но… есть что-то мрачное и красивое в смерти рядом с отравленной бушующей водой, закованной меж величественных стен страшного каньона. Здесь родился – здесь и умрешь… – осекшись, Сэд развел руками и куда тише добавил – Мы ждем. Не сомневайся, Оди – мы дождемся. Мы дали слово! А команда Мульроса слов в дерьмо не макает!

– Дождетесь? – удивился я и ткнул рукой в сторону каменной кучи дерьма, похожей на уродливую никчемную скульптуру – Вперед! Сообщи придуркам из ваших, чтобы не дергались при виде меня, если не хотят сдохнуть. И расспросите про двух пленных девок. Потом давай за мной.

– Так может ты просто рацию передашь… Оди… там ведь… – он снова замолчал, поняв, что я не слушаю и шагаю к мостику – Ох… ладно… я сам передам…

Через пару метров он протрусил мимо, пробежал по мосту и начал подниматься, с трудом удерживая равновесие на скользкой каменной тропе и избегая приближаться к тянущемуся к нему лишайнику. Накинув на шлем мокрый капюшон рваного плаща со следами крови, я ускорился за ним, наступая в те же места и вообще стараясь держаться за его фигурой – не только прикрытия ради, но и чтобы привлекать к себе меньше внимания. Корабль остался за нами, едва подрабатывая двигателями – Мульрос что-то говорил про истощающиеся батареи, что можно подзарядить лишь в одном месте их участка Каньона. Услышав пару слов описания, я догадался о каком месте он говорит…

Сэда я догнал у самого входа, являющегося обычной по сути деревянной низкой дверью, втиснутой под нижнюю глыбу. Нервно отстучав по ней что-то ритмичное, Сэд начал переминаться и шататься из стороны в сторону, стуча кулаком в старой перчатке по мокрому дымящемуся камню и бубня:

– Чернодр – нагромождение почти бесформенного. Старики говорят, что это как не вылепленное будущее, как не выкованный металл, как…

– Это дерьмо с дверкой – буркнул я.

– Тоже верно… – согласился Сэд и отлетел в сторону, получив удар резко открывшейся двери.

– Пароль! – радостно осклабился пригнувший голову амбал, высунувшись наружу – Шепни мне нежно сракой… хык!

Отступив, я позволил его отрубленной башке упасть и укатиться вниз, где ее тут же опутали жадные плети черного лишайника. Переступив фонтанирующее кровью безголовое тело, я вошел внутрь и повторил удар, лишив башки лысого

старикашки, что потянулся за обрезом. Выпнув кривляющийся мяч за дверь, я нашел ведущую вверх лестницу из досок и дернул к ней Сэда.

– С отъезда здесь оставалось трое – проблеял тот, явно стремаясь подниматься.

Я всунул ему в руки обрез – проверив сначала есть ли патроны – и мотнул головой в сторону выхода:

– А те двое на островке?

– Они транзитом с Паскудоса.

– Там дверь на мостик?

– Угу. А в сторону – комнатухи форпоста.

– Убей третьего – поощрил я.

– Третью…

– Да посрать.

– Л-ладно… попробую… но мои руки в смазке, а не в чужой крови… ой!

Словив мотивирующий пинок под жопу, Сэд взлетел наверх обоженной постапокалиптичной птичкой. Я поднялся следом. Мы свернули, поднялись по еще пяти грязным ступеням – я бы трахнул весь штатный персонал за такую грязь – и… Сэд шарахнул из обоих стволов, накрыв мелкой дробью мирно спящую сидя жирную девку в слишком тесном для нее кожаном бикини, что утопало в дряблых волосатых телесах. Словив пузом и сиськами весь дробовый букет, девка подскочила, ударившись башкой о низкий каменный свод и рухнула без сознания. Тихо рассмеявшись, я толкнул остолбеневшего мужика в нужную ему сторону, напомнив:

– Расспроси!

– А… да… она же еще жива…

Наступая на мягкое, ломая податливые кости, я не ответил, просто вывалившись наружу и оказавшись на уже виденном снаружи хлипком подвесном мостике, что вел к тому, что здесь нарекли Паскудосом.

Ну… выглядит это как стена из подручного дерьма, к которой ведет мостик и того же материала. По словам Мульроса и его парней – а они только слышали, но не бывали там, чему сильно рады – Паскудос представляет собой здоровенную выемку в стене каньона, расположенную слишком близко к воде и потому постоянно хапающую ядовитые кислотные испарения. Жить тут нельзя. Быстро умереть тоже не получается. Это как дырявая газовая камера смерти, где каждый вдох почти смертелен, но именно что почти и лишь приближает к смерти. Прямо как жизнь… паскудная жизнь в Паскудосе…

Перейдя мостик, я оглянулся и увидел, как по островку

торопливо бежит небольшая группа гоблинов. Они пересекли островок, привычно взлетели по трапу, втекли внутрь надстройки и дверь захлопнулась. Задержавшись на минуту, я терпеливо ждал, глядя на корабль и лишь краем глаза посматривая на замершую у входа в Паскудос фигуру с топором на длинной рукояти.

– Эй! Ты еще кто, гноесос?! Обзовись!

Не отвечая, я терпеливо ждал, глядя на покачивающееся у пристани судно. Еще пять секунд… десять…

– Кто ты такой, отсос?! Напряги губы, пока я не заставил тебя напрячь жопу в рвотном кровавом порыве!

Двадцать секунд…

– Крутым и дерзким себя возомнил? – в голосе орущего зазвучала предсказуемая тревога и легкий страх. Он видел лишь плащ. Но кто скрывается под плащом? Вдруг один из явившихся с досмотром боссов, что быстро вырвет язык за такие слова – Я на посту! Я в своем праве!

Еще десять секунд…

– Я просто выполняю свою работу… сэр…

– Сэр – хмыкнул я – Сэр…

– Что? – мои слова за забралом шлема и под капюшона прозвучали слишком тихо, чтобы их разобрать – Если что – двоих смертников уже должны были убить! Я только заступил… нас мало…

Отвернувшись от продолжающего оставаться на месте судна, я шагнул к дежурящему у двери ушлепку, спрятавшемуся под самодельным козырьком. Подняв забрало, оскалился в его изуродованное шрамами оплывшее одноглазое лицо:

– Девки… сюда должны были доставить двух девок…

– П-пароль! – топор с запозданием начал опускаться.

Мой нож оказался быстрее, легко найдя себе цель в его правом боку.

– УГХ!

Отбив топор, что с лязгом упал на окутанные зыбкой дымкой камни, я прижал раненого локтем к двери за его спиной и повторил вопрос:

– Сюда должны были доставить двух девок…

– У…

– Да?

– Увезли их! Увезли! На баркасе! Ох… ох… только не шевели нож… слушай, мужик… ты кто?

– Куда увезли?

– Санвэй! Санвэй! Мясная ферма Санвэй! Тут рядом! Одну девку туда. Другую вроде бы дальше! Она ценнее!

– Санвэй… точно?

– Да! Да! А вторую девку в Альт! Она особо ценная! Слушай… мы их не трогали! Никто не трогал! Запрет! Ценные заложники! Не дави на нож! Я же чувствую – ты давишь! Вспомни слезы своей матери! И… А-А-А-А-А-А! А-А-А-А-А!

– Зачем первую девку на Санвэй? На мясо?!

– ЧТО?! Ты што! Ты што! – выпучился корчащийся подранок – Насчет нее приказ – принять в ряды наши. Она теперь из гнойных. Силком не трахнуть даже! Харей особо не вышла – поэтому в Санвэе работать станет. Спину на мясных плантациях гнуть…

– То есть своих не трахаете, да? – с пониманием улыбнулся я – Жаль что своей заделась…

– Это да – робко кивнул подранок – Тюремных можно и не спрашивать – дал по харе, на тряпки кинул и… слушай, я могу и тебе устроить! Есть у нас тут одна горько-сладкая… в теле! Харя дерьмо… а вот сиськи зачет…

– Сиськи зачет – повторил я – На тряпки кинул…

– Ну да! Я только с раной раз… – беззвучно охнув, он опустил глаза и молча смотрел, как мой нож наискосок шел через его живот, пока не вскрыл его как рыбу. Отступив, я позволил вывалиться кишкам, после чего схватил его за грязную холку и, сбив подсечкой с ног, толкнул в объятия черного лишайника. Запоздалый крик оказался коротким – ушлепок ударился башкой и затих. А я скинул железный засов, толкнул дверь и вошел внутрь, на ходу доставая тесак…

Выйдя через пятнадцать минут, пробежал по мостику, спустился по лестнице форпоста и неспешно зашагал по ведущему к острову мостику, не сводя глаз с судна. Я был готов к любому развитию событий, но навстречу мне вышел Мульрос, подсвечивая фонариком свое лицо в стеклянном шлеме.

– С возвращением!

– Почему не ушли?

– Ну… мы так подумали… еще разок тебя подвезем…

– Сдохнуть хотите?

– Уйди мы… вплавь бы дальше двинулся?

– За меня не переживай.

– А я только за себя и команду думаю. Поговорим?

– Поговорим – буркнул я и поднялся на палубу.

– Паскудос…

– Семеро доходяг заключенных. Шестеро дохлых надсмотрщиков.

– Пару из них мы должны знать. Позволишь мы…

– Забирайте всех. Грузите на палубу. Заодно прихватите мой тесак – он там торчит в чьей-то жопе.

– Ага… И куда дальше?

– Мясная ферма Санвэй.

– Интересный у тебя маршрут, Оди… вот прямо интересный, макнуть мой конец в воду…

* * *

Мясная ферма Санвэй.

Этому месту удалось меня чуток удивить. Чем? Своей чистотой.

В этом в теле каньона имелась глубокая поперечная зарубка, тянущаяся от самого верха до самого низа. Будто скале с яростью вспороли брюхо тупым зазубренным топором, стремясь выпустить из него кишки и душу. В воду попадали каменные ошметки, что образовали почти замкнутое кольцо. Все что оставалось здешним обитателям – заделать остальные дыры, что они и сделали, перекрыв речной токсичной воде вход в кольцо, что было заполнено с виду обычной водой.

Стоя на покачивающейся палубе, я глянул на вылезшего из рубки капитана Мульроса и тот торопливо кивнул:

– Чиста водичка! В ней и моемся.

– В этом? – я ткнул пальцем в каменный бассейн, что своей хоть и мутноватой, но все же относительной прозрачностью выделялся на фоне остальной воды как единственный уцелевший клочок коже на шкуре закатного прокаженного из Новатокио.

– Ванна! Плескайся сколько душе угодно – на ферме наших привечают. Ты уж их не это, Оди… и не того…

– Не это и не того – с косой усмешкой повторил я, но развивать тему не стал.

Мульрос и его парни уже успели меня просветить касательно этой фермы и я знал, что у многих из них здесь подобие тщательно защищаемых и оберегаемых семей. Прибрежная ферма и вечно блуждающая по тупиковому канава посудина идеально состыковались всеми своими хлюпающими сосочками.

– Сначала здесь задержимся?

– Да – кивнул я, переводя взгляд на место посреди канала, выглядящее вздутой шишкой со стальным волосами.

Качнувшийся корабль, подрабатывая моторами, начал приближаться к новой точке маршрута, а я продолжал рассматривать его, цепляя взглядом каждую мелочь.

Скалистый продолговатый бугор находился впритык к центральному фарватеру. Идеально плоская вершина, остатки вполне узнаваемых каменных же сооружений. В прошлом здесь

точно была Тропа Здоровья, что опоясывала весь мир-убежище Формоз. Тропа водная, но сути не меняет. И как на каждой тропе здесь должны были иметься места для спокойного отдыха, пополнения припасов, готовки пищи и общения.

Пятачки безопасности.

Островки безопасности.

– Нам туда лучше не соваться…

– Ну да – кивнул я – Останетесь на борту.

Закинув рюкзак за спину, я выгадал момент и шагнул, встав ботинком точно на верхушку торчащей из воды стальной балки. Следующий шаг вывел меня на остатки прочного каменного причала, тянущегося рваным поясом по периметру продолговатого островка. В прошлом здесь могли останавливаться десятки мелких частных суденышек или несколько круизных посудин. Пройдя платформу с выпавшими каменными плитами – местами пришлось перепрыгивать – я уперся в каменные ступени и начал подниматься, не забывая посматривать по сторонам.

Я знал, что в это время на корабле за моей спиной идет бурное обсуждение – помойные мореходы занимались обсасыванием своего возможного будущего, предполагая, ужасаясь, храбрясь, маша лапами и снова ужасаясь. Пусть решают. Я уже понял, что у Мульроса зреет какое-то мутное предложение и просто ждал, когда он его наконец выскажет, не забывая при этом постоянно расспрашивать его о здешних реалиях.

Теперь я знал, что здешние предпочитают не соваться на заброшенный островок, где некогда была зона отдыха. Почему? Официального запрета нет, но ходят упорные слухи, что иногда одна из алых полусфер может и выстрелить по наглецам из Гнойного Каньона, что посмели влезть грязными лапами на не принадлежащую им территорию. Выслушав, я кивнул – вполне логично. Система могла плюнуть на всю территорию Гнойного Каньона – если ей приказали это сделать – но цепочка пятачков безопасности вполне могла относиться к другой категории. Линия снабжения, например… Системные пути неисповедимы, а думы заковыристы и упрямы. Хотя здесь… здешняя «Мать» жестоко кастрирована, судя по всему. Но продолжает кое-как трудиться, раз здесь все еще не развалилось и не лопнуло.

Поднявшись, я оказался посреди длинной площадки. Все покрыто толстой коркой желто-бурого химического дерьма – толстая засохшая корка сверху и тягучая хлюпающая жижа снизу. Ботинки придется менять. И надо поторопиться пока не сожгло ноги – их так легко заменить не получится.

Оглядевшись, я тихо хмыкнул – какая сучья милота и лепота же здесь была раньше. По краю площадки идут остатки того, что было огражденными высокими бортами участками плодородной земли, где росли зеленые насаждения вроде сосен, яблонь и прочей здоровой и радующей взгляд любого гоблина ботаники. Все это давно сгнило, но я увидел пару застывших в жиже птичьих клеток. Тут еще и соловьи перепугано хрипели, пока отдыхающие гоблины жарили на газовых костерках их дальних кудахтающих родичей?

В дальнем углу группа каменных строений – сортиры и душевые. В центре каменные столы и лавки, что большей частью уцелели. Отдельно отведено место под открытый и приподнятый каменный пятачок – похоже, здесь под неумелые звуки чей-то гитары пытались грациозно подергиваться танцующие. Снова столы… затем кухонная зона с пятью стоящими в ряд каменными очагами.

И наконец то, ради чего я сюда и перся, ступая шипящими ботинками.

Большой красивый навес оброс всякой херней, и чтобы попасть под него, пришлось пробивать себе путь тесаком, перерубив пяток длинных вялых отростков вездесущего здешнего лишайника. Переступив шевелящую груду органики, я оказался внутри – в шаге от трех так хорошо знакомых мне объектов.

Торгматы…

Еще несколько движений тесаком, и я увидел мертвые витрины. Ни единого огонька. Вполне ожидаемо – здесь все давно заброшено. Три массивных торговых автомата уже никогда не продадут какому-нибудь гоблину дозу шизы или шипастую дубину. Жаль… Но я все же очистил один из сенсоров, после чего прижал к нему палец.

Секунда… другая…

Внутри торгового автомата что-то задребезжало, прерывисто замигала и наконец загорелась ровным светом витрина, показав пять рядом содержимого. Приглашающе замигал заляпанный дерьмом экранчик, подталкивая меня сделать выбор, введя нужную цифру. Еще не веря, я ткнул первую цифру, а затем вжал пиктограмму подтверждения. Звякнуло… за бронированным стеклом проползла выбранная мной пачка сигарет «Мунтранквилити» и упала в лоток.

– Охренеть – тихо рассмеялся я, нагибаясь и вытаскивая пачку – Охренеть…

Я выжидательно уставился в пустоту перед собой, но не увидел ничего – ни единой зеленой строчки. Никакого оповещения о трате денег, о моем статусе или вообще хоть о чем-

нибудь. Торгмат тупо выдал мне выбранное и снова затих, насмешливо гудя нутром и изредка подмигивая витриной.

– Ладно – кивнул я, поднимая руку – Ладно…

Я спустился к причалу через пятнадцать минут, таща на себе разбухший до предела рюкзак, а в левой руке неся вместительную пластиковую сумку. Я полностью опустошил торговые автоматы.

– А это? – вякнул один из команды, не сводя взгляда с позвякивающей сумки – А это…

Не ответив, я прошел мимо, ввалился в каюту и, поставив сумку, принялся вытаскивать ее содержимое, одновременно разговаривая с медленно выпучивающим глаза Мульросом:

– Здесь задержимся еще на час. Хочу посмотреть не прибудет ли дрон снабжения – пополнить те три торговых автомата. Надо проверить как он отреагирует на меня – если успею туда подняться и… эй! Мульрос! – отбросив пустую сумку, я начал выгребать верхнюю часть содержимого рюкзака.

– А? Да? – очнулся капитан и с огромным трудом оторвал взгляд от стола, заваленного пачками сигарет, коробками с дешевыми сигарами, плоскими бутылочками коньяка, рома и водки, пачками давно усохших влажных салфеток, перевязочным материалом, галетами, витаминными таблетками «Коу-коуч», россыпью пакетиков изотоника «ЗОПА-17Ф» и много чего еще из разряда того, что может понадобиться праздным гоблинам-туристам. Включая сотни метров рыболовной сетки, пачки крючков, поплавков, грузил и прочего прямо заявляющего – раньше тут была рыба. Раньше… сейчас рыбы тут нет… зато водятся плотоядные мутанты.

Из оружия – условного оружия – отыскалось два десятка охотничьих ножей. Ну да – чтобы таскать на поясе и изредка с умным видом выстругивать из сухой ветки колышек, тихо мечтая вбить его не в землю, а в пасть никак не могущей заткнуться супруги. Ну или наоборот…

Лично меня из всего этого барахла заинтересовало десяток предметов, которые я сразу же отложил на край, добавив к ним горсть изотоников и витаминов.

– А… – дрожащая рука Мульроса высунулась из обступившей его толпы матросов и указала на стол – А вот все это…

– Поделите между собой – пожал я плечами и вышел из каюты.

Пара секунд тишины и дикий рев капитана заставил корабль качнуться:

– Стоять, жопы драные! Ни шагу к раю! Ни шагу! Делить буду я!

Раздавшийся гомон выразил все нетерпение и недоверие

команды к дележным способностям капитана, кто-то протяжно завопил про то, где он видел и на чем крутил честность Мульроса в делах касающихся качественной выпивки. Его кто-то поддержал, но Мульрос умудрился всех переорать – потому и капитан – напомнив, что он тут главный.

К этому моменту я уже обосновался внутри небольшой верхней каюты, откуда открывался неплохой обзор на каменный островок. Катая во рту изотоник и витамины, удобно устроившись на паре сдвинутых стульев так, чтобы можно было вытянуть вытащенные из оставленных на палубе умирающих ботинок, я разложил на краю стоящего рядом стола необходимое и взялся за сборку.

Крайний левый торгмат продал мне подобие гражданского конструктора «сделай себе пукалку, пукалка». Всего три легко состыковывающиеся части, что вместе образовывали крохотный и нихера не удобный для держания пистолетик. Сощелкнув все воедино, я глянул в детскую инструкцию, после чего дождался зеленого огонька – что продолжил сука светиться прямо на стволе! – вставил со щелчком картридж на десять игл и, направив оружие на стену, вжал спуск.

Щелк…

Я понял, что широко улыбаюсь, глядя на отлетевшую от стены пластиковую иголку.

Игстрел мать его…

Ладно…

А если попробовать вместо маломощной гражданской херни попытаться подрубить те блоки, что я отыскал в маяке Зоны 40? Если получится, то в итоге я получу какой-то уродливый гибрид, но это лучше, чем вот эта хлипкая херня….

То, что получилось спустя десять минут неспешного колупания и состыкования, работать отказалось, разве что мелко протестующе вибрировало, а формой было такой, что бордель Копулы оторвал бы вместе с лапами.

Ладно…

Разобрав неудачную хрень, я начал с самого начала, на этот раз решив попытаться сместить рукоять в центр…

Еще через двадцать минут я сдался, забросил разобранные модули в похудевший рюкзак и вышел из каюты, прихватив с собой только оружие и новую пару ботинок. От старых осталась только оседающая куча ошметков покрытая колышущейся массой стремительно растущего лишайника. У тех, кто из кольцевой тропы здоровья создал Гнойный Каньон, наполнив его отверженными… у них получилось почти идеально воссоздать некоторые из прибрежных территорий прошлого, где каждый шаг

буквально сжигал тебя, а каждый вдох наполнял легкие гнилью и отравой. Может и был смысл в создании Каньона – чтобы катать туристов не прозрачной чистейшей воде, а по мутной пенистой жиже с плавающими кусками гнилой плоти и говна. Чтобы видели воочию, что происходит с природой там, где ее начинают засирать гоблины…

Легкий знакомый стрекот дал понять, что формозская служба снабжения все же работает и ей требуется меньше часа для доставки свежего товара в якобы законсервированные или даже заброшенные торговые автоматы. Прогрохотав еще не поплавившимися ботинками по трапу, я неспешно поднялся по очищенным участкам каменистого склона и, стоя в паре шагов от навеса, некоторое время задумчиво наблюдал за тем, как пузатый дрон наворачивает круги вокруг дергающегося навеса. На стальное укрытие наросло столько грязи и лишайника, что он не мог раскрыть створки, чтобы прибывший дрон оседлал наконец опустевшие торгматы. Вытащив тесак, я шагнул к трещащим мохнатым побегам и принялся за работу.

Гоблину всегда найдется грязная работенка, да?

Для того и рождены…

Стоило навесу со скрежетом открыться и мне пришлось переключиться на обросшие тем же дерьмом торговые автоматы. Содрав с них основную массу дерьма, я отступил и спокойно выдержал внимание дрона, что направил на меня пару лазерных лучей и угрожающе пощелкал передней панелью, за которой скрывалось два малокалиберных оружейных ствола. Как беззлобная изуродованная собака, что скалит остатки гнилых клыков, прося не трогать найденную ей лужу еще теплой блевоты. Поняв, что я не собираюсь нападать – я невольно стал относиться к летающему пузану как к полной меда пчеле – дрон продолжил выполнять задачу и она заняла считанные минуты. Когда крышки торгматов одна за другой захлопнулись, дрон мигнул мне зеленым лазерным лучом, сделал надо мной круг и умчался, поднимаясь по восходящей к нависающей стене каньона.

Шагнув к первому автомату, я прижал палец к сенсору и витрины снова зажглись… Я широко улыбнулся – похоже, скоро пузатому дрону снабженцу придется вновь вернуться…

Опорожняя торгматы и набивая рюкзак, я не задумывался о том, снимает ли с меня система оплату за товары и откуда у меня тут деньги на счету. Глупо задумываться. Дают – бери. Бьют – убивай! Система Формоза с тем же успехом могла сейчас выдавать мне в долг, просто дарить, а может на самом деле что-то снимала с моего каким-то образом появившегося внутреннего денежного счета. Без данных с нейрочипов я этого не узнаю. Но

смогу получить чуть больше инфы, если доберусь до торгматов с начинкой «повкусней» – огнестрел, патроны, игстрельные мощные модули и прочее для бытовых гоблинских нужд.

Но и этот набор мне вполне сгодится… Ведь не зря Мульрос задумчиво мнется на палубе своей скорлупки, стоически принимая плащом кислотные брызги. Капитан почти созрел, чтобы сделать интересное предложение…

* * *

За полным чистой водой каменным невысоким кольцом с изливающимися в реку излишками, находился узкий крутой подъем, по которому стекала вся поступающая в канал влага. Вдоль правой стены прорублены достаточно широкие ступеньки и судя по их виду их очищают от грязи даже не регулярно, а скребут практически постоянно, причем за чистильщиками следит кто-то суровый и до жопы придирчивый. Поднимаясь по ступенькам, я продолжал слушать торопливо бубнящего встревоженного капитана, что никак не мог уняться. Не выдержав, я зло рыкнул:

– Сказал же! Мне посрать на эту ферму!

– Спасибо, Оди… спасибо что тебе посрать! Ты просто резкий больно… раз – и пулю в башку. А тут тоже сейчас все нервные – видели же как башня заваливается. Грохот на весь Каньон стоял… Это до Альта далеко, хотя и туда новости точно дошли… Ну ты точно уловил, что там на ферме нормальные все работяги и…

– Если еще раз спросишь – прострелю башку первому же, кого увижу – пообещал я и Мульрос поперхнулся глотком разбавленного чем-то мутным коньяка.

– Понял… так я вперед?

– Лети.

Протиснувшись мимо, капитан попытался ускориться, но оторваться от меня не сумел, хотя и старался наращивать темп следующие тридцать ступеней. Начавшую заинтересовывать меня гонку прервал зычный голос, который благодаря гуляющему в расщелине эху звучал яростным трубным гласом:

– Больше говна! Больше! Больше дерьма, небожители! Срите щедрее! Да не оскудеют жопы ваши!

– Боллрос? – поинтересовался я.

– Он самый – с облегчением замедлившись, пропыхтел Мульрос и оглянулся на торопящихся позади нас матросов – Главный на ферме. И он тоже…

– Тоже незаменим в вашей клоаке – кивнул я – Помню.

– БОЛЬШЕ ГОВНА! СРИТЕ! СРИТЕ С КРОВЬЮ! ЗАКЛИНАЮ!

Мульрос развел руками:

– Он личность необычная… но дело свое знает. У него на ферме железный порядок. Каждый ярус каскада работает как часы.

– Ну да… – миновав небольшую площадку, я поднялся еще на десяток ступеней и остановился.

Конец пути. Начало мясной фермы Санвэй.

Хотя я бы назвал это Дерьмопрудьем.

Ступеньки заканчивались пологим подъемом, что с помощью немалого каличества камней и глины был разделен на десяток небольших мелких прудов. Настоящий каскад. В верхний пруд падал слабый тройной водопад, что внизу сливался воедино. Коричневые пенные струи с шумом ударяли в бурлящую воду верхнего пруда – и вода бурлила не столько из-за водяного миксера, сколько из-за обитающих в этом дерьме белых здоровенных червей, что приподнимались и снова падали. Очень толстые трупные черви, каждый из которых достигал длины минимум в гоблинскую лапу от плеча до кончиков обгрызенных ногтей.

Верхний пруд был популярен – по каменному борту шустро ползли желающие туда переселиться, в то время как поток воды вымывал из отстойника прежних жильцов. Второй пруд был мельче, но шире, вода в нем была куда светлее. Третий пруд почти прозрачный, вода в нем почти кипит от множества мелких тварей, что еще не выросли до взрослых размеров. Вокруг прудов царила деловитая движуха – не меньше полутора десятков разновозрастных и разнополых гоблинов с сетями, гарпунами и чем-то вроде широких весел-ложек контролировали весь процесс, часть червей запихивая обратно в воду, переселяя или же протыкая и оттаскивая к стоящим на небольшом возвышении длинным каменным столам. Там стояло еще четверо, старательно орудуя ножами и беспрестанно вскрывая дергающихся червей, вырывая из них черную требуху, а еще живые тела швыряя в глиняные чаны рядом со столами. На моих глазах двое помощников подхватили заполненный требухой жбан и вылили его содержимое в средний пруд, где лакомство тут же начали пожирать мелкие черви.

Мульрос не ошибся – тут царил железный порядок и каждый знал свое дело. Почти все находились у пруда, хотя там, где в скале был выдолблен ряд глубоких ниш-каморок и сооружено из камней несколько крепких хижин, сидел пяток согбенных стариков, что занимались неспешной очисткой белесых кож, а заодно нарезкой бесцветного мяса, развешивая его на

заскорузлых от прозрачной крови веревках. Большинство трудяг были облачены в лоскутные длиннополые куртки и штаны. И теперь я знал из чего все это сшито.

– Тащи того жирного! Отжил свое! – обладатель зычного баса, высокий желтобородый старик со стоящими дыбом черными волосами, обладатель огромного брюха и руками как окорока, указал жирным пальцем на отползшего в сторону особо жирного червя. В выбранную жертву тотчас вонзился гарпун, червя подняли и понесли к столам, где его уже ждал острый нож.

А желтобородый Боллрос наконец-то заметил меня – стоящего спокойно у верхней ступени длинной лестницы, держащего наготове дробовик и сквозь бронированное забрало рассматривающего происходящее.

– Вот дерьмо! – это было первое, что сказал Беллрос, после того как встретился со мной взглядом.

Я промолчал.

– Послали дерьмо… да не то… этот кусок говна сам кого хочешь сожрет.

Я промолчал. В мою сторону ткнул длинный жирный палец:

– Слушай сюда, упырок чисторожий! Я таких как ты знаю! Ты – проблема! Большая проблема!

Убедившись, что не вижу ничего стреляющего, я поднял забрало и поинтересовался:

– И что?

– Башню ты обрушил?

– Я.

– Чего хочешь? Я дам! Только дальше этого места не ходи.

– Суку с Зоны 40.

– Зирвелла конторист?

– Да.

– Так и знал что сука с проблемой! Не срет, не жрет и только и знает, что рыдать о огромном члене любимой госпожи… Хотя вроде как попривыкла уже чуток… научилась работать кое-как… На кой хер тебе такое дерьмо?

– Надо.

– Забирай! Тебе завернуть? Или так сойдет?

– И так сойдет. Жду здесь – привалившись плечом к скале, я указал стволом дробовика себе под ноги.

– Подать ему багорщицу Зирвеллу! Мульрос! Ты?

– Я, вермиформ Боллрос. Густого дерьма вам на голову!

– На добром слове спасибо. Ты что за злодея привел?

– Тут как посмотреть… поговорим? – капитан поднял зажатый в руке прозрачный пакет с блоком сигарет, парой ромовых бутылок и яркими упаковками печенья – Тындыр бэлл,

тындыр бэлл, тындыр сука бэлл… как то так ведь поют?

– Хорошо поешь – медленно кивнул Боллрос, переводя взгляд с меня на пакет с дарами и обратно – Складно… так в старину и пели… Поднимайся. Поговорим. Хотя тот гусано со злым взглядом…

– Я пояснил. Он обещал не трогать.

Я кивнул и Боллрос, после короткой паузы, поманил к себе обрадованного Мульроса. Следом мимо меня протопали обрадованные моряки, что тоже поднимались не с пустыми руками. Мне хватило пары секунд, чтобы выяснить с кем из здешних они встречаются. Теперь осталось выкинуть эту бесполезную хрень из головы и заняться делом. Убрав дробовик за спину, я повернулся к медленно шагающей мне на встречу девушки в сшитом из кожи червей балахоне.

– Конторист сука Зирвелла?

– Д-да… О Зилрой… ты же тот бесноватый… Влуп… мусор Формоза… сборщик…

– Где твоя сраная книга?

– Уничтожена…

– Что? – я качнулся ей навстречу и Зирвелла упала, поползла прочь, скребя жопой по камню – Что ты сказала, сука?! Повтори!

– Но я помню! Тебе ведь те цифры нужны?! Да?! – в ее голосе звучала безумная надежда – Да?! Да?!

– Ты помнишь?

– Наизусть!

– Уверена? Если ошибешься хотя бы в цифре…

– У меня особая память! Я помню всю книгу наизусть! И повторяю постоянно! У тебя на плече сзади было три длинные строчки. Они меня очень заинтересовали – необычно! И тату тоже необычная – с точной штрихкода нанесено. Я запомнила все полностью.

– Называй.

Запинаясь, дрожащая Зирвелла одну за другой назвала строчки. Я запомнил, а заодно и записал многоразовой деревянной ручке на нелинованной странице подарочного блокнота с видом каменистого островка – когда он еще был покрыт зеленью.

– Еще раз!

Перепроверив, повторил:

– Еще раз!

На этот раз я записал на другой странице, которую вырвал, сложил, убрал в непромокаемый пакет и лишь затем спрятал в карман. Позже сделаю нормальные непромокаемые противоударные капсулы. А затем снова набью долбанную

татуировку с этими данными. Хотя это уже перебор… да и времени в обрез.

– Я… а меня…

– Что? – буркнул я, вырывая вторую страницу.

– Меня?

– Свали нахер.

– Спасибо! Я останусь здесь! – выпалила тощая девка и поскребла жопой дальше, поднимаясь по сантиметру – Здесь хорошо. Боллрос добрый. Скучаю только по члену моей ненаглядной…

– Завались.

– Спасибо… спасибо… – она продолжила всхлипывать и ползти, пока ее не подхватил один из парней в таком же балахоне и не потащил ее к постройкам.

– Эй! – мой крик остановил не хуже выстрела в башку.

– Д-д-да?

– Повтори!

Она без запинки выпалила все три строчки.

– Хорошо… – буркнул я, убедившись, что все правильно – Теперь забудь эту инфу навсегда.

– Да! Ты очень добрый человек…

– Оди! Присоединишься к нам? – от крайней хижины мне махал Мульрос.

– Иду – проворчал я, опуская забрало, чтобы не ловить харей жгучих брызг похрюкивающего говнопада.

Запах терзает нос, но вполне терпим – со Зловонкой не сравнить. Хотя и здесь у большинства есть самодельные маски и очки. Гоблины приспособятся к любым условиям – дай только времени чуток. А здесь, судя по всему, сменились целые поколения червепасов, что холили, лелеяли и убивали своих жирных подопечных, заодно выращивая новые виды. Глянув, как один из припавших к истекающему из нижнего пруда ручейку парней жадно хватает ртом прозрачную водичку, я невольно качнул головой – хреновая это затея. Вряд ли здешние живут долго и счастливо. Это видно по его искривленной недовольной роже – парень будто воду со стеклом глотает через силу.

– Ну как тебе? – похоже, Мульрос решил сходу перейти к делу, стоя на выпирающем из склона сточенном до ровной поверхности валуне.

– Ты про что, гоблин? – поинтересовался я, скидывая на камень рюкзак, поднимая забрало и доставая из рюкзака бутылку воды.

На нее капитан и кивнул, а затем, не удержавшись, для пущего эффекта щелкнул по пластиковой посудине темным

коричневым ногтем:

– А вот… чистая водичка вкусно заходит, да? И выходит без боли… верно? Член не шпарит изнутри, да?

– К делу, Мульрос.

– А может к столу?

– К делу – возразил я и вслушавшись в мой голос, Мульрос торопливо кивнул:

– Уяснил. Дело простое, Оди… наша сраная столица Альтосиудад зажимает нам чистую воду.

– Вам?

– Ну… мясной ферме… нас моряков снабжают получше и поверь – каждый сэкономленный глоток действительно чистой воды, что прошла фильтры, мы тащим сюда.

– Чтобы здешние не глотали засранную червями воду?

– Да… воду, что прошла через рты, а затем жопы и члены небожителей, потом по трубам сюда и во рты и жопы червей, прежде чем попасть к желудки работягам с мясной фермы. Это справедливость?

– Так на этой планете уж заведено – пожал я плечами – Уже тысячу лет хлебают усердно эльфийскую мочу…

– Чью?

– Продолжай.

– Нам нужна… помощь…

– Корабельная команда и работяги с мясной фермы решили поднять восстание? – усмехнулся я и, сделав пару глотков, туго закрутил крышку, после чего швырнул остатки жадно поймавшему их парню у нижнего пруда – Вас уничтожат.

– Мы… я и Боллрос…

– Незаменимы?

– В точку. Мы знаем свое дело. Мы возим по каналу охотников и сборщиков, поднимая все найденное к столице. Трубы приносят многое. Мы убиваем тварей, что быстро растут на этом токсичном дерьме, а затем легко лезут по отвесной скале к огородам и столичным нежным жителям. Мы растим и потрошим червей, кормя мясом почти всю столицу! А мясо похуже идет на удобрение тамошних огородов с репой и картохой – от которых нам вообще ничего не перепадает. Нас держат в черном теле, Оди! Да в жопу жратву – воды чистой дайте! У девчонок язвы на полспины… волосы воняют химией и падалью, а проведи расческой – выпадают лохмами. Зубы от здешней воды умирают за считанные месяцы…

– Заплачь навзрыд еще…

– Но… тебе не жалко их? – Мульрос картинным жестом указал на трудяг у раскинувшихся чуть ниже каскадных прудов –

Всех этих честных бедолаг?

Я рассмеялся. Мне хрипло начал вторить Боллрос, уже успевший вскрыть бутылку коньяка и зажечь сигару:

– Мульр! Уймись! Я же тебе сказал – это хищный кусок дерьма, которому плевать на все наши трудности и беды. Хотя нет… тут я ошибся.

– Ему не плевать?

– Не. Тут я как раз прав – срать он хотел на нас. Но он точно не кусок дерьма… ведь дерьмо плывет по течению, а этот гребет против… только глянь на харю злобную…

– Ты потише, друг Боллрос… – понизил голос капитан и успокаивающе замахал мне лапами – Ты в голову не бери, Оди. Он у нас… мужик суть секущий, но прямой как закаменелая кишка камнетеса…

– Мне похер – буркнул я и ткнул пальцем в верхний край каньона – Столица…

– Она не там, но жест понят…

– Столица уничтожит вас. Это пусть дерьмовая и кривая, но уже устоявшаяся система, что успела отрастить не только рабочие лапы и щупальца вроде вас… но и острые клыки и когти. Как только начнете заявлять о своих гражданских правах и свободах… вас – я ткнул пальцем в Боллроса и Мульроса – Вас тут же прикончат. А следом пустят на корм червям еще десяток гоблинов из тех, что подмахивал вам на протестах слишком рьяно. При этом обо всех подмахивающих доложат те, кто сейчас среди корабельной команды и работяг фермеров. Те, кого считаете своими в доску.

– Да нет среди нас гнид.

– Гниды есть всегда – возразил я.

– Да нет среди нас новеньких! Разве что Зирвелла – но она из Сорокушки! До сих пор рыбой пахнет! Гнидам болтливым неоткуда взяться.

– А гниды не появляются ниоткуда. В них превращаются обиженные и незамеченные. Бывшие любовницы, бывшие друзья… Продолжают улыбаться, но дай им только шанс – и тут же сдадут тебя. Еще чаще срабатывает другой вариант – вас заложат те, кто считает, что текущее положение вполне нормальное и не надо ничего менять. Их устраивает недостаток чистой воды. Они приспособились. И боятся перемен.

– Охренеть…

– Сидите тихо, гоблины. Мой бесплатный совет.

– Но у нас есть ты…

– Меня здесь нет – покачал я головой – Мне надо валить отсюда. В Дублин-5. И срочно.

– Эти строчки, что ты вырвал из сердца багорщицы Зирвеллы…

– Скорей из жопы через горло – буркнул я – Меня нет в ваших планах, гоблины. Да даже если бы я и был… все равно это затяжная долгая война… а на самом деле просто возня червей в помойном ведре Формоза. Шансы на победу мизерны…

– Если мы начнем обоснованный протест…

– Какие слова – ухмыльнулся я – Таких говорунов валят первыми. Что будет? Я поясню – вы начнете возбухать и морщить смрадные жопы в требующем оскале. Небожители из вашего сраного Альта… просто выдадут с улыбками водяную добавку. Повысят норму.

– Вот!

– А потом… через месяц или полтора… Капитан Мульрос вдруг упадет за борт и сдохнет, а червепас Боллрос помрет вдруг от сердечного приступа. Ваши места займут другие. Норму воды снова урежут. И на этом вся ваша тухлая затея закончится. Хотя обещаю – ваши похороны будут прямо торжественными. Может даже из столицы прибудет кто-нибудь не слишком важный, но все же известный. Он скажет несколько добрых слов, пожалеет о вашей такой несвоевременной ранней кончине, бросит пару горстей дерьма в… где вас там хоронят?

– Сетка Гниения. Потом ее опускают в верхний пруд на два дня…

– Вот туда он дерьма и швырнет – шлепанет прямо на ваши дохлые раздутые лица, если от них еще что-то останется.

– Но у нас есть…

– Я?

– Да. Ты крут. Ты очень крут. Ты на моих глазах уничтожил целый отряд! Обрушил башню! Да ты сама смерть! И ты можешь обучить нас…

– Убивать?

– Защищаться.

– Уже неверное слово – поморщился я – Защита без убийства – не защита, а дерьмо. Мало выставить щиты – надо еще долбашить топорами прямо по вражеским харям. Надо уметь вбивать им в задницы динамит, поджигать короткий фитиль и возвращать ушлепков к родне – пусть лопнут среди них смачным кровавым фейерверком. Вопли страха и непонимания, ужас в их рядах, сходящие с ума еще в атаке вражеские бойцы, запах горелого дерьма, дымящиеся мозги на ваших ботинках и опять опускающийся топор – вот это настоящая защита. Пару раз проделал такое – и все вокруг поняли, что таких безумных тварей как вы лучше не трогать. Потому что таких себе трогать дороже!

Вот так завоевывается хотя бы временная неприкосновенность! Вот так и берется власть в свои руки. Вот так занимается трон.

– Но нам трон не нужен. Мы хотим нормальных условий.

– Нормальные условия у тех, кто жадно нализывает сейчас расслабленные кормящие анусы ваших правителей. И у тех, кто стоит следующим в этой лижущей цепочке. У всех, кто ниже – условия дерьмо и такими останутся.

– Потому что они слишком горды, чтобы лизать?

– Потому что не осталось свободных не зализанных уже вусмерть жоп – рассмеялся я – Это как лоснящиеся сиськи свиноматки – они всегда заняты жадными сосунами. Захочешь дерьмо с правящей жопы слизать – так даже дотянуться не дадут. Оттолкнут, затопчут. Вот это про вас, моряки и червепасы. Вы далеко от сисек.

– Но если ты нас научишь…

– Может быть – кивнул я и вытащил из рюкзака следующую бутылку воды – Может быть. Если будете четко выполнять мои приказы и будете готовы к кровавой работенке. То может и удастся однажды дотянуться до кормящего соска-ануса…

– Как-то перехотелось…

– Да в самый раз! – возразил Мульрос Боллросу – Идеально! Шанс!

– Но обучение требует времени. А я здесь не задержусь.

– Дерьмо – поник Мульросс, а Боллрос пожал плечами и в несколько глотков допил коньяк прямо из бутылки.

– Но… – задумчиво произнес я, глядя вверх.

– Но? – в голосе капитана почти не осталось надежды, но что-то там все еще теплилось.

– Мне нужно в Дублин-5.

– Тебе ведь нужна еще одна из пойманных нам девок – напомнил Мульрос.

– Не особо – признался я с кривой усмешкой – Плевать я хотел на ходячую духовку. Это все чужие политические игрища. Кто-то власть хочет сохранить, кто-то захватить, кто-то просто мечтает о дополнительной норме воды. И всем нужны такие как я.

– Умелые наемники?

– Убийцы.

– Мы бы хотели все решить… разумным способом… мы просим малого. Ну может еще картошки чуток… или хотя бы разрешения выращивать овощи самостоятельно. Пока что мы тайком растим кое-какую зелень, вынося ее на солнце пару раз в день и снова пряча в хижины. Нам нужны витамины…

– И поэтому вам нужны убийцы – кивнул я – Путь к свежей

зелени всегда лежит по чьим-то окровавленным кишкам… Мне нужно в Дублин-5. И срочно. Но я принял снарягу у долбанного нытика Зилроя. Плюс хреносос Замрод не идет из моей башки… Мне нужно больше информации о вашей славной столице Альтосиудад. Кто там правит? Есть оппозиция? Кто из ваших небожителей имеет выходы на транспорт к Дублину-5? Кто имеет завязки с Зоной-40? Где они вообще сидят чаще всего? Есть бойцы быстрого реагирования? А из чего построена большая часть домов? Есть могущие гореть составляющие в этих хибарах?

– Постой! – замахал руками Боллрос – Мы не хотим раздувать мировой пожар!

– Вы не хотите – кивнул я – А мне похер. Я всегда готов чиркнуть спичкой. Давай, Мульрос. Рассказывай. А я тебе еще вопросов подброшу…

* * *

Я широко улыбнулся в перекошенную оскаленную харю, что обдала забрало моего шлема последним зловонным выдохом в своей жизни:

– Каждый день – вздохнул я, чуть крепче сжимая пальцы и удивительно крепкие и удобные перчатки из червиной кожи едва слышно захрустели.

В стекленеющих глазах тупой суки возник немой вопрос, и я с радостью дал на него ответ:

– Каждый день вы страдаете херней – я обвел взглядом перевернутый ящик, что служил столиком для игры в карты – А могли бы отжиматься… или почаще оглядываться, чтобы увидеть сраного скалолаза вроде меня… Да?

Она не ответила, предпочтя закатить глаза в немой насмешке. Пожав плечами, я выронил дохлятину и она с сипением рухнула на труп своего парня со сломанной шеей.

Когда я поднялся по скале – пару раз крупно нашумев и даже ненароком устроив камнепад – они весело шлепали самодельными картами, нарезанными из пластика. По нашивкам на их кожаных непромокаемых куртках с огромными капюшонами – высунувший красный раздвоенный язык клыкастый череп с зелеными треснутыми стеклами в глазницах – я легко узнал членов одного из здешних элитных отрядов. Ибуто Убулун – название армейского корпуса, как они себя называли. Тупые дерьмоеды не могли обойтись без крутых названий даже внутри мусорного ведра полного ядовитых помоев…

Пятеро «убулунов» сдохли рядом со своим валяющимся

неподалеку снаряжением и оружием. Потрясающе мать вашу. Просто потрясающе… Подчеркивающие их статус душные кожаные куртки они снимать не стали, а а вот ружья, копья, арбалеты и даже ремни с ножами отложили от себя подальше. Хотя причина понятна – игра шла на деньги, и они резонно опасались, что в случае ссоры кто-то из проигравших может схватиться за оружие. Еще на подходе, на последнем отрезке, когда меня отделяли от гребня десять метров с небольшим, я уже услышал их ревущие и блеющие от перевозбуждения голоса. Поэтому они и не обратили внимания на поднятый мной шум.

Оглядев еще раз их одежду, я кивнул сам себе и шагнул обратно к гребню…

Подняв на веревке рюкзак – с ним я особо намучался – закинул его за плечи, проверил оружие и ненадолго присел на край умело сложенной каменной стены, что в этом месте выпирала в каньон, следуя его очертаниям. Образовался выдающийся на несколько метров в пропасть пятачок, что находился рядом с бегущей по гребню достаточно широкой дорожкой, прорубленной в камне трудолюбивыми руками. Накрытый каменной крышей пятачок превратился в беседку, что к тому же была украшена вполне зеленым плющом с редкими крохотными желтыми цветами. Неудивительно – маршрут мне говорливый капитан указал точный и, если судить по запомненным мной приметам, я находился неподалеку от входа в здешний рай – Сады Зулунгли, каньонное чудо света. Микроскопический тщательно оберегаемый садик исключительно «для своих», хотя официально он служил одним из двух общественных парков-садов великой столицы Альтосиудад. Первый назывался «Дышащее Благоденствие» и представлял собой узкую улочку метрах в тридцати ниже, заставленную горшками с больными измученными растениями. Во время подъема я прошел мимо, легко оставшись незамеченным для ковыляющих стариков, что с умилением глядели на почерневшие от приходящих снизу ядовитых испарений веточки с редкими листочками.

Здесь, выше, было уже… обычно… можно дышать без маски и без нее же находиться вне помещений. Но все равно ощущалась приходящая снизу даже не вонь… а просто ядовитая тяжесть. Я надышался этой херни вдоволь – аптечка успела сделать несколько уколов, а заодно потребовала от меня сделать ингаляцию, выведя это требования на экран и добавив с неуверенностью «Если того требует ситуация и если таковы возможности сурвера».

Сурвера…

Долбанные сурверы и долбанный Бункерснаб.

Хотя здесь к ним относятся с уважением – та же мясная ферма работает по технологии Бункерснаба. Это сурверы вывели всеядных червей-чистильщиков, что умудрялись сжирать любое дерьмо и при этом не пропитывать им собственное мясо, оставаясь условно съедобными.

Сидя на стене, я ждал, заодно осматриваясь, хотя смотреть тут было не на что.

Еще метров тридцать вверх – и будет край Гнойного Каньона. Но метрах в пятнадцати от края на камне видна даже в потемках светящаяся прерывистая черта. Местами от нее почти ничего не осталось, но пока что эта граница видна отчетливо. Любой из переступивших – вернее переползших – эту черту каньонников будет мгновенно уничтожен огнем нашлепанных на стенах красных полусфер. Расстояние между системными полусферами больше шестисот метров, но для не промахивающейся системы это не проблема. И это еще не все – судя по сведениям Мульроса и Боллроса, за краем каньона расположены дополнительные системы сдерживания беглецов. Они в этом уверены, потому как здесь бытует легенда, что если пересечь некую невидимую и скорей всего каньонниками же придуманную «буферную зону», то они завоюют прощение системы и получат дозволение уйти живыми – уйти куда хотят, но главное – прочь от отравленного Гнойного Каньона.

Не любой раб мечтает о свободе. Это вранье. Но всегда найдутся рисковые, что найдут способ прорваться. Нашлись таковые и здесь – обычно те, кто заболел чем-то предельно серьезным и потому им уже было нечего терять. Эти умельцы изобретали различные способы преодолеть заградительный огонь двух алых полусфер – как ты жопой не крути, а путь наверх лежит минимум между двух огневых точек.

Умельцы снаряжались, а затем подыхали. Снаряжались… и подыхали. Но за ними наблюдали другие и делали выводы, становясь опытней. В результате, спустя годы, пройти по стене между двух полусфер стало вполне возможно – главное иметь нужное снаряжение.

Почему никто не ломанулся следом за счастливчиками?

Причина проста – ни один из них, исчезнув за краем каньона, не подал второго условленного знака.

Первый сигнал – подавали. Это когда добирались до кромки каньона, перебирались за край, после чего махали рукой или бросали что-нибудь вроде камешка, испачканного краской. Этот мол отрезок пройден успешный. Второй сигнал должны были подать позднее – после того как пройдут первые метры

мифической «буферной зоны». Но те, кто дожидался с нетерпением внизу, так ничего ни разу и не дождались.

Что до этого мне?

Мне посрать.

Я представлял себе возможности системы и будь я каньонником, выбрал бы иной путь или способ, оставив этот на крайний случай. Но я не из обитателей Гнойного Каньона и поэтому в ближайшее время собирался проверить каково ко мне отношение здешних оружейных точек.

И, честно говоря, меня глодало нетерпение. Глядя наверх, я с трудом останавливал себя от того, чтобы не начать восхождение.

Никто не знал, что будет ждать меня там за кромкой каньона. Есть лишь один способ узнать. Но я ждал… ждал, сидя на краю долбанной полки на стене гигантского помойного ведра, ожидая, когда в садах Зулунгли начнется церемония освобождения. Еще парочка смертельно заболевших решила попытать счастья в восхождении до края – о чем объявили загодя. Для подобного случая существовал настоящий религиозный ритуал с песнопениями, восхвалениями Владыки и совокуплениями в ее честь. И, само собой, главные в этом клоачном филиале не могли пропустить столь важное мероприятие.

Они все уже там.

Но я жду не их…

Яростный гудок вырвал меня из оцепенения. Я досчитал до шести и яростный долгий корабельный гудок повторил, прилетев снищу воющим тревожным эхом. Мне не требовалось глядеть через край, чтобы выяснить источник рева. Я уже знал, что там, по пенным водам полным ходом прет бравый капитан Мульрос, со всеми зажженными огнями, с ревуном, торопясь под опасным углом к городской пристани.

После третьего гудка я поднялся, накидывая на шлем просторный капюшон точно такой же просторной кожаной куртки, как и приконченных мной охранников у входа в сады Зулунгли. Не было только нашивки, но она красовалась на спинах подохших – дебилы! – а я не планировал поворачиваться к кому-то спиной на все время задуманной простенькой операции. Выждав еще несколько минут – этого должно было хватить капитану, чтобы поднять шумиху и потребовать срочной встречи – я неспешно зашагал по дорожке, с нетерпением прислушиваясь. Где еще один гудок? Его должен был подать один из вахтенных…

Четвертый гудок последовал примерно через одиннадцать-двенадцать минут – я автоматически считал секунды. Значит, Мульрос добился того, чего хотел и успел остановить кого нужно. Не став ускорять шаг, я продолжил неспешно шагать, зная, что

желающие подохнуть обязательно дадут о себе знать – они всегда так делают. Без исключений.

– А чем там? – выскочивший из дыры в стене жирный хреносос заспанно хлопал глазами, тщетно стараясь затянуть пояс с оружием еще на одну дырку.

– Да ничего – успокоил я его, после чего выхватил из его ножен нож и утопил по рукоять в вялом горле.

– ЫГРЛ!

– Согласен – кивнул я, хватая его за кожаное плечо и с силой толкая к невысокому защитному бортику.

Налетев на него, он кувыркнулся вниз, унесшись прямиком к первому общественному парку-саду. Снизу донесся еще один гудок. Матросы увлеклись… Оглянувшись, я перешел на бег трусцой, давая Мульросу время на разыгрывание трагедии в лицах. Его целью было одно простое дело – он должен был остановить от подъема наверх трех здешних важных гоблинов, кого называл «истинными демократами и полными новых идей мыслителями с чуткими ушами и большими душами мать их!». Они были почти задавленным фрагментом здешней ублюдской политической закостенелой системы. Новаторов никто не любит – кормушку ведь суки раскачивают своими идеями, пожрать нормально не дают. А чтобы подчеркнуть для простого люда никчемность сраных новаторов их нагрузили особыми обязанности в дни церемоний. Ну типа иносказательно, но громогласно заявили – мы священно трахаемся в саду, а вы проводите скучные мероприятия в парке этажом ниже. Как раз туда я и отправил зарезанного хренососа, чтобы он кровавой кляксой на аллее добавил внушительности яростным корабельным гудками Мульроса.

Вход в парк охраняли трое, что успели вооружиться копьями и стояли неровной шеренгой поперек дорожки, с нетерпением поджидая меня.

– Чем там?! – будто запоздалое эхо повторил еще один из убулунов, поднимая самодельное сетчатое забрало на старом стальном шлеме.

– Убивают – ответил я, взмахивая выхваченным тесаком.

Отточенное лезвие прошлось разом по трем глоткам. Оббежав замерших в изумлении ушлепков, я ворвался в парк Зулунгли, двигаясь к отчетливо видимому ориентиру – трепещущему свету десятка светильников утопающих в густом тумане-дыму. Оббегая каменные огромные горшки с больными деревцами, я разминулся с пятком обнаженных женщин с огромными опахалами, что бегали по парку с протяжным воем. За одной из них бежал козлоподобный мужичок с известной мне меткой на башке –

перечеркнутый тремя косыми красными линиями лоб говорил, что этот голый хрен с микро-достоинством является одним из элиты. Я снес бородатую башку и побежал дальше, стремясь к свету подобно хищному насекомому, что знает – у света всегда можно отыскать вкусных букашек.

Как там было? Порхай как сука и руби головы как… не помню. Но звучало вроде классно…

Вбив тесак в волосатую грудь еще одного «трижды лобнолинованного», я наконец добрался до затянутой дымом центральной поляны с двумя столами, на которых извивались одурманенные голые девки. Живот одной из низ был украшен блестящей металлической дверцей, которую надежно защищал ее же вздыбленный хер – вокруг ее стола задумчиво столпился десяток приглашенных, явно пытаясь понять, что им делать с этой дикаркой…

С помощью дробовика я решил их проблему, выборочно прикончив пятерых, выбивая картечью всех с красными отметинами на лбах. Остальные неумело разбежались, исчезнув в дыму.

– Семь – рыкнул я, пересчитав зарезанных.

Поведя стволом, я дважды нажал на спуск и спешно перезарядился.

– Девять… а просили только четверых убить…

Пинком послав пылающую жаровню навстречу бегущим охранникам, я накрыл их градом углей, добавив к ним три выстрела, после чего укрылся за каменным столом и опять занялся перезарядкой.

– Я СЛЫШУ ГЛАС ЕЕ! – провыла девка надо мной – ЗИЛРОЙ! ГДЕ ТЫ, МАЛЫШ! Я ПРОШЕПЧУ ТЕБЕ СКАЗКУ, ИМЕЯ ТВОЙ СЛАДКИЙ ЗАД!

– Семейные отношения всегда меня настораживали – пробормотал я, перекатываясь и ловя прицелом харю ползущего хитрожопого ушлепка.

– Простите! – вякнул он и его лицо разлетелось кровавыми кусками.

Перекатившись обратно, я рявкнул:

– ЗИЛРА!

– ДОСТОЯНИЕ КАНЬОННОЙ НАЦИИ ВЗЫВАЕТ!

– Жопу твою в их достояние! ЭЙ! От Зилроя привет!

– Кто… кто ты? – ее дрожащий голос стал чуть осмысленней – Видение?! Сладкое имя сладкого брата…

– Я от него.

– От Зилройчка?

– Да. Слушай сюда! Лежи тихо! Поняла?! Просто лежи и не

дергайся, если хочешь жить!

– А может пойти… пойти с тобой… ыкх… что-то рождается во мне… пойти с тобой, чтобы жить?…

– Ну нахер! – буркнул я – Запомнила?!

– Да… да…

– Как все затихнет – проси встречи с Донованом Зубром! Повтори!

– Донован… Донован Зубр…

– Верно – рыкнул я и поспешно убрался из-под стола, когда затрясшаяся в спазмах Зилра повернулась на бок и принялись исторгать из себя блевоту и мочу одновременно. Я не успевал, но удалось прикрыться от мощной струи телом хрипящего убулуна, почти успевшего навести на меня винтовку.

От струи прикрыться удалось, зато поймал спиной пулю и рухнул вместе с подыхающим от ножа в ребрах убулуном.

– УБИЛ ЕГО! – ликующе заорали из тумана.

– С-сука! – почти беззвучно выдохнул я, выдирая из кобуры револьвер.

Мне понадобилось четыре выстрела, чтобы нащупать крикуна пулей. Уронив ублюдка, я прислушался к нарастающему шуму голосов и ускорился, торопясь убраться из задымленного парка до того, как сюда прибудут основные силы. И мне это вполне удалось – через пять минут я был уже на стене и вне зоны дрожащего света, спешно и легко поднимаясь по отвесной тропе, что была проложена до меня поколениями решивших попытать счастья обитателей Гнойного Каньона.

– Мы осиротели! – протяжно завыл кто-то снизу.

– Заткнуться всем! – уверенный жесткий голос только что прибывшего разом заставил замолчать почти всех. Не унималось несколько визгунов, но их тут же утихомирили.

– Мульрос!

– Я здесь, господин Донован!

– Ты опоздал с предупреждением! – суровый голос громыхал гневом. Но при этом еще и едва слышимой радостью.

– Прошу прощения!

– Никто не совершенен… ты все же успел спасти многих, бравый капитан…

Тихо рассмеявшись, я перестал вслушиваться в диалоги разыгрываемого на публику спектакля и сосредоточился на подъеме…

Глава пятая

Когда я поднялся на вершину, подо мной вспыхнуло далекое пламя. Три тусклые красновато-желтые искры, что зажглись с разницей в несколько секунд, чуть померцали, вроде как угасая, а затем разом полыхнули куда ярче, когда огонь из сработавших примитивных зажигалок добрался до съедобного. Там загорелись бревенчатые и дощатые постройки с крышами из мертвого и живого лишайника. Уже затихавшие было крики разом стали громче, от стен каньона отразилось перепуганное злое эхо. Убедившись, что по крайней мере два очага огня зацепились за пищу и начали разрастаться, я отвернулся от пропасти Гнойного Каньона.

Погони не будет – теперь это точно. Все силы будут брошены на спасение из огня драгоценных построек и барахла и можно не оглядываться слишком часто, боясь, что самые отчаянные и умелые убулуны прорвутся сквозь заградительный огонь чтобы отомстить.

Отойдя на пару шагов, я присел, а затем и распластался между двух мокрых серых камней, что пахли пылью и гнилью, но не химией. Сделав глубокий вдох, убедился, что ничто ядовитое не раздирает горло и не обжигает грудь. Я вырвался. Но не расслабился. Что там было про так и не подавших весточку храбрецов?

С моей позиции не было видно ровным счетом ни хрена – взгляд упирался в разбросанные по краю каньона нагромождения поросших чахлыми деревцами и травой валунов. Повсюду ленивые разноцветные светлячки, что мигают кому-то жопами. Пара жирных ящериц лениво пробежали в игривой погоне друг за другом.

Встав, держа оружие под рукой, я лениво зашагал к сложенным из камней холмам, давая усталому телу передышку. Под ногами ничего – растительный мусор и мелкие косточки не в счет. Нет следов пуль, не вижу гильз, нет игл… абсолютно мирная местность, что тянулась шагов на двадцать от края каньона. Стоило мне обойти один из валунов, как я наткнулся на первые свидетельства того, что здесь бывали вырвавшиеся смертники каньонники – под валуном лежит несколько уже сгнивших и разорванных зверьем заплечных мешков, валяются копья. Луч моего фонаря коротко мигнул, на секунду высвечивая эти «сокровища» и снова угас, когда я заметил узкую тропку, что вела к широкой расщелине в холме. Это именно тропа – ровная стесанная каменная лента, что сейчас почти скрыта хвоей и палой

листвой, но все же тропа. Слева от расщелины, на обтесанном боку валуна, какая-то табличка. Прижавшись к этому валуну боком, я опять включил ненадолго фонарь и понял, что даже при свете ничего не смогу разобрать.

Из длинной надписи, даже после того, как потер перчаткой, сдирая грязь, удалось прочитать лишь «боковая» и вроде бы «дорожка». Можно еще поскрести ножом, но нахрена? И так ясно, что это наследие древних уже времен, когда тут были окрестности не Гнойного сука Каньона, а просто прилегающая к кольцевой водной тропе местность, что была доступна для любого пешего гоблина-туриста.

Ладно… ладно…

Заглянув в темную тропу, я прислушался, но не уловил ничего кроме шелеста прохладного ночного ветерка, что шел к каньону.

Опустившись на корточки, я достал бутылку с витаминным коктейлем и следующие полчаса провел в неспешном безделье, глядя на фальшивые звезды над головой и прислушиваясь к ночи. За это время не произошло ничего интересного. Разве что неподалеку почти неслышно прошел какой-то не слишком крупный зверь, пофыркав, едва слышно рыкнув и уйдя. Отдохнув, убрал пустую бутылку опять в рюкзак и опять полез по стене. В узкую ночную тропу соваться я не собирался. Там могло быть что угодно – начиная от вмурованной в стену небольшой сторожевой полусферы и заканчивая примитивными, но смертоносными ловушками вроде банальной ямы с кольями. Напороться жопой на каменный шип и сдохнуть в позе трахнутого кузнечика… ну нахер… Я предпочту для начала чуток присмотреться к сгубившей столь многих тропе…

Поднявшись всего метров на десять, переходя с валуна на валун, я оказался на вершине гряды и замер на корточках, вглядываясь вдаль. Там на горизонте пульсировало знакомое световое пятно, что подсвечивало ближайшие окрестности и даже само небо. Город. Я глядел на не столь уж далекий от меня оживленный и не спящий даже ночью город.

Оставаясь на полусогнутых, я двинулся вперед, шагая вдоль тропы, что казалась наполненным сгнившей черной кровью расщелиной на фоне более светлого серого камня. Далеко идти не пришлось – через сто с небольшим метров тропа расширилась втрое, плюс на ней появилось электрическое освещение. Работающие через один и через два древние настенные светильники едва горели, но этого было достаточно, чтобы разогнать ночную темень. И этого было достаточно, чтобы высветить вырубленное в боковое скале округлое пространство с

несколькими глубокими нишами. В центре одинокий потухший очаг, обложенный камнями. Четыре ниши из семи пустуют. Еще одна перегорожена решеткой. И в двух замерли мертвые торгматы. Больше ничего интересного, не считая еще пары табличек и гуляющей по месту отдыха пыли, взметываемой все тем же ленивым ветерком.

На этот раз выжидать я не стал – и так ясно, что, если что и случится, так это в момент, когда я окажусь на тропе. А я там окажусь – прежде чем выбрать изнурительный путь по опасному бездорожью, надо убедиться, что тропа непригодна для путешествия.

Мягко спрыгнув в мелкую странноватую пыль, я оказался в пяти шагах от пятачка безопасности. Ботинки утонули на пару сантиметров в мелкой серо-белой пыли. Зачерпнув, поднес к глазам, мигнул фонариком. И резко выпрямился, поднимая дробовик. Пыль… в ней обычная серая каменная пыль была смешана с мелкими светлыми ломанными фрагментами, в которых я опознал дробленные кости. Я стоял на краю пятна из костяной муки – и догадывался, кто щедро поделился исходным сырьем для ее производства. Теперь понятно, почему воздух отдает здесь застарелой вонью гнилья и звериного дерьма…

Перегораживающая глубокую нишу решетка резко распахнулась – как от пинка – во тьме полыхнули высоко расположенные красные глаза, с лязгом вперед подалась стремительная тень. К этому моменту я уже был на скале и продолжал восхождение, наощупь находя уже пройденные ранее зацепы. Почти нажал на спуск, когда красные глаза лязгающей твари вдруг мигнули, а затем сменились желтым. Тварь замерла, померцала тревожно желтым и… глаза загорелись мирным зеленым. От замершего существа донеслось приглушенное живое и знакомое фырканье.

Поняв в чем дело, я тихо рассмеялся и спрыгнул.

Надо мной нависла неподвижная стальная тень. Настенные светильники вспыхнули ярче и тень превратилась в стального скакуна. На таких мы во Франциске II уже успели покататься, когда занимались долбанными аммнушитами.

– Ты их? – спросил я, опуская взгляд на массивные стальные копыта механизма – В фарш… да?

Короткое фырканье и лошадь дала задний ход, легко втянувшись в нишу. Решетка закрываться не стала, на груди стального скакуна с щелчком открылся лючок, за которым приветственно засветился экран с простейшим выбором меню. Сверху пояснение, что команду можно отдать и вербально.

Вербально мать вашу…

Эта послушная зеленоглазая лошадка убила незнамо скольких добравшихся сюда каньонников. А после того, как зверье сожрало их хорошо отбитое копытами мясо, скакун еще раз поработал над костями, превращая их в пыль, что никуда не могла деться из вырезанной в скале пещерке, копясь от года к году, от десятилетия к десятилетию. А ведь от скакуна и не убежать… если только обратно в узкую расщелину, но шансы мизерны – решетка распахивается в тот момент, когда ты уже слишком близко…

Проигнорировав пока терпеливо ждущий в своей конюшне механизм, я шагнул к торгматам. Хватило пары минут, чтобы убедиться – один торгмат мертв, а второй вполне рабочий и обладает точно тем же набором товара, что и установленные на скалистом островке посреди вонючей реки Гнойного Каньона. Мне ничего из этого не требовалось. Но я выгреб все, включая пару многоразовых прочных и вместительных сумок с длинным ремнем. Бухло и курево всегда в цене и всегда найдутся те, кому это ну очень надо. А я ведь как-никак в город собрался…

Вернувшись к лошади, я изучил продолжающий гореть экран.

Дублирующая Линия-5 – единственный активный вариант.

Второй потухший гласил «Великое Водное Колесо Обозрения». Охренеть… Я невольно взглянул в сторону каньона. Колесо обозрения? Ну-ну…

Закинув сумки в специальные сетчатые контейнеры по бокам стального туловища – из одного выкинул проломленный череп – я разместил туда же рюкзак и взобрался в удобное седло. Положил на колени винтовку, дробовик стволом вниз сунул в корзину слева. Револьвер на поясе. Кожаная куртка застегнута.

– Дублирующая линия пять.

Мгновение… и скакун двинулся вперед, с каждым шагом набирая скорость. Пятачок безопасности остался позади, а мы под стук копыт в среднем темпе двигались по широкой ночной тропе, нацелившись на далекое световое пятно у горизонта, с каждой секундой удаляясь от окраины мира Формоза. От Зоны 40, от Гнойного Каньона… оглянуться напоследок? Да не… влом. И посрать…

* * *

Путь был недолгим, но чутка даже интересным.

Первые километры пролегали по тропе, но затем она круто свернула и взбежала по ставшему пологим склону, исчезнув в стороне. Я ожидал, что стальная машина зашагает по ней, но у

скакуна были свои приоритеты и он предпочел нырнуть в скудно освещенный тоннель с отлично сохранившейся или подновляемой светящейся надписью «Тьма не страшна Формозу!».

На холке скакуна зажегся очередной экранчик, сообщивший, что был выбран менее живописный, но куда более короткий путь к Дублирующей Линии 5. Следом появилось сообщение, что, выбирая конный способ передвижения, я лишаю себя оздоровительной нагрузки. Возможно, я захочу вернуться на развилку и отправиться дальше пешком, вдыхая полной грудью свежий воздух? Я проигнорировал намек и вскоре экран потух, а лошадь ускорилась – машинный мозг решил, что серые бетонные стены служебного тоннеля вряд ли стоят внимания наездника.

Вспомнив увиденное на экране, я стащил перчатку и вжал палец в сенсор. Как только экран зажегся, я смахнул с него мигающий вопросительный знак и ткнул в крохотное слово «Меню». Появившееся окно предложило скудную информационную диету:

Голосовая сопроводительная экскурсия.

Открытие гнезда универсальной подзарядки.

Беспроводное подключение совместимых устройство.

Хреновый выбор… Первый вариант выберет только абсолютно конченный, второй вариант мне пока не нужен… я ткнул в третью строчку. Экран мигнул.

Выберите марку вашего устройства, путник:

Следующим появился список наименований, причем некоторые сразу привлекли внимание.

Алоха Кеола.

Алоха Кеола Статус А.

Росогор.

Бункерснаб.

СурвЛайф.

СурвЛайф Макро.

Учитывая принадлежность моего планшета, я выбрал «Бункерснаб», а следом ткнул в «Автоматическое определение». Вытащил планшет и его экран тут же загорелся зеленым, предлагая точно такое же меню как и на экране… Дерьмо. Хотя… Опустив палец к нижней строчке, я выбрал «Личные данные» – единственный новый вариант что не был предложен коварным конем.

Планшет натужно помигал… и выдал удивительное сообщение:

Личный кабинет заблокирован.

Причина: деактивированный нейрочип неизвестной модели.

Изначальная причина деактивации: запрет нейрочипов для

Зоны 40.

Текущая причина деактивации: не активированный и не определенный на текущий момент постоянный статус носителя.

Прежний статус: сборщик Зоны 40. (статус утерян по собственному желанию).

Причина отсутствия системного противодействия утере статуса: заявленный личный ТИР. (требует проверки).

Источник сведений о личном ТИР: отсканированная и расшифрованная тройная информационная татуировка. (спина, левое плечо, правое бедро). (два информационных тату на настоящий момент уничтожены: плечо, спина».

Принятое системное решение: пассивное наблюдение за объектом Оди (Влуп?).

Дарованный срок для подтверждения заявленного личного ТИР объектом Оди (Влуп?): 1 день, 6 часов, 17 мин…

Текущий временный статус: путник. (свобода перемещения третьего уровня).

Возможность выбора и получения постоянного статуса: разрешено.

Ближайшая точка для выбора и получения постоянного статуса: Дублирующая Линия-5.

Текущее состояние личного счета: сумма неизвестна.

Причина отсутствия сведений: изначально деактивированный нейрочип.

Текущий баланс: зеленый. (на все время дарованного для подтверждения заявленного личного ТИР срока).

Остаток зачисленных на временный счет средств: 317 песо.

Причина зачисления: заявленная в информационной татуировке сумма в 10.000 песо.

Дополнительная информация в информационной татуировке: недоступно (засекречено).

Конец информационной сводки.

– Что же ты такое выбила на моей шкуре, Камальдула? – пробормотал я задумчиво, выключая планшет после того, как убедился, что больше мне ничего не выжать.

Узнал кое-что полезное – уже неплохо.

«Желаете ускорить движение?» – новое сообщение на экране заставило меня на пару секунд задуматься.

– Ага – выдал я наконец, хватаясь за металлическую рукоять на спине скакуна – Давай.

«Желаете познавательную сопроводительную вербальную экскурсию, чтобы скоротать дорогу?».

– В жопу.

«Вербальное сопровождение отменено. К сведению:

сквернословие не красит этот мир».

– Как и реки дерьма – буркнул я, пригибаясь в седле.

«Туристическая внутренняя организация Сфера Радостного Бытия желает вам хорошего путешествия».

* * *

Конечная станция стального лошадиного экспресса встретила меня покосившимся безликим рекламным знаком, что навис над началом – или концом – окраинного городского переулка. С двух сторон его сжимали высокие и узкие тесно стоящие бетонные коробки домов. Минимум окон, большинство из них заложено кирпичом. Кое-где сквозь оставленные щели-бойницы пробивается мерцающий желтый свет – и его источник явно не электричество. Хотя там дальше – выше и ближе к центру – яркий неоновый свет утверждает, что в Дублине-5 нет особых проблем с электричеством.

Спешившись с остановившегося механизма, я забрал из корзин свои пожитки и хлопнул стального коня по мокрому от ночной росы стальному боку. Развернувшись, тяжело ступая металлическими копытами по остаткам начинающейся здесь – или опять заканчивающейся? – брусчатке, конь двинулся прочь, мигнув на прощание экраном в холке. Проводив его взглядом, я повернулся лицом к городу и продолжил осмотр.

Переулок освещен фальшивой луной и парой тусклых светильников, прикрытых мутными колпаками и утопленными в стенах на высоте четырех метров. Освещения с трудом хватило, чтобы высветить череду стальных здоровенных мусорных контейнеров с открытыми крышками. Над контейнерами кружились десятки светлячков. Прижавшись спиной к одному из мусорных баков, сидел седой старик и терпеливо выдерживал несильные показушные пинки молодого ушлепка в черной кожаной куртке с какой-то эмблемой на спине. Пинки приходились каждый раз в новое место, так что старому гоблину скучать не приходилось – он аккуратно прикрывался каким-то свертком от ударов ботинка и успокаивающе что-то бормотал, пытаясь воздействовать на обидчика. Тот похохатывал, обильно сплевывал на жертву и снова прикладывался к горлышку стеклянной бутылки с остатками пойла.

– Ща еще и подожгу! – визгливо пообещал молодой и окропил голову съежившегося старпера жидкостью из бутылки – Подожгу!

– Ну чего ты сегодня такой злой, Кошми? Ты ведь хороший

парень – старик бубнил так тихо, что мне пришлось подойти еще на пару метров, чтобы разобрать его слова.

Они оба были так увлечены мирной беседой, что даже не заметили моего появления из ночи.

– Может с тобой случилось что? – старик сделал еще одну попытку, и она оказалась неудачной – ему прилетело вскользь ботинком по губам. Охнув, гоблин прикрылся обеими руками и это оказалось ошибкой – молодой с радостью вмял каблук ботинка в незащищенный пах. Протяжно застонав, тот повалился набок.

– Не тебе у лезвия спрашивать, мясо! – неумело зарычал агрессор, смешно перекашивая харю в якобы агрессивной гримасе – Читай на спине кто я! Читай на спине!

– Лезвие! Я знаю… знаю…

– Читай громче! Читай на спине! – подпрыгнув, парень пнул стонущего старика по тощей ляжке – Мы сила! Кто мы?! Кто?!

Я заинтересовано приподнял брови и чуть наклонился в сторону, пытаясь прочесть на спине кожаной куртки что-нибудь интересное. Там и впрямь было пару слов полукругом…

– Лезвия! – проблеял старик – Лезвия Сатаны! Вы сила! Ох! – от очередного удара он утробно всхлипнул, брызнул из разбитых губ кровью.

Светлячки тут же оживились, стремительно спикировав к мокрым пятнам. Вздрогнув от их светящейся круговерти, атакующий придурок раздосадовано выругался, сунул руку в карман куртки и выдернул ее обратно, щелкая раскрывшейся опасной бритвой.

– Я покажу почему мы лезвия! Почему мы сила! Время накормить осенних мух!

– Кошми… мы же не враги… я же никогда и слова…

– Сегодня не твой день, старый хреносос! – завопил придурок, картинно поднимая вооруженную руку.

Морщась от режущего слух истеричного визга, сделав шаг, я оказался за его спиной и подхватил его одно рукой за шиворот, а кулак другой вбил под зад, гарантированно задевая яйца. Вякнув, тот инстинктивно сжал бедра, зажимая мою руку. Этого мне и надо было – подняв ушлепка повыше, я резко опустил руки, ударяя его спиной о край открытого мусорного контейнера. Едва слышный хруст, звяканье выроненной на старый бетон бритвы, дрыгнувшиеся раз ноги расслабились, выпуская мой кулак. Весь став как ватный, парень сложился и с грохотом рухнул на металлический пол контейнера. Я успел выхватить из его руки бутылку, после чего захлопнул крышку, нагнувшись, подобрал бритву и отошел на пару шагов, с интересом оглядывая трофей.

Неплохо заточена, на лезвии вытравлено «Лезвия Сатаны» с двух сторон. Больше ничего примечательного.

Старик, приподнявшись, несколько секунд пялился на меня с искренним недоумением, а затем утер с щетинистого подбородка кровь и медленно кивнул:

– Воспитанного человека отличишь сразу – обязательно прикроет крышку мусорного бака.

– Да ну?

– Уж поверь – я знаю. Жопочист допивать будешь?

– Это? – я взглянул на мутную бурую жижу в бутылке – Самогон?

– Он самый. Все нутро прочищает от входа до выхода! – старик жадно сглотнул слюну вместе с кровью, сердито махнул рукой, отгоняя светлячков – Кыш, мухи клятые! Кыш!

Протянув ему бутылку, я заодно уронил рядом со стариком раскрытую бритву. Дождавшись, когда гоблин робко примет бутылку, я вернулся к своим вещам. Подхватив их, оттащил к щели между контейнерами, не обращая внимания на доносящиеся из одного из них тихие стоны.

Усевшись так, чтобы максимально прикрыться сталью мусорок, но при этом сохранить обзор, я поднял взгляд на пьющего самогон гоблина:

– Я Оди.

– Я Шоппер Брызг – тяжело вздохнув, он осторожно помассировал себе промежность и кивнул на бритву – Спасибо тебе. Зарезал бы он меня. Может его огорчил кто?

– Может – безразлично отозвался я – Уже посрать.

– Ты ему спину сломал кажись.

– Ага.

– К Пончикам тебе надо – покачал головой Шоппер и робко взглянул на меня, после чего поспешно отвернулся и сделал еще один глоток жопочиста – Не мне советовать, конечно…

– Продолжай – поощрил я, доставая из поясной сумки батончик и швыряя старому гоблину – Закуси. И рассказывай.

– Благодарствую душевно…

– Что за пончики?

– Ну как… Черные Пончики… разве можно не знать вторую по мощи силу? Они валят мутантов так что туман кровавый вздымается! Их уважают! А ты я погляжу при наваре боевом. Есть чем заплатить за защиту. На их территории Лезвия Сатаны тебя не достанут – старик мелко закивал, неумело вскрывая злаковый батончик – Куда им! Пусть они под себя всю южную окраину подмяли… перед Пончиками они ничто!

– А кто первый по мощи?

– Ты нездешний никак? – удивленно моргнул Шоппер, чьи глаза уже заволакивала пьяная дымка.

– Кто первый по мощи в городе?

– Да как кто? Ночные Гадюки, конечно!

Настала моя очередь удивленно моргать:

– Кто-кто?

– Ночные Гадюки! – Шоппер повысил голос, явно сочтя меня тупым или глухим – Да их все знают! И все уважают! Они держат под собой два сектора после того как Дублин-4 не сдержал волну тварей и захлебнулся! А все почему?

– Почему?

Оглядевшись, гоблин сплюнул с губ полезшего за кровью и обжегшегося самогоном светлячка и едва не взвизгнул:

– Они владеют головой Ночной Гадюки! У них шлем! Шлем! Все это знают! Шлем предвидения! – едва не захлебнувшись очередным глотком, старик надсадно закашлялся и с трудом выдавил – Они… он-ни…

– Они? – повторил я, чувствуя, что начинаю терять терпение.

– Они нашли его в самом сердце Мутатерра! У подножия самого клятого Лобного Места!

Я встряхнул головой, прогоняя пронесшиеся перед мысленным взором смутные видения…

Шквальный вражеский огонь, меня трясет от частых попаданий, рядом падает с криком один из моих бойцов, роняя на землю безвольное истерзанное нагое женское тело с болтающейся головой украшенной зияющей раной на месте содранного скальпа… я прыгаю к ней и меня сшибает с ног взрыв… все летит кувырком, перед глазами взрывается белым шумом экран забрала…

– Эй! Эй! Оди! Ты нарк што ли?! Не похоже…

– Шлем…

– Им владеет сам Гадос!

– Кто?

– Гадос! Глава Ночных Гадюк! Да ты откуда сам будешь-то?

– Из жопы мира – отмахнулся я.

– А мы где? Владыка сюда и не глядит! А не глядят лишь куда? В яму сортирную что до краев полна жирным дерьмом и…

– Эй! Шоппер! Выбирай – я тебе шею сверну и дальше пойду или ты мне расскажешь все что знаешь, а взамен получишь бутылку водки и пачку сигарет.

– Дай закурить… – застонал старик, роняя опустевшую бутылку и тяня ко мне дрожащую руку – В жопу водку, в жопу жизнь – мне без курева не жить!

– Охренеть… – пробормотал я, тянясь к сумке с недавними

покупками.

– В жопу дать за сигарету я…

– Уймись, давальщик!

– Да я никогда! Там окончание другое!

– Рассказывай – велел я, бросая ему одноразовую зажигалку из красного пластика – Рассказывай, Шоппер…

Подвыпивший и набравшийся обреченной смелости старик, пыхающий сигаретным дымом, был только рад предложению. Он придвинулся поближе и вместе со зловонным дыханием на меня полился его нескрываемо злобный рассказ.

Он родился в Дублине-5. Ну как родился – проснулся совсем молодым парнем восемнадцати лет от роду. Гражданин Дублина-5. Биография – чистейший лист. Подъемные в размере тысячи песо, плюс десяток разовых бонусов, которые можно выбирать постепенно – посещение зубного или получение капсул для перезарядки носимой аптечки, например. Он был здоров, силен и достаточно умен. В общем перед ним открывалось немало достойных путей, каждый из которых мог вести к процветающему будущему…

Я оборвал разошедшегося Шоппера злым рыком:

– Мне посрать на тебя, Шоппер! И на твою гнилую судьбу! Говори о городе!

– А он не гнилой? Но понял… понял тебя… – сделав глоток водки, чиркнув зажигалкой и утвердив фильтр в мокрых от спиртного губах, старик сделал блаженный глубочайший вдох и на десяток секунд зажмурился, пребывая в кайфе или раздумьях. Я не мешал, наблюдая за полетом осенних светящихся мух, что одна за другой спускались к закрытому мусорному контейнеру и скрывались в щелях под крышкой. Видимо скулящая обездвиженная мясная начинка манила их своей многообещающей покорностью.

Все как в жизни сука… только прекрати дергаться – и тебя сожрут.

Очнувшийся Шоппер, делая частые затяжки и мелкие глотки, опять заговорил, на этот раз на нужную мне тему.

Как он и сказал – он здесь уже давно. Жизнь просрана на этих улицах. Причем просрана давно, а последние лет двадцать он уже прекратил попытки удержаться на волнах житейского дерьма и предпочел переселиться на улицу – и там люди живут. Так он превратился в пустое место с парой глаз и таким же количеством пока еще слышащих ушей. Он стал уличной тенью, бесстрастным безразличным наблюдателем, что сосредоточен всего на паре целей – найти чего сожрать и чего выпить. Где спать и так понятно…

В общем… он видел многое и одновременно ничего.

Почему? Да потому что на протяжении всех этих лет расклад в Дублине почти не изменился.

Рулит, крышует и всех попирает по-прежнему одна и та же группировка, что и в годы его юности – Ночные Гадюки. Великая сила, что держит под своим крылом как-минимум тысячу бойцов, десятки три различных экзоскелетов, целых четыре шагохода! Армия! А сколько у них техников, оружейников и других тыловых работяг? Это мечта любого, кстати – попасть в ряды тыловиков, что всю жизнь находятся в пределах города, занимаясь обслуживанием солдат. Ему вот не удалось.

На втором месте по силе находятся Черные Пончики. Все то же самое, только раза в два меньше объемы и достижения так сказать. Хотя Пончики стараются и позиций не сдают.

Ну и третья группировка – Лезвия Сатаны. Вот их дела плохи. Когда Шоппер появился здесь юнцом лет сорок назад, Лезвия были равны по силе Пончикам. Но с тех пор Лезвия съежились, сдулись, уменьшились раза в два в числе. Все из-за давней бойни там на Мутатерре, где целый легион тварей устроил Лезвиям кровавую баню. Когда это случилось? Лет двадцать пять назад. Может двадцать… Лезвия сами виноваты – полезли слишком глубоко и не дождались подхода сил Гадюк и Пончиков – намечалась глобальная чистка того района, но кое-кому захотелось славы единственных победителей… В той бойне полегли лучшие из Лезвий плюс почти весь командный состав – это Шоппер знал точно, потому что в те дни пахал разносчиком жратвы в обжираловке Жопные Колики, что располагалась на территории, контролируемой Лезвиями. И он знал, как резко сократилось количество адресов доставки… И слышал, как в тот день выли разом осиротевшие бабы-приживалки… А Шоппер в очередной раз поменял работу – обжираловка закрылась. Правда, ненадолго, вскоре открывшись под тем же названием, но уже под другим хозяином – район подмяли под себя Черные Пончики.

Территории?

Тут все просто – группировки огромные, им нужно немало места для жизни. Ведь каждая из главных сил Дублина живет «сама в себе» – в собственных жестко контролируемых границах, отхватив себе столько районов полумертвого города, сколько им под силу. Центр занимают Пончики, медленно расширяясь на восток – захватывая улицу за улицей у Лезвия Сатаны. Потому те и бесятся так, понимая, что от них осталась лишь тень былой мощи. Потому и пинают по лицам бездомных стариков, щелкая у их глаз отточенными бритвами. Сейчас верхушку Лезвий шатает от переизбытка дурной крови…

Гадюки?

Ночные Гадюки давно и прочно обосновались на западе. Там их основная территория, там вообще все основное – арсеналы, склады, жилье для бойцов. Причем все это находится в закрытой для посещения зоне – доступ только для своих. Остальным же доступны центральные улицы с магазинами, ночными клубами, барами и прочим завлекаловом, где так приятно просадить с трудом заработанные песо.

Они все же расширяются, но при этом не ссорясь с соседями Пончиками – за последние годы прибрали себе распложенный в ближайших холмах к югу разгромленный санаторий Плеяда Тайгета, вернув его к жизни и превратив не только в место отдыха, но и в фруктовый сад и огороды. Бойцам надо жрать! А Зоны в последнее время снабжают Дублин-5 из рук вон плохо.

Старик ткнул очередной сигаретой в небо, но я не стал поднимать глаз – и так знал, что там тянется несколько канаток идущих над крышами домов к центру. Линия снабжения. Как уже сказал Шоппер – на Дублин-5 работает пять Зон. Хотя две канатки никогда не оживают – Зона 38 и 39 мертвы, уничтожены огромным океаническим чудовищем. Те припасы что все же поступают в город делятся по заслугам, а не поровну. Большую часть забирают Гадюки, следующими идут Пончики, потом Лезвия, а уже в самом конце этой цепи расположено пять-шесть мелких группировок, что выставляют в бой свои небольшие отряды, выполняя столь же небольшие миссии и не претендуя на большее. Мелких организаций не так уж и много, но почти каждый месяц появляются и столь же быстро исчезают новые отряды. На поверхности остаются барахтаться лишь некоторые, остальные же… кто-то распадается на озлобленных и ненавидящих друг друга бывших друганов… случается, да… но чаще всего эти мелкие отряды просто погибают там – на Мутатерре. Ведь чтобы выжить и преуспеть надо постоянно выполнять боевые поручения – каждый день без исключения, если не хочешь потерять самое дорогое, что есть у каждой группы или отряда – репрейт. Репутационный рейтинг… От него зависит не просто многое – от него зависит вообще все.

Репрейт есть у каждого из жителей. Он же есть у каждой официально зарегистрированной группы. И вот ведь в чем проблема – если ты зарегил группу, а затем облажался и распустил ее… все накопленные минуса будут поделены между всеми ее бывшими членами, включая огромный минус за сам факт роспуска – штрафы дикие. По этой причине основать новую группу на давным-давно поделенной территории, где во всем городе не сыскать ничейного уголка, могут только безумцы или

кто-то с поистине алмазной крепости яйцами. И ведь находятся подобные кретины… Впрочем, как он уже говорил – есть те мелкие отряды, что уже годами и даже десятилетиями умудряются поддерживать себя на плаву, сохраняя численность и положение.

Чистильщики, Копродавы, Солнечное пламя, Грехородные, Чистое Древо, Крушилы… и плюс минус отыщется еще столько же живучих «малышей» с не менее странными названиями. Хотя до Ночных Гадюк или Лезвий Сатаны им далеко – те уж назвались так назывались… звучно!

Когда старик перечислял бубнявой скороговоркой названия мелких отрядов, он не заметил промелькнувшей у меня по лицу судороги, что тут же бесследно исчезла. Хрустнув шеей, я протянул Шопперу еще одну небольшую бутылочку водки, помог ему подкурить и вернул его к теме рассказа, заставив оторваться от воспоминаний о огромных сиськах той поварихи из Жопных Колик.

Репрейт?

О да… опасная штука!

Хорошо, что сам Шоппер еще не просрал остатки мозгов и сохранил репрейт с положительным балансом – тут главное хотя бы раз в неделю выходить на шестнадцатичасовую рабочую смену в соцволрабе и полученных там баллов хватает на всю неделю безделья.

Так что запомни, Оди – социальные волонтерские работы раз в неделю и можно больше о репрейте не вспоминать – конечно, если ты не буянишь и не налетаешь на проблемы. Владыка ведь наблюдает, но не сообщает, когда ты переходишь незримую грань. Так что осторожней.

Что с системой? Она выдает задания?

Она, конечно, кто ж еще? Владыка рулит! И чем выше твое положение в городском рейтинге – тем опасней задания ты получаешь и тем щедрее за них плата. Эх! Быть героем крутом – сытая житуха, сочные кареглазые телочки под боком, бокал виски в расслабленной лапе и апартаменты на верхних этажах городских высоток…

А где выдают задания?

Так почти на каждом перекрестке стоит навес с выпирающей из асфальта консолью терминала. Подходи да тычь пальцем. Ты откуда будешь, Оди, раз этого не знаешь? Нарвавшись на мой взгляд, старик осекся, мелко покивал и выставил примирительно занятые водкой и куревом кулаки – понял, понял, вопросов не будет. Тебе к терминалу, добрый человек – Владыка все разжует даже для самых тупых, чтобы поняли на всю жизнь. Ведь с

репрейтом шутить нельзя – это считая настоящая карма. А плохая карма тебе всю жизнь так быстро испоганит, что даже пернуть не успеешь с испугом! Как получишь минус больше десятки – ждут тебя исправительные работы в подземных говноколлекторах, где прочищаешь забитые черным дерьмом трубы с помощью тяжеленных багров и ими же отбиваешься от обитающих там разных тварей…

Терминал принимает специальные коды?

Чего-чего? Какие коды?

Ясно… Кто правит Гадюками?

Гадос вестимо. Пончиками – Понтий Пятый. Лезвиями правит Мракос.

Кивнув, я спросил про Чистильщиков, Грехородных, Чистое Древо и Солнечное Пламя.

И тут же получил ответы: Дрегос, Адамос, Энтурос и Небиан.

Все имена звучали настолько приторно, что аж зубы сводило. Поэтому я уточнил и получил еще один кивок – ну да, само собой, это не настоящие имена. Это вроде как титул. Кто во главе Гадюк встал, тот стал Гадосом. Приставку цифровую можешь брать, можешь не брать – все равно Гадос ты отныне. Так и у остальных официальных группировок. Это считай ритуал, что берет свое начало с самого начала…

Это обязательное условие? Брать чужое имя? Или просто сраная традиция?

Вот этого Шоппер не знал, разведя трясущимися руками.

У меня еще были в запасе вопросы – тьма их! – но старик уже вырубался, с огромным трудом ворочая пьяным от спирта и никотина языком, то и дело роняя голову на грудь. Поняв, что он вот-вот уйдет в алкогольное забвение, я встряхнул его и торопливо задал еще несколько вопросов.

Почему на территории Пончиков можно не бояться? Да потому что нельзя чужим устраивать разборки на контролируемых другой группировкой территориях. Да ты не бойся, Оди – Лезвия пошлют кого-нибудь перетереть эту тему и всегда можно откупиться. Этот ублюдок, что сейчас лежит в помойке, доставлял лишь проблемы. От него рады будут избавиться даже неприхотливые к новым членам Лезвия Сатаны. Сотен пять песо в откуп – и проблема исчерпана. Опять же поторговаться не мешает.

– А почему тогда не к Гадюкам на постой? – с ленцой поинтересовался я, вставая.

– Дорого – икнул Шоппер и сполз на землю, вытянувшись во весь рост – У Гадюк все дорого. Даже койка в приюте и та в два раза дороже чем у Черных Пончиков. Не ходи ты к ним…

– Какие экзы у Гадюк?

– Разные старые… у нас все старое… новья почти нет.

– А тот шлем?

– Артефакт магический!

– Че?

– Так ведь я ж говорил – он шепчет порой! Шепчет важное!

– Кому?

– Гадосу! Говорят, что это голова отрубленной стальной гадюки, что некогда пыталась пожрать этот мир но была обезглавлена Первыми Мятежниками ценой собственной жизни! – неожиданно выдал в голос старик и снова обмяк, уже куда тише пробормотав – Там эту голову вроде и нашли – под грудой иссохших костей у Лобного Места…

– Это точно, старик?

– А мне откуда знать? Так воняли старики в Жопных Коликах… а теперь уже и я старик… вошь бездомная… но все еще живущая… дать тебе совет, Оди?

– Мне?

– Как прожить подольше…

– Удиви меня…

– Чтобы жить прямо долго надо кишки рабочие иметь! Чтобы все переваривали! Понял?

– Ага.

– Но главное – чтобы твоей душе было на все посрать. Вот прямо на все! С кем бы что ни случилось – к сердцу не принимай! У меня не получилось… хотя и стараюсь. Кишками доволен, а головой не очень… слезливый я стал как баба… И почему я не черствый кусок говна? Порой виноватым себя чувствую…

– Потому что помнишь – усмехнулся я, подхватывая одной рукой обе сумки, а другую опуская на висящий на ремне дробовик – Чтобы чувствовать себя виноватым – надо помнить о сделанном. А ты забудь, Шоппер. Просто забудь…

– Легко сказать… вон стонет в баке пинавший меня упырок. Он же меня и сдаст тем, кто его отыщет…

– Ща – кивнул я.

Приподняв крышку, глянул внутрь и улыбнулся едва различимым панически расширенным глазам парализованного ушлепка.

– Ща – успокоил я и его, открывая бритву.

Короткое движение запястьем… и брошенная бритва прошлась по расслабленной параличом шее, прорезав длинную рану, что тут же плеснула темной кровью.

– Ну вот – успокаивающе улыбнулся я заблеявшему упырку – Сдохни уже, чтобы Шоппер жопу в скорби не пружинил.

Откинув крышку, я позволил рою светлячков спикировать в бак и вскоре стон захлебнулся. Глянув на удивленно моргающего старика, я ткнул пальцем в переулок:

– Что за ним?

– Семнадцатая улица. Если по ней налево двинешь, то шагов через двести окажешься на перекрестке имени Свободной Природы.

– Терминал?

– Есть.

– Ясно.

– Удачи тебе, Оди… мне то уже конец…

– Уходи отсюда. И спрячься – бросил я через плечо – Переживи эту ночь. Если переживешь – найди меня завтра.

– З-зачем?

Отмахнувшись, я зашагал по переулку к перекрестку Свободы. Надо поторопиться – до рассвета осталось не так уж долго, а я тут шарахаюсь непонятно в чем и с кучей барахла на руках. Тут… тут все непросто в этом Дублине-5. Временно надо слиться с общей массой булькающего здесь дерьма…

* * *

Нельзя было не заметить терминал на перекрестке – над ним высился подсвеченный металлический навес, на него указывало несколько недавно подновленных светящихся стрелок на стенах здания, а еще рядом с ним горестно выл стоящий на коленях лысый жирный гоблин, колотясь башкой об асфальт и крича про то, что сейчас зацелует экран, только не надо отправлять его в коллекторы под улицы…

Я прошел мимо. Терминал буквально тянул меня к себе, но я прошел мимо, держась у темной стены и ориентируясь по достаточно частым указателям на мертвых фонарных столбах. И чем дальше я углублялся в бетонные джунгли, тем вонючей, теплее, громче, светлее и оживленней они становились.

Гоблины… гоблины никогда не меняются…

Или все же меняются?

Странные вопросы всплывают в моей ноющей от усталости и попыток что-то вспомнить голове.

Пока я шагал, нарочно избегая встречаться взглядом со все чаще попадающимися на улице гоблинами, вокруг меня наступал рассвет – искусственный, все еще ночной болезненный неоновый рассвет такой же фальшивый как и весь мирок Формоза. Начавшийся легкий дождь не смог разбавить фальшивость, но

позволил натянуть на лишившуюся шлема башку капюшон куртки, чтобы скрыть хранящее следы побоев лицо, не привлекая лишнего внимания к своей навьюченной личности. А скрывать было от кого – преимущественно рядом с углами зданий и на вторых этажах появились вооруженные гоблины в одинаковых черных куртках с рукавами в редкую широкую белую полоску. Высокие воротники, двойной ряд белых пуговиц… все указывало на униформу, равно как и белый квадрат с черным кругом на левой части груди у каждого. Я на территории Пончиков и уже привлек к себе пока еще ленивое и небрежное, но все же внимание. Еще некоторое время меня с моими сумками и рюкзаками будут принимать просто за меняющего берлогу здешнего гоблина, что сгорбился и спешит под дождем. Оружие замотано и спрятано, к тому же, как я уже убедился, тут каждый второй таскал при себе ствол, причем делая это напоказ – чаще всего кобура свисала у пряжки ремня, нависая грозной тенью над явно вечно мокрыми от такой подлянки яйцами. Одна проблема – винтовки и дробовики были только у охранников, а остальные вооружились пистолетами, револьверами и малыми игстрелами, если судить по машинально отмеченным рукоятям. Тут по любому есть хотя бы неофициальные, но четко выполняемые правила вроде «крупный калибр и нарезное по городу не таскать».

Я уже почти прошел мимо странного здания со скошенными стенами, но взгляд зацепился сначала за его вывеску, а затем за плотную группку крепких парней у следующей постройки, что еще не глядели на меня, и пока не отлипли от подпираемой задницами стены. Ночная смена подходит к концу. Лень пялиться на гуляющих в предрассветном сумраке ушлепков, лень изображать давно ушедшую бдительность…

Круто свернув, я ввалился в пустое яркое освещенное и удивительное чистое помещение с намертво въевшимся в кафель пола и стена запахом сильной обеззараживающей химии. Встретить подобное место в мрачном городе с тусклыми неоновыми лампами…

Пройдя вдоль тыльной стены, представляющей собой сплошные запертые стальные дверцы с крохотными экранами, я выбрал четыре из них, расположенных бок о бок и на одной высоте. Распихав по ним рюкзак и сумки, туда же убрал оружие и одна за другой захлопнул дверцы камер хранения. Прижав палец поочередно к каждому из четырех сенсоров, дождался мелодичных гудков и экранных оповещений о том, что стоимость хранения снята с моего внутреннего счета и составила по десять песо за сутки. Почти добежав до последней в ряду свободной камеры, я забросил внутрь еще один дробовик с примотанным к

прикладу патронташем на десять патронов. У края положил револьвер, поместив так, чтобы можно было выхватить его одним быстрым движением. Захлопнув дверцу, присел, рукавом стер свои следы у всех из камер, кляня слишком светлый кафель. Закончив с этим, потоптался вообще в другой стороне, постаравшись сбросить с ботинок всю скопившуюся за время путешествия грязь, после чего покинул заведение с лаконичным названием «Сисплатхран № 13».

Поправив два игстрела – картриджи к ним распихал по карманам вместе с наличкой – я повернулся лениво глянул из-под капюшона на возникших рядом парней в черных куртках с трахнутыми белыми квадратами на груди. По нам заколотил усилившийся дождь, я протяжно зевнул, преодолевая усталость.

– Харю покажи – хрипло велел самый крупный из них.

Я промолчал, ожидая продолжения. Но его не последовало. Всего подошло трое, причем левая крайняя фигура оказалась женской. Она и решила проблему, наклонившись, щелкнув фонариком мне в лицо и разочаровано выпрямилась:

– Не он.

– Без обид, бро – вздохнул самый крупный и, плеская по лужам тежелыми ботинками, пошел обратно к подпирающей стену группе.

Второй из них оказался самым придирчивым, внимательно ощупав меня взглядом. Не найдя ничего интересного, поинтересовался:

– На утреннюю смену?

– Переезжаю – ответил я чистую правду.

– Баба выперла? Ты вроде с пожитками шел…

– Да меня всем составом провожали веселыми криками – вспомнил я дымный пожар и трупы Гнойного Каньона.

– Община? Коммуна мелкая?

– Можно и так сказать.

– Обидел их чем?

– Да нет. Веселил как мог.

– Ясно. Не сошлись юмором и смыслом жизни. Деньги на ночлег есть?

– Ага.

– Тебя вроде не видел раньше…

– Бывает.

– Из работяг?

– Ага.

– Чем занимался?

– Много чем. Слизь серую таскал, паразитов застенных убивал…

Из голоса парня разом пропал весь интерес:

– Говно черпал и крыс давил?

– Можно и так сказать…

– Воевать и не пробовал. Че жопой там снаружи рисковать, да? – он пытался скрыть, но пренебрежение и презрение все равно пробивались сквозь ровный голос.

– Да какой из меня боец – вздохнул я.

– По харе кривой избитой видно. И спиртом несет… бухаешь?

– Бухаю.

– А может и наркотой закидываешься…

– Я? – фальшиво удивился я.

– Ты… да не напрягайся – по голосу и так все ясно. Жизни нормальной построить не можешь по этим причинам, так? Поэтому тебя и выперли из общины… может бабу свою херачил почем зря?

– Ну…

– Ясно. Потому и выперли… за все твои достоинства.

– Хм…

– Жаль мне твою общину! Можешь вернешься? Покаешься с душой… попросишься к ним обратно…

– Не-е-е… – протянул я и опять зевнул.

– Совсем пропащий ты походу? Или еще пытаешься на ноги дрожащие встать?

– Да как могу…

– С деньгами значит так себе…

– Ну…

– Репрейт в плюсе? Если в минусе, то в нормальную ночлежку не впишешься. Сам знаешь порядки.

– Ага…

Приняв мой ответ за утвердительное «знаю», парень, уже отворачиваясь, ткнул пальцем в массивную пятиэтажную постройку метрах в трехстах от нас:

– У перекрестка гостиница Мутастар. Слышал?

– Ну…

– Там чем выше – тем дороже. Выберешь себе по средствам. И не шарахайся по улицам ночью. Если соврал и репрейт в минусе – просись туда же, но в подвал. Понял?

– Ага.

– Бывай – он махнул рукой и ушел.

А я потопал к Мутастару, нацелившись скорее на перекресток рядом с ней – ведь на каждом перекрестке должен иметься терминал. Надо скорее прояснить ситуацию со своей незарегистрированной тушей… и заодно понять как богат выбором экран. Как, например, можно тут собственный отряд

зарегистрировать? Мне даже бойцов подыскивать не надо – если сумею вовремя свои посылки получить до того, как они протухнут…

Глава шестая

Небольшая и какая-то сонная красная системная полусфера повернулась с едва различимым скрипом, полоснув по мне зеленым лазерным лучом, что тут же сменился желтым, едва она меня опознала.

Системе не нравится неопределенность…

– Что с тобой сотворили, убогая? – поинтересовался я, входя под навес и поднимая лицо к системному глазу – Формоз получил независимость… получил свободу… так почему-то не кажешься свободной?

Желтый лазерный луч опустился ниже, указав на терминал с загоревшимся экраном. Вряд ли это приглашение пообщаться. Скорее машина хочет как можно скорее вернуть мне хоть какой-то статус. И на этот раз наши желания совпадают.

Стащив перчатку, я вжал мокрый от пота палец в чистенький сенсор, без сожаления оставляя на нем грязные разводы. Экран мигнул…

Личный кабинет заблокирован.

Причина: деактивированный нейрочип неизвестной модели.

Изначальная причина деактивации: запрет нейрочипов для Зоны 40.

Текущая причина деактивации: не активированный и не определенный на текущий момент постоянный статус носителя.

Прежний статус: сборщик Зоны 40. (статус утерян по собственному желанию)…

Раздраженно зашипев, я ткнул в «Пропустить» в левом нижнем углу экрана, чтобы избавиться от уже известной информации. Дай мне что-нибудь новое…

Текущий временный статус: путник. (свобода перемещения третьего уровня).

Возможность выбора и получения постоянного статуса: разрешено.

Поиск доступных вариантов…

Найден один вариант: статус «Добровольно нулевой ДабЛайн-5».

Внимание! Начата процедура присвоения постоянного социального статуса!

Ваше имя…

– Оди – хрипло произнес я, нависая над медленно мигающим экраном.

Процедура присвоения постоянного социального статуса завершена!

Добро пожаловать в Дублин-5, гражданин Оди!

Помните – вы на нулевой ступеньке социального рейтинга.

Репутационный рейтинг: 1.

Внимание! Обнаружен деактивированный нейрочип неизвестной модели.

Начата процедура активации… ждите… ждите… ждите…

Экран резко потух. Зато перед глазами появились знакомые зеленые строчки:

Нейрочип успешно активирован.

Предоставлен доступ к системному меню.

Внимание! Начата полная проверка ранее предоставленной информации! (Источник данных – татуировки).

О результатах проверки будет сообщено позднее.

Всего хорошего, гражданин Оди.

Изучив инфу, я опять ткнул в сенсор, собираясь порыться во всех доступных меню, чтобы понять куда вводить имеющиеся у меня контейнерные коды. Но вместо доступных разделов экран мигнул раз и потух, на секунду высветив:

Недоступно для гражданина Оди. (Ведется проверка).

Ладно…

Поняв, что под навесом можно больше не торчать, я развернулся и потопал к зданию гостиницы, уже не пытаясь вести себя неприметно. А зачем? Теперь я один из счастливых жителей сраного Дублина-5 и могу открыто улыбаться плетущимся навстречу мрачным небритым ушлепкам, что подобно тараканам повалили из распахнувшихся подвальных дверей, таща с собой вонь немытых тел.

– Дай песо на опохмел! – мне в плечо вцепилась волосатая лапа хрипящего здоровяка с покатым лбом. Налитые кровью глаза расфокусированы, лоб наморщен, все что ниже неумело скривлено в злой гримасе, что должна меня, наверное, напугать.

Я ткнул пальцем и отшатнувшийся здоровяк, согнувшись, затанцевал, часто перебирая ногами. Пройдя сквозь раздавшуюся вонючую толпу, я поднялся по широким ступеням, где меня встретил спокойным взглядом еще сонный парень с кружкой кофе в левой руке и ладонью правой на рукояти револьвера на пояса.

– Доброе утро. Ты по…

– На постой – буркнул я, проходя мимо.

Он шатнулся было за мной, но тут же передумал и вернулся на свой пост, с интересом наблюдая за продолжающим пританцовывать здоровяком, чье выступление уже собрало десяток зрителей.

За дверью оказалось полутемное помещение с делящей его пополам высокой и широкой каменной стойкой с парой узких и

закрытых сейчас проходов, каждый из которых вел к своей лестнице. Меня встретил спокойный взгляд женщины средних лет в белой блузке и черный жилет со все тем же черным бубликом в белом квадрате на груди. Что там было у нее ниже я не видел – мешала стойка. Но стоило подойти вплотную к стойке, и я выяснил, что по утрам она носит строгую черную юбку до колен, а еще пояс с игстрелом, чей ствол был направлен точно в мою насупленную гоблинскую переносицу.

– Доброе утро – чарующе улыбнулась служащая – Добро пожаловать в гостиницу Мутастар. Чем я могу пом…

– Номер на одного. На три дня.

– Обычный? Комфорт? – ее улыбка стала чуть шире, но игстрел продолжал сверлить меня недобрым взглядом единственного глаза.

– Горячая вода? Жратва в номер? Сейф для оружия?

– Номер комфорт. Двадцать песо в сутки. Все заказанное в номер оплачивается отдельно. Номер оплачивается вперед минимум на сутки.

– Комфорт – кивнул я, доставая пригоршню монет и расчерченных на квадратики пластин.

Каждая такая пластина стоила двадцать пять песо и являлась по сути крупной банкнотой. Мне это разъяснил бравый капитан, резонно рассудивший, что я имею полное право на все пожитки убитых мною ушлепков с той рухнувшей башни. Я забрал только часть боеприпасов и всю наличку, коей наскреблось чуть больше сотни.

– Еще раз добро пожаловать – на стойку легла деревянная резная груша с болтающимся на ней ключом – Левая лестница, третий этаж, двадцать семь. На этаже охрана. Черные Пончики рады позаботиться о вашей безопасности, дорогой гость. Ваше имя?

– Оди – бросил я, поворачиваясь к левому проходу.

Из узкой двери за стенным выступом появился тощий гоблин в таком же черном жилете поверх белой рубашки и, щелкнув запором, открыл для меня проход в стойке.

Чистота, вежливость, одинаковая униформа, вооруженная охрана, умение общаться… группировка Черные Пончики подавала себя как солидную и надежную организацию.

– Бар Мутахарт открыт постоянно – вежливо произнес тощий гоблин, своей зализанной прической и выбритой харей напоминая мне кого-то уже почти забытого.

Я промолчал, но от меня и не ждали ответа. Всего лишь донесли информацию, верно угадав мой настрой, который я особо и не скрывал.

Шагая за провожатым, что вел меня широкими светлыми лестницами на третий этаж, демонстрируя сервис, я боролся с огромным желанием закатить себе пару затрещин, чтобы выпасть наконец из этой сраной галлюцинации. Я опять начался закидываться наркотой?

Чем еще можно объяснить вот эту вот столь непривычную зубодробительную сраную сука нормальность, что окружила меня, как только я покинул утреннюю почти трущобную улицу и оказался в чистеньком вестибюле отеля. Это точно наркота. Наверное, я все еще валяюсь в том переулке за мусорными баками, а мой мозг видит стойкую химическую иллюзию. Огибая перила, я врезал по ним костяшками правого кулака. Боль чуток отрезвила и заставила меня прекратить думать о том, чтобы схватить за горло провожатого и понаблюдать за его поведением – ведь галлюцинации не умирают даже если им передавить глотку, верно? Он так и продолжит улыбаться как долбанный домашний андроид-прислужник…

– Номер-комфорт. Все необходимое для господина найдется на верхней полке шкафа слева от входа – улыбающийся провожатый чуть склонился в намеке на поклон, умело протягивая ко мне пустую ладонь.

Я не сломал ему лапу. Я вложил в нее пару монет и хрипло поинтересовался:

– Бар?

– Вниз на этаж и прямо до двойных дверей. Разрубленное неоновое сердце под потолком – с широкой улыбкой ответил гоблин, пряча монеты и пятясь – Хорошего отдыха, сэр.

«Сэр» эхом отдался в моей голове, снова вернув мысли о галлюцинации. Провернув ключ с замочной скважине – с удивительным солидным скрежетом – я ввалился в номер и первым делом открыл дверцу шкафа слева. На верхней полке обнаружилось ожидаемое – пара стаканов и пузатая бутылка с мутной жидкостью. Этикетка была откровенной: Местный самогон тройной очистки.

Плеснув себе в стакан, я прихватил бутылку и вошел в комнату, где нашлась достаточно широкая кровать, стол, стул и даже потемневшая от времени картина с полуобнаженными девками. У единственного окна, что выходило на соседнюю улочку, стояло продавленное бордовое кресло. В него я и плюхнулся, закинув ноги на низкий подоконник и сразу же сделав первый глоток, поверх стакана глядя на то, как на улочке одинокая стойкая девка пытается отмахаться от троих шатающихся гоблинов. К моменту, когда я прикончил порцию самогона, девка успешно отмахалась и теперь долбила короткой

арматурой черепа упавших, явно пытаясь проделать им мозговые форточки. Эта обыденная скучная и привычная для любого гоблина картина окончательно убедила меня, что все вокруг меня реально, а сам отель с его лощенными служащими всего лишь потускневшая как та картина на стене большая декорация. Налив себе еще порцию, я осушил ее и откинул голову на спинку кресла, не пытаясь бороться с накатившей дремотой. Отрубиться я себе не позволю, а вот восстановительная дрема вполглаза… этому самое время. Подпрыгнув, девка опустилась обеими ногами на шею самого крупного из нападавших, что еще елозил. Тот выгнулся раздавленной змей и снова распластался, на этот раз затихнув окончательно. Перед его глазами расплывалась тьма… как и перед моими…

Что там может так долго проверять в моей биографии пусть полудохлая, но все же весьма мощная система, что продолжает кое-как управлять целым миром-убежищем?

Да ничего.

Эта пауза взята на обдумывание полученной с моего нейрочипа инфы. А затем еще чуток времени ей понадобится на прогнозирование и размышления…

Я подожду…

* * *

Для того чтобы спятить Армано Мапперо выбрал очень неподходящий момент.

Шагая по заваленному трупами широкому гостиничному коридору, переступая лужи крови и вышибленных из черепов стальными кулаками мозгов, минуя замерших в боевой готовности бойцов в окровавленных экзах, я не торопился, пытаясь придумать способ привести в чувство старого добродушного колобка Армано.

Мы с ним были полными противоположностями практически во всем.

Хотя кое-что нас все же объединяло – принадлежность к Атоллу, любовь к хорошим сигарам и алкоголю, а также вера в то, что девяносто пять процентов населения умирающей планеты являются бездумными потребителями и вредителями, что срали себе же на головы, сами того не замечая.

Более того – в свое время именно Армано открыл мне глаза на многое, когда несколько лет назад я стал темной тяжелой частью корпорации Атолл Жизни.

И вот он спятил…

Шагая, я глядел на проецируемые в сетчатку сведения о недавних событиях.

Армано конченный трудоголик. Его уже ничто не спасет, и только современная медицина раз за разом вытаскивала его с того света, восстанавливая истощенные органы или заменяя их. На моей памяти его три раза вводили в искусственную кому, чтобы заставить его вечно деятельный мозг хотя бы на время прекратить перерабатывать всю входящую в него информацию. Мыслитель, мечтатель, оптимист и одновременно фаталист. Мне нравился Армано – он был честным и не строил никаких иллюзий касательно ближайшего будущего, признавая, что решать за всех должны очень и очень немногие.

Судьбу миллиардов решат единицы. Иначе никак…

Этим путем мы и шли, открывая первые глобальные убежища, что прямо сейчас жадно заглатывали миллионы и миллионы жителей больной планеты.

Как раз этот момент, когда все встало на рельсы и уверенно шло по накатанной, Армано выбрал чтобы сделать себе небольшой трехдневный отпуск. Заранее оповестив о своем решении, он прихватил всю личную охрану, а с ними еще пару десятков гостей из числа близкой родни, после чего отправился в плавучий отель, что был знаменит в прошлом и несмотря на все невзгоды сохранил свою роскошь. Отель двигался вдоль побережья к одному из южных глобальных убежищ, но через два дня почему-то вдруг остановился на мелководье над утонувшим пригородом гигантского мегаполиса и перестал выходить на связь.

Атолл реагирует быстро. Был незамедлительно послан боевой отряд, что прибыл воздушным путем, без проблем приземлился на одной из площадок и двинулся внутрь. Там и началась внезапная мясорубка – шквальный огонь, частые взрывы и все прочее из разряда «отчаянное яростное сопротивление обреченных». Я был вызван спустя полчаса после начала штурма, когда быстро разобравшиеся с охраной Армано бойцы добрались до главного конференц-зала, где и остановились, не зная, что им делать дальше. Мне передали видео и я… я был озадачен.

Миновав коридор и кучу оттащенных в сторону измочаленных пулями трупов, я оказался в рассчитанном на пару тысяч гостей конференц-зале, что находился ниже ватерлинии и впритык к левому прозрачному борту. Включенное внешнее освещение превращало воду за левым бортом в яркий и одновременно мрачный аквариум заполненный множеством домов, утонувших машин, фонарей, рекламных щитов и всего прочего, что оказалось на глубине в пару десятков метров, когда

уровень океанов начал стремительно повышаться. В темной мутноватой воде крутился мусор и редкая дохлая рыба. Ничего живого… и лишь холодный искусственный свет, что высвечивает мертвый затонувший город.

Сам Армано сидел по центру абсолютно пустого зала на обычном деревянном стуле. Перед тем как усесться, он полностью разделся, аккуратно сложив одежду стопкой. Левый кулак сжат, а в правом зажат пистолет, чьим столом он задумчиво почесывал себе лоб, за которым скрывался безумно ценный для Атолла тот самый деятельный и никогда не спящий мозг гения. Перед голым мыслителем, что плющил яйца о кожаную обивку старого стула, стояли на цыпочках подвешенные за руки к спускающимся с потолка тросам сотрудники отеля – я понял это по их пышным униформам или же деловым костюмам со старомодными бейджиками на лацканах. Всего пятнадцать здешних менеджеров высшего звена. В то время как весь остальной персонал, как я уже знал, был заперт в соседнем зале меньших размеров.

– Как ты, убийца? – улыбнулся мне Армано и ткнул пистолетом в прозрачный борт – Дохлая чайка… видишь?

– Ага – ответил я, останавливаясь в пяти шагах от того, кого вполне мог бы назвать своим другом – Какого хрена ты творишь? Что за сраная клоунада?

– Ответственность…

– Что?

– Мы взяли на себя такую ответственность… взвалили на свои плечи… погрузили на свои далеко не безгрешные души…

Его пистолет описал широкую дугу и привязанные к тросам менеджеры с мычанием зашатались от испуга как камыш на ветру. Говорить они не могли – кляпы мешали.

– Ты о чем? – спросил я, глядя на его левый кулак, где было зажато простенькое устройство. Сканер показал, что это дистанционный детонатор. Сама бомба – совсем небольшая – находилась внутри тела Армано и, судя по всему, не представляла для других никакой угрозы. Что-то вроде трех-четырех достаточно больших шариков такого размера, что едва-едва можно их проглотить. Все они сейчас покоились в его желудке. Стоит ему разжать пальцы – и он лопнет как надутый мясной шарик. В тех из пленников, что висели перед ним, тоже было по одному-два скатанных из взрывчатки шариков…

– Мы взяли на себя слишком много – тоскливо вздохнул Армано и опять почесал лоб стволом – Ты сам подумай… мы взяли на себя роль бога! Мы выстроили огромные тюрьмы… но кто будет ими управлять?

– Менеджеры – развел я руками и кивнул на привязанных

сотрудников плавучего отеля – Специалисты вроде этих.

– Специалисты? – повторил голый мыслитель и с грустью покачал лысеющий огромной головой, что никак не вязалась с чересчур тонкое несмотря на ожирение шеей – Вот я решил отдохнуть в роскошном отеле… мечтал о таком с детства! А ты?

– Не-а…

– А я вот мечтал. Столько лет я уже богат, но все никак не мог собраться. И перед самым концом, перед самым занавесом решил исполнить детскую мечту. Здесь обещали идеальность! Идеальность во всем! Сервис, развлечения, комфорт, качество еды и напитков… и знаешь что?

– Удиви меня.

– Везде есть изъян! Еда могла быть лучше, развлечения подтухли, живая музыка полудохлая, улыбки гарсонов фальшивы… и кто виноват?

– Они? – я поднял взгляд на дрожащих пленников.

– Именно! Ведь плавучий отель – мир в себе! Крохотный замкнутый мирок что управляет сам собой! Это как наши убежища в миниатюре! Они должны были превратить наш отдых в нечто феерическое… но им было лень… понимаешь? Они добились своих должностей, обеспечили себе сучьи золотые парашюты, заполучили в загнивающие портфели надежные ценные бумаги… и им стало на все посрать.

– Как всегда…

– Но почему?! Это же нечестно! Подобное отношение ведет к загниванию! И я понял… ведь точно также будет и в придуманных нами глобальных убежищах! Там тоже начнет все гнить! И там найдутся те, кто нажрется с кормушки, набьет себе карманы и кладовки, чтобы затем лениво отвалиться в сторону и забить на дела…

– Ну…

– Мне жаль тех, кем они будут управлять! Нет ничего хуже ленивого правителя! Вот смотри… – повернувшись к крайне слева пухлой тетке лет пятидесяти на вид, облаченной в черно-белую строгую униформу, Армано спросил – Почему так грязно в коридорах для персонала? Я ведь как один из главных акционеров прошелся везде в первый же день прибытия… почему такая грязь? А? А ведь ты была одной из тех, кого прочили в куратора одного из секторов Григория II… А ты оказалась ленивой сукой, да?

Замычав, рыдающая тетка задергалась, будто пытаясь начертить жирными бедрами ответ.

– Да-да – кивнул Армано, поднимая пистолет – Коридоры грязные, потому что тебе посрать на простых трудяг…

Выстрел.

Пуля ушла мимо. Пистолет подбросило, он едва не врезал по отекшему пьяному лицу сорвавшегося гения. С неумелой злобой оскалив идеальные зубы, он попытался еще раз.

Выстрел.

Вторая пуля угодила в цель, пройдя насквозь через живот, забрызгав идеально чистый пол. Еще выстрел… этот попал в основание шеи слева. Дергающая служащая побрыкалась еще полминуты, заливая все кровью, прежде чем наконец сдохнуть.

– Мы откусили слишком большой кусок, дружище – буднично продолжил Армано, поднося ствол пистолета к носу и втягивая едкий запах пороха – Откусить откусили… но пережевать вряд ли удастся. Может глотануть целиком?

– Ты о чем?

– Сколько душ приняли трюмы наших ковчегов? Скольким мы сейчас стираем память и скольких погрузим затем в хладный сон на долгие века?

– И что?

– Ты веришь, что скажем лет через сто кто-то из них проснется и увидит ровно тот мир о котором мы мечтали? Пусть это всего лишь замкнутый обособленный мирок, но он будет справедлив для каждого и каждый получит в нем здоровую пищу, чистые воздух и пищу… ты уверен, что через двести лет ни одно из запланированных нами правил бытия не будет кем-нибудь извращено до неузнаваемости, что приведет к тирании и издевательствам над простым людом? Знаешь… я ведь как и ты поднялся с самых низов. Ничтожество с чересчур громким непонятным именем. Мне вечно не хватало еды. Я постоянно был голоден. И вот сейчас, когда я баснословно богат и по сути могу жить вечно… я все жру и жру жирную пищу, пью в три горла, но никак не могу нажраться… Извини… я сбился с темы – подняв пистолет, он навел его на повара в роскошном поварском кителе, что, впрочем, нес на себе следы борьбы и крови – Почему еда в столовых для персонала была такой отвратной, господин Мозератти?

Этому повезло выплюнуть кляп и, тряся щеками, главный повар поспешно заорал:

– За еду для персонала отвечаю не я! Не я!

– И каждый бежит от ответственности – с грустью вздохнул Армано, вжимая спуск.

На этот раз он попал с первого раза, разворотив крикуну рот и наполнив зал его долгим хриплым воем. Качаясь на тросе, брыкаясь, он задевал испуганно мычащих рядом, заливая их кровью и слюной из раскуроченного рта. Армано выстрелил еще

раз и всадил пулю точно в лоб висевшей рядом с поваром перезрелой красотке в белой блузке и чересчур короткой юбке. Повар утроил силу воя. Не выдержав, я выстрел, отправив ему пулю в левый глаз.

Выждав пару секунд, словно наслаждаясь вернувшейся тишиной, созерцая проплывающую за прозрачной стеной дохлую рыбу, что скребла разваливающейся головой о борт, Арман продолжил:

– Ты уверен, что все так и будет? Что построенные нами миры, весь этот гигантский глобальный обман… пойдет во благо человечеству? Ты уверен, что вытащенные нами из залитых токсичной водой затопленных трущоб люди получат обещанное?

– Ну…

– Я не про настоящее! Я про будущее, где нас с тобой может уже и не быть! Где нас с тобой заменят другие… те, кому посрать на то или то, кто больше думает о себе, чем о других. Что будет, если нас, фанатиков и профессионалов своего грязного дела, заменят бюрократы, кто думает лишь о безмятежной пенсии и личном благополучии? Что думаешь?

– Думаю, тебе надо прекратить пить и отдохнуть.

– Так что ты думаешь?! Мы погубили всех этих людей?! Их будущее будет извращено?! Они превратились в рабов со стертой памятью?! Или все же у них есть шанс?! А?!

– Они начнут с чистого листа! – рявкнул я – Ты сам знаешь! Вперемешку! Бывшие трущобники проснутся одновременно с представителями среднего класса. И жить будут в прибрежных уютных деревнях! Память стерта! Никаких расовых или религиозных предрассудков, никакой кастовости, никаких претензий из прошлого, включающих кровавые вендетты или застарелые долбанные обиды, которым уже по тыще лет! Вот к чему мы их ведем! Они будут жить там – внутри вздутых куполов!

– Как вирус ботулизма в просроченных консервных банках? Как токсичное дерьмо?

– Мы их спасаем, Армано! Они бы сдохли в своих трущобах! Вода все прибывает! Шесть из построенных нами на возвышенностях убежищ уже стоят в воде и ее уровень увеличивается! Ураганы и цунами выкашивают целые регионы! Да они теряют память и да – на нас огромная ответственность! Но оно того стоит! И они должны быть нам благодарны – мы напрягаемся, спасая всех, хотя для того, чтобы сохранить людской род достаточно двести особей! Не больше! Ради спасения планеты мы могли бы выкосить ведь человеческий род, загодя вытащив двести-триста отобранных на орбиту или спрятав в одно из долбанных сурверских убежищ! Погрузить бы их в сон – и пусть

спят лет пятьсот, прежде чем проснутся и вернутся на девственную здоровую планету Земля! Ну еще можно заморозить столько спермы и яйцеклеток сколько хотим – и вот тебе сраное биоразнообразие или как там его! Вот это – реально легкое дело! Убивать – не сберегать! Всегда легче!

– В этом и смысл! Мы сберегаем… А спасая, берем их под свою ответственность! Миллиарды жизней в наших руках! Придет время… и нас не станет. Даже бессмертные погибают или… сходят с ума… Что будет с каждым из таких убежищ, если исчезнем мы – те, кто стоял в истоках всего этого…

– Мы дали им шанс начать все с чистого листа – медленно повторил я – Каждый волен взять свою судьбу в собственные руки и прожить остаток жизни так, как он сам того хочет. И если кто-то захочет просрать свою жизнь… это его дело! Главное – спасти планету. Мы почти затоптали ее…

– Ты как он… ты думаешь только о комке грязи…

– Мы спасаем всех. Но есть приоритеты.

– Да… мы спасаем… а у меня уже десятый день болит и болит голова… нестерпимо болит, дружище.

– Слушай… я сейчас подойду, помогу обезвредить ту хреновину, что ты зажал в своем кулаке, а затем мы выпьем еще по одной стопке и вместе двинем к доктору. Он просветит тебе мозги – каждую их клеточку и найдет причину. Ты знаешь доктора. Надежный мужик. Он лечил твою дочь от…

– Придется же ему постараться, что собрать каждую клеточку моих мозгов с пола – тихо хохотнул Армано.

Я понял, что произойдет и подался вперед:

– Стой!

– Кастовость, жестокость, моральное уродство и похеризм… останутся с нами всегда – он с широкой улыбкой кивнул мне и разжал кулак – Прощай, Од…

Приглушенный хлопок… в меня ударила тугая волна воздуха и крови. Следом взорвались шарики в желудках подвешенных, превратив их в гирлянду кровавых фейерверков. Я остался стоять в пустом зале один – стоять посреди огромного кровавого пятна, ощущая, как по моему лицу стекает то, что только что было моим другом. Мертвая рыба за бортом медленно опустилась развороченным животом с кишками на подставленную ладонь замершего за разбитым стеклом затопленного магазина манекена с облезшим лицом и остатками выбеленных солью колышущихся волос…

* * *

Проснувшись, я еще минут десять лежал в кресле, глядя на опустевший переулок, где редкий дождь и вялые осенние мухи убирали оставшиеся кровавые кляксы. Танец хищных светлячков в серой пелене дождя… точное отражение того, что происходит в моей голове – редкие огоньки воспоминаний, что кое-как пробиваются сквозь серую подушку тотального ментального блока…

Поднявшись, я наведался в ванну, где наглотался воды из треснутого стеклянного кувшина – эта его ущербность почему-то обрадовала меня. Приведя себя в порядок перед зеркалом – мне посрать, но тут придется не вгрызаться в социум, вырывая из его массы кровавые куски необходимого, а скорее аккуратно внедряться – я покинул номер. Заперев дверь, подкидывая тяжелую деревянную грушу на ладони, я спустился на этаж и свернул, следуя полученным ранее ориентирам.

Красно-черный светящийся кусок дерьма, что изображал разрубленное кровоточащее сердце, висящее над гостеприимно распахнутыми дверями, убедил, что я движусь в правильном направлении.

– Добрый день, господин – широко улыбнувшаяся девушка извиняющимся жестом сначала указала на одинокую металлическую консоль с сенсором, а затем на ряд камер хранения за ее спиной – Бар Мутахарт открыт только для обладателей положительного социального статуса. Все оружие необходимо оставить в камере хранения.

– Сканирование репрейта?

– Все верно – кивнула кареглазка, собирая в улыбке мимические морщинки в уголках глаз.

Часто же ей приходится морщить лицо в фальшивой улыбке.

Прикоснувшись к сенсору, я выбил из крохотного экранчика над ним ровное зеленое свечение и мелодичный короткий звон.

– Все в порядке. Ваше оружие… и верхнюю одежду.

Уставившись себе в грудь, я тихо выругался. Привычка к полевым условиям сыграла со мной злую шутку. Все свое всегда ношу с собой. Ну или оставляю на сиденье припаркованного неподалеку внедорожника и под охраной бойца. Рюкзака и сумок со мной не было, как и крупного огнестрела вместе со шлемом, а вот разгрузка и кираса… да еще вместе с поясной сумкой, что, как всегда, несла в себе пару пригоршней патронов, таблеток и прочего необходимого любому гоблина хлама…

Ну и посрать.

Спрятав оружие в карманы куртки, я расстегнул ее, тускло блеснув металлом груди. Девушка осталась почти невозмутимой, а вот из сумрака бара выдвинулось пару широкоплечих парней.

Не обращая на них внимания, я стащил куртку и уложил ее на стойку. Сверху уронил тяжелую поясную сумку, после чего соорудил сверток и указал пальцем на камеры хранения. Пока служащая прятала мою грязную куртку, я снял отмеченную следами пуль кирасу, отстегнул защитный воротник, снял налокотники… Закончив, выжидательно оскалился и, отмершая девушка торопливо перетаскала весь мой невеликий скарб по ячейкам, после я стал обладателям пары металлических жетонов.

Бренча горсткой монет в ладони, я вошел в бар, оценивающе оглядев двух отошедших к стене охранников. Когда я отвернулся, они уже не выглядели столь грозными, перестав напрягать мышцы, выдвигать гордо челюсти и подавать вперед яйца с висящими над ними пистолетами в кобурах. Мы поняли друг друга правильно и без слов.

Распространяя вокруг себя запах пота и болота, я с тяжелым выдохом плюхнулся на угловое кресло, расположенное таким образом, чтобы я мог держать под контролем весь зал и все выходы. Чуть отодвинув в сторону небольшой столик, глянул на торопливо порхающую по залу официантку и, поняв, что придется чуток подождать, решил оглядеться чуть пристальней.

Сразу было ясно, что этот зал не был переделкой. Это помещение изначально задумывалось как просторный бар-ресторан. Овальная форма, большие размеры, две сцены, длинная изогнутая барная стойка, три возвышения для ВИП-столиков, везде хром и позолота, а с потолка свисают шесть тяжелых золотистых люстр. Некоторые столики отделены друг от друга невысокими декоративными стенками, а вон там, похоже, выход на открытую веранду или что-то вроде…

А еще тут были экраны – что вписывались в общую атмосферу только благодаря плавающим по ним золотистым и серебряными облакам. Изредка золотое мельтешение замирало и на экранах появлялись цифры таймера. Судя по цифрам, через пять с небольшим минут либо здесь рванет бомба, либо начнут показывать что-то интересное. Опять хрен его знает где будут показывать – прямо в зале, или на экранах. Я предпочту последнее – нет ни малейшего желания наблюдать за томным трясением сисек.

– Привет, крутыш – в паре шагов остановилась давно пережившая свои лучшие годы баба, что умудрилась нарисовать себе такие большие глаза, что казалась диковинным насекомым. Хвану бы зашло…

Подавшись чуть вперед, что продемонстрировать содержимое глубокого декольте, она с придыханием продолжила:

– Красотка хочет, чтобы ты угостил ее коктейлем…

– Передай ей чтобы шла нахрен – буркнул я, медленно выстраивая из остатков монет башню на краю стола.

Темная покосившаяся башня опасно накренилась, но устояла…

Вздрогнувшая как от удара барная девка подалась назад, но была остановлена следующими моими словами:

– А вот если усталая шлюха просто хочет дернуть пару стопок ранним утром после ночи без клиента, то пусть роняет жирную дряблую жопу на стул напротив…

– Я шлюха? С дряблой жопой?

– Ага.

– А ты типа провидец, вонючка? Или без трусов меня видел? Да я бы блеванула, нависни ты надо мной в кровати…

– Не блеванула бы – хмыкнул я.

– Не блеванула бы – согласилась она и, покачавшись у столика еще пару секунду, махнула рукой и уселась напротив – А плевать! Не хочешь трахать – наливай. Как напьемся – может и трахнешь.

– Хороший жизненный девиз.

– Но ты реально воняешь. Хотя были вонючки и похуже тебя. Каких только не перевидала…

– Твой жизненный выбор – пожал я плечами.

– А может мне просто не повезло в жизни?!

– Может и так – кивнул я и, повертев одну из отшлифованных множеством жадных лап монет, поинтересовался – Что из здешнего бухла можно пить, но так чтобы башка через пару часов не лопнула?

– Утробный синтетик дорогой – предупредила девка и, устало глянув на стопку монет, вздохнула – Хотя тебе может и по карману.

– Утробный синтетик?

– Ну который привозной из зон снабжения. Да и в городе крупные группировки тем же промышляют – хороший бизнес. Всем хочется элитного бухла и мяса…

– В жопу утробное дерьмо – поморщился я – Предлагай дерьмо обычное.

– Тогда бери пару Кровавых Джонов!

– Что за хрень?

– Да почти как Кровавая Мэри. Только в Джоне соленый и острый как моя жизнь томатный рассол. Его берут из огромных стальных бочек Бункерснаба с засоленными огурцами. Их, кстати, и подадут на блюдечке как закусон. А еще туда же пару нарезанных моченых яблок добавят. Дороговато чуток, но у тебя, как погляжу, на десяток таких коктейлей хватит… или даже

больше.

Ее тусклые глаза блеснули, когда она опять зыркнула на стопку монет. Рассмеявшись, я обрушил башню, сгреб все в кучу и через стол толкнул к ней:

– На. Все твое. Теперь ты угощаешь. Кровавым Джоном и разговором.

– Ты серьезно?

– Ага.

– Обдолбанный что ли?

– Не-а.

– А может натворил чего и за тобой скоро придут? Никого не зарезал в драке ночной?

– Ночь была длинной – равнодушно ответил я, без особого желания проматывая все события этой, пожалуй, чересчур длинной ночи, что началась еще в Гнойном Каньоне – Так что?

– Я Шаглугда.

– Подавилась чем? – участливо поинтересовался я.

– Имя мое! Шаглугда! Или просто Шагги для друзей и постоянных клиентов.

– Меня в этот список не вписывай, старая шепелявая шлюха Шаглугда.

– Вот ты ублюдок! И в моей профессии зубы не главное! Я обслуживаю с качеством! Клиенты стонут!

– От жажды? Где выпивка?

На этот вопрос ответила подлетевшая к столику официантка, одарившая меня лучезарной улыбкой, а шлюху кривой усмешкой:

– Что будете заказывать?

– Два Джона – поднял я два пальца и глянул на экран, где убывающие цифры уже подбегали к нулю.

– И больше ничего! – торопливо добавила шлюха, что уже явно прикидывала, как бы ей свалить до того, как я передумаю и потребую вернуть бабло обратно.

– Уйми жопу – буркнул я Шаглугде, когда кивнувшая официантка упорхнула к барной стойке – Деньги твои. Выпей со мной, ответь на несколько скучных вопросов – и можешь отчаливать.

– Честно?

– Да.

– Вот прямо честно?

– Да. Я Оди.

– Сказал так, будто твое имя что-то значит…

– Не – я покачал головой – Нихрена оно не значит. Я гоблин простой.

– Кто?

– Так мы договорились, шлюха?

– Шагги!

– Ну?

– Спрашивай. И не торопись… я и сама не против дернуть пару коктейлей. Все равно деньги заберут в счет долга…

– Какого долга?

– Думаешь меня сюда за просто так пускают? Бизнес! У ЧП везде бизнес. Одна ночь здесь обходится мне в десятку песо.

– А сколько берешь за ночь?

– Надумал что ли?

– Не… просто выглядишь ты дешевкой жирной… такая много не попросит…

– Ублюдок!

– Так сколько?

– Как сговорюсь… но немного… слушай! Раньше я была классной девочкой! И по барам не шлялась! Клиенты ко мне на дом приходили – и только когда я разрезу! А жила я в уютной квартирке на девятом этаже! Квартирка с роскошной дверью из настоящего дерева! Понял?

– И давно это было?

– Давно… – внезапно появившееся оживление столь же быстро утекло из ее опять оплывшего дряблого лица. Она попыталась разгладить старившую ее глубокую складку над переносицей, но не преуспела и махнула рукой – А пошло оно все! Вот и красный Джон… с хрусткими огурчиками…

Подняв высокий бокал, я принюхался, удовлетворенно кивнул и сделал большой глоток. Шлюха превзошла меня, умудрившись ополовинить свой бокал. Судя по запаху, в Джоне был тот же самый местный самогон тройной очистки что и в моем гостиничном номере.

– Спрашивай – хрипло выдохнула она, изгнав из своего голоса остатки давно уже никого не могущей обмануть томности – Спрашивай… вонючий гоблин Оди.

– Экраны с таймером. Что-то интересное покажут?

– Не твою сексуальную жизнь, не бойся. У тебя ведь ее нет…

– Уже радует. Так что покажут?

– Погоди… ты на полном серьезе что ли спрашиваешь?

– Ага.

– Да весь Дублин в курсе – даже безмозглые подвальные нарки! Смерть Риториков Бездны уже вторые сутки на всех городских экранах! Постой… или ты из бойцов? В Мутатерре все это время был? Рейд? Поэтому и не в курсах?

– Я нездешний – спокойно ответил я и сделал еще один глоток – Только прибыл в город.

– Как это нездешний? – выпучилась на меня шлюха, которой алкоголь нарисовал нездоровый румянец, чуток исправив ее уродливый макияж – Ты откуда?

– Из Жопы Мира.

– А? Смеешься?

– Не…

– Это где ж такое место?

– Далеко – я неопределенно махнул рукой, медленно смакуя рассольный напиток, что оказался действительно вкусен.

– А сюда как попал?

– На тунцах трахнутых приплыл. Ты мне вопросы задаешь или я тебе?

– Ой… спрашивай.

– Давай подробней про смерть теоретиков…

– Риториков.

– Да похрен. Больше кровавой смакоты давай.

– Вот ее там выше крыши… Понимаешь… они… они наша надежда и они…

– Обосрались – кивнул я и сделал еще один глоток, сам удивляясь своему внезапно проснувшемуся аппетиту.

Именно аппетиту, а не желанию втянуть желудком или венами побольше дурмана. В жопу алкоголь – сейчас меня аж перло от невероятно вкусного острого томатного рассола.

– Ты что такое говоришь? – шлюха аж привстала, но, опомнившись, махнула рукой с унизанными дешевыми кольцами пальцами и плюхнулась в застонавшее под ее жопой кресло – А и к мутам тебя… такие как ты не поймут! А ведь они почти стали легендой…

– Так они не обосрались? – поинтересовался я, допивая бокал и тут же закидывая в пасть пару яблочных долек. Другая рука в это время уже махала официантке и если я нарушал здешние правила барного приличия, мне было глубоко похер. Я жаждал рассола – вернее мое тело жаждало его, буквально приказав мне отыскать этой крутой штуки и влить в себя побольше.

– Риторики обделались по полной – признала Шагги – Неплохо ты пьешь… Похоже, мне от твоих монет мало что останется.

– Не переживай – оскалился я, нащупав в кармане рифленую в квадратик пластину. Припечатав ее к столу, я указал подошедшей разносчице на бокал – Мне таких еще три. Но без самогона. Только рассол.

– Вау – улыбнулась девушка, забирая опустевшую тару и, как ей казалось незаметно, морща нос, что не выдерживал исходящего от меня амбре – Конечно. Рады что понравился один

из наших фирменных коктейлей. Сейчас принесу.

Толкнув ей по столу денежную пластину, я встряхнул полегчавшей головой, что посвежела так, будто я не подремал пару часов, а реально выспался от пуза. Не знаю что тут за рассол, но он явно такая же фишка Дублина как и фирменный компот Окраины Миры. Там нигде не видал я фруктовых садов, а здесь не замечаю садов помидорных, как и огуречных виноградников, но рассол… это здешняя фишка. Сюда бы еще ляжку плукса… сглотнув слюну, я понял, что очнувшийся от солено-горькой рассольной пощечины желудок уже ревет, требуя что-то более существенное.

Пока потерпит….

Потерев ладонями лицо, ссыпая на стол ошметки отмершей кожи и струпья с почти заживших ссадин, я повторил:

– Что там с Риториками, Шагги? Мне надоело повторять…

Уловив звучащие в моем голосе предупреждающие нотки, старая шлюха выпрямилась как прилежная ученица и затараторила, забыв про свое утреннее бухло.

Риторики Бездны – приподнявшиеся в последнее время новички. Конечно, если судить о них в контексте старожилов.

Когда она произнесла «в контексте старожилов», заодно трижды тряхнув рукой так, будто стучала указкой по старомодному школьному экрану или даже доске, я едва не поперхнулся очередной порцией отлично охлажденной рассольной амброзии.

Несколько удачных рейдов, а затем столько удачных распродаж и сделок сильно упрочили положение группировки Риторики. Они выкупили себе заброшенное окраинное жилое здание, что находилось прямо у защитной дублинской стены. Чуток подлатав дыры и вставив окна, они продолжили ударную серию еще парой рейдов, после чего у них сорвало крышу от этой прухи.

Риторики решили, что теперь они знают, как жить дальше. Причем это знание распространяется сразу на весь Дублин и его обитателей. Группировка проплатила из доходов целый час здешнего эфирного вещания – радио и видеотрансляции – потратив его не на рекламу своих услуг и товаров, а на достаточно умелое пропагандирования единения. Ни для кого не секрет, что молодые группировки погибают почти каждую неделю – порой в полном мать его составе. Ушли рыл сорок в Мутатерр – и с концами. Риторики начали продавливать тему объедения в единую и могучую армию мелких отрядов, а затем и крупных – вроде Ночных Гадюки, Черных Пончиков и даже вконец обнаглевших, и опустившихся одновременно Лезвий Сатаны.

Упор делался на снижение количества смертей. Вместе мол выстоим, вместе победим или хотя бы перестанем подыхать каждый чертов день.

Следом началась конкретика. И вот тут Риторики сделали то, что в конце концов их и погубило – они начали задавать реально ненужные вопросы.

Почему крупные группировки ломят такие баснословные деньги за аренду своей колесной и гусеничной техники, называя это лизингом, хотя это настоящий грабеж.

Почему крупные группировки не пытаются помочь молодым отрядам удержаться на плаву – подбросьте бесплатно хотя бы старых патронов, суки!

Почему крупные группировки, даже имея на руках надежные сведения о грядущем прорыве в ту или иную область мутантов, утаивают эту инфу до последнего, тем самым обрекая на гибель вошедшие в тот регион отряды?

Почему… почему…

Эти передачи привели к тому, что пусть не пошатнулся, но хотя бы разок хрустнул престиж даже поистине святых столпов Дублина – Ночных Гадюк. Чего уж говорить о публичном рейтинге остальных группировок. Но в целом крупные уважаемые отряды все эти радиовещания Риториков полностью игнорировали, не давая никаких комментариев.

А потом Риторики выкупили себе канал радиовещания и их передачи стали круглосуточными, перемежаясь неплохой музыкой и познавательными передачами о выживании, полевой обработке ран, приготовлении пищи… Еще регулярно сообщали о бесплатной выдаче горячей еды рядом со своей штаб-квартирой…

А потом…

Потом я не выдержал и перебил жирную шлюху:

– Ясно. Понятно. Они сделали себе имя. И задели своими речами многих. Включая тех, кого задевать не стоило. Все местные нищеброды Риторикам жопы нежно целовали, а богатые… богатые делали то, что они делают чаще всего – терпеливо ждали.

– Э-э-э… наверное да… да…

– И богатые дождались… все как в сказке про гранатовые прутики, да?

– Не слыхала – моргнула шлюха – Я по сказкам вообще не очень. А вот принцессу изображала как-то… Еще умею свечу задувать необычно… Что за сказка?

– Сказка проста – буркнул я – Пришел как-то какой-то хер в город тонущий и полностью разобщенный. Там все никак власть не могли поделить и семь районов люто враждовали между

собой. Без центрального руководства город стремительно подыхал. Враждующие стороны не могли договориться вообще ни о чем – даже о собственном спасении. Добрался тот пришлый хер до центральной площади и начал орать, что поодиночке им не выжить. Еще этот дебил притащил охапку веток и начал фокусы показывать. Сломал ветку одну и кричит: «Видите, как легко сломалась? Потому что мол одиночкой он был!». Потом собрал в кулак семь гранатовых прутиков и протягивает одному из тамошних лидеров – попробуй мол сломай. Тот взял, согнул их, спрыснул бензином, а затем говорит остальным воротилам и получается врагам своим лютым – подержите-ка крикуна, недруги мои, пока я ему эти прутья в пасть и жопу трамбую. Те хорошее начинание душевно поддержали, а крикуна физически подержали.

– Ох… запихнули?

– Ага. Запихнули крикуну ломанные прутья поглубже и бензина залили щедро с обеих сторон. А затем подожгли и отпустили. Обнявшиеся враги с веселым смехом глядели вслед бегущему хренососу минуты две, пока он с шипением не упал в кислотное болото. А затем разошлись и опять начали враждовать. Еще через год город погиб под ударом сошедшего селя. Вот и сказке конец.

– Ты это сказкой называешь?

– Это самое – кивнул я – И мораль проста, да?

– Не стоит переть одиночкой против городских старых зубров?

– Нет – буркнул я – Мораль в том, что нехер продолжать толкать тупую речь и ломать прутики, если видишь для чего-то принесенную канистру с бензином. Беги, дебил!

– Хо-о-о-о…

– Хватит о риторике Риториков. Что с ними сейчас?

– А? А! Поняла… сейчас… сейчас все плохо, Оди…

Случился тот рейд и их зажали…

Тут я перестал слушать через слово и подался вперед. Меня хватило на пару минут, после чего я разочаровано откинулся обратно на спинку кресла.

Риторики полезли в очередной рейд, но все пошло не так и их зажали в Кирпичном Коротыше. Он на самой периферии, далеко от центральных путей, что ведут вглубь Мутатерра. Так что все проходят мимо, даже не пытаясь помочь осажденному ордой мутантов геройскому отряду. У них есть связь. Они на связи постоянно – тут шлюха всхлипнула, растерла по щеке черную тушь – они держатся из последних сил, отбивая атаки мутантов. Остатки группы Риториков – технари, чернорабочие и

остальные – чуть ли не бьются головами о здания других группировок, пытаясь умолить их прийти на помощь. Мелким отрядам там не справиться, а вот крупняку вроде тех же Лезвий – раз плюнуть даже при текущем их херовом состоянии. Что уж говорить про Пончиков…

Вот только дублинские старики обид прощать не собираются. Они просто продолжают игнорировать…

Скоро у Риториков закончится вода…

– И на экранах щас покажут что? Мольбы?

– Ну да… – вздохнула Шагги – И кадры съемки. Риторики оплатили сенсадроны и те нет-нет пролетают мимо… я видела, как влезшие по левому яйцу твари разорвали Фионарру на куски! Боевой девкой была… не то что давалка вроде меня.

– По чему влезли мутанты? – уточнил я, поднимая последний бокал с рассолом – По левому…

– Яйцу! Чего непонятного? Мы же о Каменном Хере говорим! Он же КамКор – каменный коротыш!

– Попробуй еще раз…

– Ты точно неместный – убедилась наконец она и пальцем нарисовала на столе пару вплотную расположенных друг к другу овалов и над нами что-то вроде домика с острой крышей. Отдаленно на самом деле напоминало невеликий хер при огромных яйцах.

Я медленно кивнул, пытаясь понять, шутит ли она. Поняв мои сомнения, Шагги продолжила пояснять:

– Это старое-старое здание! Там два огромных бетонных бака высотой под четыре этажа! Над ними двухэтажная башенка или что-то вроде! Вот ведь! Старая шлюха Шагги не особо в курсах, понял? Но слышала, что это остатки древних очистных сооружений и в тех яйцах раньше говно бурлило! А теперь там пусто! Но в левом яйце погибают Риторики! Был бы хер мясным – я бы отсосала ребят и спасла, понял?! А так я могу только смотреть и ждать… а ты… не знаю откуда ты… с Дальних Ферм явился, бродяга? Или с Токсодамбы? Но мог бы и сочувствие проявить к бойцам – они там погибают, пока вы жаберных овец растите!

– Дохнущие в левом яйце каменного хера Риторики Бездны – повторил я и рывком поднялся – Норм че… норм…

– Че нормального?

– Их здание тяжело отыскать?

– Да каждый бродяга подскажет – они всех подкармливали и в ночное время защищали! Из коллекторов ночью всякое вылазит… Погоди… так ты сваливаешь что ли?

– Ага.

– Уже?

– Ты тупая или глухая?

– Деньги же прямо щас у меня заберут. Даже набухаться не успею.

– Заберут – кивнул я, делая шаг от столика.

– И морду мне набьют, когда я их суками назову кончеными. Завтра работать не смогу… Посидим еще! Я расскажу как погиб отряд Мутарубов! С их главным у меня кое-что было сладко-влажное… ну ты понимаешь…

– Мутарубы – поморщился я – Плуксорубы… сука миры разные, а фантазии как не было…

– Да постой! Дай хоть еще коктейль закажу!

– Когда будут забирать деньги – скажи им, что это подарок гоблина Оди.

– И че будет?

– Пока ничего – усмехнулся я, двигаясь к выходу – Пока ничего…

Глава седьмая

Дождь начался едва я покинул гостиницу.

Дождь слабый, нудный, что больше похож на вялый и долгий слюнявый выдох пытающегося что-то просипеть напоследок агонизирующего. Мутная вода будто сама собой образовывалась на моей куртке, срывая вниз тяжелым сероватыми каплями. Я шагал прямо по лужам, двигаясь по кое-как подлатанному тротуару вдоль глухой стены с заложенными кирпичом окнами. Я почти добрался до окраины, хотя в прошлом это явно было центром города. Теперь же здесь проходила почти незримая линия, делившая зажатые между двумя скалистыми хребтами руины на две части – безопасную и нет. Там уже начинался Мутатерр – об этом, захлебываясь, мне поведал сиплый кашляющий дедок, что мок у входа в бар. Благодарственный выдох старика идеально подходил к мелкому нудному дождю.

Трое шли за мной от того бара. Они достаточно умело вели меня от дома к дому, от улочки к улочке, то и дело меняясь, чтобы не примелькаться. Когда один из них, пройдя вплотную от меня ушел вперед, я понял, что их обрадовал мой маршрут – скорей всего заранее узнали о моих расспросах от кашляющего дедка и сейчас просто проверяли. А как только убедились, что все совпало – приступили к финальной части грядущего представления. Выбранная мной улица была слишком оживленной и не подходила для их тухлой задумки – а их задумка легко прослеживалась по тому, как они поглядывали на подбрасываемый мной на ладони последний песо. Старик просил его у меня. Но я многое прочел в его тусклых глазах… пусть радуется, что я не выдавил остатки жизни из трясущейся шеи. Многие считают, что дряхлый возраст служит оправданием грешков прошлого. Я точно не был из числа этих тупых всепрощающих упырков.

– Как ты? – вынырнувший из переулка доходяга не имел ног, зато обладал здоровенной инвалидной коляской со странной хренью закрепленной перед ним на перекладине между выдвинутыми вперед как оглобли подлокотниками. Что-то вроде стилизованного под толстенную черную книгу ящика.

Я рассмеялся в его грязное бородатое лицо. Он перегородил мне дорогу. И ему даже удалось замедлить шаг на пару секунд, но не думает же этот тупой хреносос, что ему удастся заманить меня в черный переуло…

Тихий хлопок…

Присев, опустив правую руку на пояс, а левую тяня к ботинку,

я начал заваливаться набок, но вылетевшая из переулка сетка уже спеленала меня. Резкий рывок… и я наконец рухнул, после чего старый асфальт помчался перед глазами, когда под механический звук меня затащили внутрь переулка.

– Он еще смеется – глянув мне в след, безногий харкнул на стену с каким-то граффити – Поскалил зубы? Готовься – лично выбью их! Сосать будешь!

Пинок… еще один… левое бедро прострелило болью. Хриплый приглушенный голос зло зашипел:

– Не коли! Дебил! Не порти одежу! Пакос! Вырубай его!

– Жаль в этой штуке шокер отказал – надо мной нависла широкоплечая фигура. На ее черном фоне голубоватой вспышкой дал о себе знать электрошокер.

– Быстрее!

– Да куда… куртка его…

– Под капюшон – посоветовал я и в переулке на миг повисло изумленное молчание.

С хрустом прорезав спеленавшую меня сеть, я частично освободил левую руку и тут же вбил нож в сапог нависшего надо мной громилы.

– А-А-А-А!

Когда он с криком отпрыгнул, а затем рухнул на задницу, я перекатился и… встретил лицом пинок ушлепка поменьше. В глазах полыхнуло, тихий хруст дал понять, что предсказание безногого частично сбылось. Распоров сеть еще чуток – крепкая! – я отмахнулся ножом и прочертил пинальщику кровавую борозду под коленом опорной ноги. Он с воем упал, а я дернулся влево и сумел уйти от со стрекотом ударившей по асфальту иглы игстрела. Извернувшись, рывком выпрямил ноги, вбивая подошвы в коляску калеки. Его закрутило и следующие три иглы ушли в стены переулка. Громила уже вставал, в его кулаке безостановочно полыхал шокер, а выражение лица говорило о том, что ждет меня через… а нет… выражение его лица скорее молит о пощаде, да? Будто услышав мои мысли, здоровяк выронил электрошокер и медленно улыбнулся:

– А ты быстрый хрен…

– Ну да – улыбнулся я в ответ, вжимая спуск.

Первая пуля пробила ему живот. Вторая в пах. Последовавший крик был уже далеко не столь громким как в первый раз. Повернувшись, я выстрелил еще раз и кравшаяся ко мне с тесаком полуголая сука отлетела к стене. Четвертая пуля застряла в пояснице ползущего прочь пинальщика – заодно я заметил металлические носки на его ботинках. Оглядев переулок, я убрал оружие в поясную кобуру, подобрал тесак и валяющийся

рядом с ним полицейский сетевой метатель, после чего неспешно зашагал к возящемуся с игстрелом калеке.

– Заело? – участливо поинтересовался я и безногий тоненько закричал, машинально отбивая рукой странный ритм по крышке закрепленного перед ним ящика:

– Пожертвуй на благо! Дублин стоит! Пожертвуй на зло! Мутанты в пыль! Пожертвуй на благо! На благо! На благо! Мы люди Формозы! Мы избраны жить! Пожертвуй на благо! Пусть Дублин стоит!

Подцепив дрожащей рукой крышку ящика, он часто затыкал пальцем внутрь. Подойдя, бросив мельком взгляд, я увидел в ящике горстку монет и пакетик с таблетками. Подставив ладонь, дождался, когда монеты, таблетки, а следом и игстрел окажутся у меня.

– Пожертвуй во благо! – пищал калека – Пусть Дублин стоит! Мы крошим мутантом! Мы родину бдим! Пожертвуй на благо!

– Ладно – кивнул я, поднимая тесак – Пожертвую. Если замолчишь – значит тебе достаточно.

Удар…

В ящик шлепнулся солидный кровавый шмат – ухо и часть щеки.

– Ы-Ы-А-А-А-А!

– Мало? – удивился я такому недовольству, опять поднимая оружия – Ладно…

Шмат с другой стороны лица шлепнулся поверх первой милостыни.

– Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-А!

– Жадность губит – буркнул я, поднимая тесак в третий раз.

В этот раз в ящик упало его лицо. Подняв оголенные мясные челюсти к дождливому небу, калека протяжно завыл.

– Бери пока дают, да? – понимающе кивнул я.

Ударить еще раз не успел – изуродованный дернулся и обмяк в своем кресле. По окровавленной голове застучал усилившийся дождь, смывая кровь и убавляя яркость красок. Холодный душ заставил меня очнуться от странного забытья – пару минут я просто стоял и смотрел как серая вода убивает яркость кровавой краски, размывая и смешивая ее с вечной пасмурностью бытия.

Набросив капюшон на голову, я сплюнул кровь и выбитый зуб. Воткнув тесак тихо захрипевшему калеке в живот – опять просит добавки – я покинул переулок, закидывая на ходу в рот одну выуженную из пакетика таблетку.

Дерьмо…

Меняй или не меняй декорации… представление на сцене жизни всегда остается одним и тем же, да?

Я опять двинулся по тротуару, ощущая, как медленно рассасывается под языком крохотная таблетка и не обращая внимания на испуганные восклицания пары прохожих, увидевших как из переулка выкатывается поскрипывающая коляска с обмякшим телом.

* * *

Здание Риториков оказалось обычной серой многэтажкой, которую за ее век не раз пытались уничтожить, а затем столь же неумело пытались восстановить и даже расширить. Обычное здание умирающего города, что привычно мокло под косыми струями взбодрившегося дождя. Единственное, чем привлекало и даже чуток удивляло здание, так это выходящей из него бетонной стеной, что напомнила мне о Зомбилэнде, а заодно и о небольших с трудом выживающих и почти постаапокалиптичных закатных поселениях куда более ранней эпохи.

Сплюнув остатки кислящей хрени, что оказалась не наркотой, а непонятной хренью вопреки всем ожиданиям, я швырнул не оправдавший надежды пакетик в забитую плавающим мусором сточную канаву и опять поднял голову на здание.

Если смотреть с моей позиции, то можно увидеть примерно десяток крупных многоэтажных построек, причем каждая из них отращивает собственные участки стены, которые тянутся к соседним, но еще нигде не сомкнулись. На некоторых из участков мокнут под дождем унылые гоблины, хотя некоторые явно плюнули на выполнение рабочей нормы и с уютом устроились под дрожащими косыми тентами. От тентом тянулись жидкие серые дымки, что пугливо жались к камням. Прочистив забитый кровью нос, я содрал капюшон и подставил ненадолго лицо пульсирующим дождевым струям. Избавившись от стягивающей кожу кровавой корки, я отодрал от губы отошедший клок кожи, сплюнул кровью в сточный желоб и устремился к ближайшему ко мне участку стены, что подобно сломанному крылу рос из здания Риториков Бездны. Мой путь лежал к ведущим на стену строительным лесам и стоящей рядом небольшой будке.

Чем ближе становилось здание, тем яснее я понимал – это крепость. Все шаблонно. Окна первых этажей заложены кирпичами. На нижних двух этажах заложены полностью, третий и четвертый – там уже оставлены узкие бойницы. Окна пятого этажа заложены наполовину и там поблескивают робко стекла, намекая на свое хотя бы частично гражданское, а не военное предназначение. Строящаяся стена – хотя нихрена она не

строилась – поднималась на высоту трех этажей у самого здания и шла на пологое понижение. Материал стены очевиден – гоблины разбирали заброшенные постройки и тащили строительный материал сюда. Вряд ли это делалось силами самих владельцев здания – скорей всего они покупали материал, если я правильно понял суть той возни, что происходило рядом с тремя шатрами, откуда доносился раздраженный глухой гомон и запах дерьмовой еды.

Не обращая внимания на льющий на непокрытую голову дождь, что смывал остатки грязи и грязными ручейками проникал к воняющему телу – кажется, я только сейчас по-настоящему осознал насколько сильно я воняю и меня едва не передернуло в брезгливой судороге. Что со мной? И ведь я на полном серьезе хотел забыться наркотой, что оказалась бесполезной кислятиной.

– Эй… – из будки шагнул настороженный парень с дробовиком в руках. Его взгляд был направлен на мою руку.

Глянув на нее, я обнаружил, что на еще остались следы крови и широко улыбнулся, показывая разбитые губы и дыру в зубах. Поняв, что кровь моя – вернее решив, что понял – он успокоился и отвел ствол от моей груди. Одновременно с этим его тон стал покровительственным и снисходительным:

– Туда? – он мотнул головой на стену – На заработок?

– Туда – кивнул я, глядя на мокрые тенты и дымы – Проблема?

– Не успеешь ты уже норму выполнить. Да и не с чего – мы прекратили пока покупать кирпичи и блоки – в его голосе послышалась задиристость и какая-то обреченность – Сейчас купим последнюю партию и на этом все. Слышишь, торгуются до хрипа?

– Слышу – я повторил свой кивок и перевел глаза на само здание – Как тебя зовут?

– Тебе то что? Ну Жордес. Погоняло Агнец. Слышал, наверное?

– Не… не слышал. Кто сейчас у вас за главного, Жордес? Ведь вся верхушка там – заперта в Мутатерре?

– Ты кто нахрен такой?! А?! – ствол дробовика опять направился на меня.

– Не в живот – досадливо поморщился я – Не в центр торса цельсь.

– Че?

– Ты не видишь моего живота – терпеливо пояснил я и с гулом ударил себя в грудь – Куртка скрывает. А на мне кираса. Цельсь в яйца, Жордес. Ну и или в подбородок, хотя…

– Хотя?

– Хотя уже поздно – буркнул я, делая шаг вперед и выдирая у него ствол.

– Ах ты! С-сука! Ох…

Охнул от того, что я впечатал ему дробовик в грудь, возвращая чужое.

– Оружие надо чистить – доверительно поведал я – И не держать под дождем. Понял?

– А… ага – в его глаза начала возвращаться жизнь, что утекла куда-то в затылок, когда я за пару секунд до этого на миг навел на него ствол его же дробовика – С… спасибо…

– Я Оди. Оставь кого-нибудь вместо себя на посту, если это пост и на него не похер.

– Да похер… я просто бездомных доходяг отваживаю – работать не могут, а работягам мешают, клянчат и воруют…

– Найди главного. И сообщи ему – на стену пришел Оди.

– Слушай… ты обдолбанный что ли? Демонстрацию твою я оценил… в штанах че-то липко стало… или мне чудится?

– Не чудится – качнул я головой и двинулся мимо него к лесам – Иди и сообщи.

– А он знает твое имя? Пиквик знает?

– Нет. Но ты скажи ему, что я тот, кто может захотеть прогуляться до Мутатерра и вытащить оттуда ваших. Но только если меня устроят условия.

– Какие?

– Хороший вопрос – остановившись у лестницы, я начал стаскивать с себя куртку – Скажи своему Пиквику, что мне надо получить три важных контейнера от системы. Я ввожу коды – и получаю контейнеры. После чего иду освобождать ваших. Это и есть сделка.

– Ты точно обдолбанный.

– Не… – бросив куртку на тросовые перилла, я расстегнул крепления кирасы и стащил ее, оставшись в футболке – Не получилось обдолбаться. Задумайся, гоблин. Задумайся… ты ведь уже понял, что я не просто наркот или доходяга.

– Пушку ты у меня знатно вырвал…

– Ага… а кроме показа дешевых фокусов я четко выразил свой интерес – контейнеры.

– Да… три…

– Ты слышал о таком?

– Лотерея? Ты придумал три кода и хочешь попытаться счастья? Да щас! Будто тебе позволят! Хотя у нас есть квота как я слышал…

– Я подожду вон там на стене полчаса – буднично произнес я, сворачивая футболку, моча ее в собравшейся на одной из ржавых

ступенек воде и начиная сдирать с себя грязь – Ровно столько времени есть у твоего Пиквика, чтобы поднять жопу и добраться до меня. Успеет – и получит шанс вытащить из дерьма своих солдат. Но только на моих условиях.

– Да не поверит он мне!

– Пусть спросит у системы про гоблина Оди – посоветовал я, расстегивая штаны – Задрал! Бегом, Жордес! Бегом, гоблин! Галопом до сраного Пиквика – и галопом его сюда! Перед этим, если у него есть доступ и возможность спрашивать, пусть уточнит у системы про гоблина Оди – уверен, что ответ его удивит! Если она вообще дает ответы…

– Владыка может многое…

– Бегом!

– Дерьмо! И почему я слушаю тебя?! – зло выдохнув, парень развернулся и рванул к зданию, нацелившись на одинокую стальную дверь у самой стены. А я, оставшись голым, продолжил очистку, старательно сдирая с себя вонючую грязь.

– Мыльца кинуть? – скрипуче поинтересовалась сверху сидящая под платформой старуха с большим глиняным кувшином у правой ноги.

– Всегда с собой мыло таскаешь, старая?

– Мы жители стен. Само собой всегда, кирпич ты тупой! Мешок не видишь?

Глянув на мешок за ее спиной, я кивнул и поднял руку. Старуха подалась вперед и с удивительной меткостью влепила мне в ладонь крохотный серый камешек, что оказался мылом.

– Хер мыль щедрее! Там у вас главная пакость!

– Ага…

– Слышала ты наверх собрался?

– Ага.

– Давай под навес нашей бригады. Чаем угостим.

– Зачем тебе это, дряхлая?

– А из интереса. Больно чудные вещи ты говорил тому тупоумному с ружьем…

– Пожрать есть что?

– И выпить.

– Никакого бухла – тряхнул я головой – Никакой наркоты.

– Про какие коды ты говорил?

– Для них – я глянул на здание Риториков – Для них это выигрышные коды…

– Выигрышные в чем? В жопе мало поскреб. Скреби пуще, грязнуля! Чтоб пена из булок валила!

– Ага. Риториков почти просрали своих солдат.

– Почти? Еще день и все там сдохнут. Жаль! Мы лишимся

хорошей работы – Риторики платят щедрее всех.

– У них нет своих солдат и никто не хочет им помочь. Я правильно понял?

– Да.

– Но они ведь до этого побеждали? Возвращались с успехом из рейдов?

– Еще как! На высшем счету были и есть! Герои!

– Значит получали и награды от системы?

– Владыка даровал им многое! Я сама видела контейнеры наградные! Хотя не знаю, чем их оделила сука-фортуна. Ведь ты просто вводишь цифры и буквы, сам не зная, чего получишь… Как ты по клавишам не стучи… солдат тебе эти коды не прибавят. Последний раз Гадюки получили контейнер полный капельных кофеварок. У нас даже есть теперь одна из той партии!

– Вот – улыбнулся я и развел руками, вставая под льющий с лесов поток, чтобы смыть мыло – Им нужны солдаты, а не кофемашины. И у меня есть нужные коды… Говоришь у вас найдется кофеварка, старая?

– Намек понят. Кофе тоже найдется.

– Щедро…

– Отдашь вон тот нож за кружку кофе? Если добавишь чего еще – постираю твое барахло. А на время дам дедовские штаны. В жопу щедрость, гоблин Оди. Бартер правит миром.

– Гражданский малый игстрел с дерьмовыми качествами сгодится?

– Крыс убивать – самое то. Договорились?

– Договорились – кивнул я, как был голым ступая на первую ступень и начиная подниматься – Я пью черный.

– А молока тебе никто и не предлагал, грязнуля! Жаберное молоко дорогущее и не по наши рты! Но я кину тебе кусок сахара из запасов.

– Ладно… Расскажешь про лотерею, старая?

– Я Бэлха. Из семьи Болрог. Расскажу. Но мешок наверх тащишь ты, голожопый.

– Договорились…

* * *

Хитрая старуха обманула – их тент оказался совсем в другом месте. Причем на самом верху стены, при этом весь путь я пер на себе ее тяжеленный мешок.

В защищенный от дождя уголок меня приняли без лишних слов – группе мрачных крепких мужиков хватило одного слова

приведшей меня Бэлхи и они расслабились, прекратив цепляться за арматуры, тесаки, молотки и кирки. Мне жестом указали на вытертый от долго использования коврик, сшитый из десятка мелких серых шкур. Но я предпочел усесться на кресло без ножек, что было поставлено на кирпичи с другой стороны тента.

Мой выбор был понятен для всех – отсюда открывался отменный вид на Мутатерр.

Здания… здания… руины… руины… остатки заваленных обломками, но вполне четко прослеживаемых улиц. Природа сказала свое веское слово, завоевав все это пространство. Я поморщился – самый дерьмовый расклад. Полным-полно высокого и сука частично ползучего кустарника, в том смысле что он вечно отпускает все новые побеги, что некоторое время стелются в стороны, а затем укореняются и идут в рост. В подобной местности невероятно хреновая видимость, а из-за идущих над землей побегов, что превращаются в крепкие корни, хрен побегаешь или даже просто побегаешь, не говоря уже о боевом маневрировании. И это зеленое поле, перемежаемое серыми холмами и горами из разрушенных домов, тянулось в бесконечность. Десятки квадратных километров руин, запертых между уходящими к горизонту высокими горными хребтами. Каменные разрушенные джунгли, зажатые меж ступицами мирового колеса Формоза. Тут хватало и деревьев, но все они были мелкими – причем явно не по юности своей. Просто карликовые? Возможно. Я уже ничему не удивляюсь.

Примерно в километре от здания и стены, на которой я умостил свою жопу, расположились два высоких здания соединенных едва различимым мостиком. Они образовывали что-то вроде арки над невероятно широкой и почти чистой от обломков улицей. Парадный вход, что вел от города… или наоборот был нацелен точно на Дублин-5. Приглашения для мутантов, о которых я уже столько слышал? Тут весь долбанный Дублин шуршит и шелестит пугливо, говоря о мутантах… Хотя я не все помню из последних двенадцати часов.

– Рассол – произнес я.

– Что? – дернулся поднесший мне кружку молодой совсем паренек, едва не расплескав кофе – Это не рассол… это…

– Знаю – ответил я, забирая кофе и отворачиваясь.

– Ты забыл сказать спасибо – кашлянул паренек.

– Отвали от него, Думбо! – рявкнул знакомый голос старухи – Он не по нашим принципам живет! Научись уже людей различать! Глянь на него хорошенько и запомни – это холодная мразь, что убьет тебя и забудет! Или сожрет! И тоже забудет! И виной терзаться не будет!

– Не будет – подтвердил я, глядя на две постройки-арку, где явно располагалось что-то вроде постоянного сторожевого упреждающего поста – Потому что я не человек. Я гоблин.

– О чем он?

Не обращая внимания на поднявшийся тихий бубнеж под тентом, я пояснил, не забыв сделать пару глотков реально крепкого кофе:

– Человек… я слышал о таких… человек это почти беззубый хищник с чувством вины перед своей жертвой. Жрет ее вкусное мясо и в голос рыдает – ах как жалко сучью курочку! Но все равно жрет и продолжает громко фальшиво стенать… А гоблин… Гоблину посрать. Он жрет мясо еще сырым, живым и визжащим – потому что боится, что добычу может отобрать более сильный!

– И поэтому ты гоблин? – спросила Бэлха.

– Одна из причин – кивнул я, по-прежнему изучая Мутатерр.

– Не такому мы учим семью Болрог… хотя крыс мы убиваем без жалости, ведь эти твари могут за секунды обглодать спящему лицо…

– Ну да…

– Ты странный… но интересный… откуда ты, гоблин Оди? Токсоферма? Вряд ли… видала я люд оттуда и ты точно не такой. И куртка твоя… неплохая куртка…

– Забирай – равнодушно ответил я.

– Не жалко?

– Мне не подойдет – стесняет движения.

– Где такие шьют-то? Одежка крепкая, непромокаемая. Похоже, что ей сноса не будет…

– Гнойный Каньон – отозвался я и за моей спиной раздалось дружное аханье семьи Болрог.

– Да ну!

– Оттуда не приходят!

– Прокаженный!

– Уймись! – за звуком шлепка послышался вскрик боли – Дурень! Сказкам веришь! Нет там прокаженных в том Каньоне клятом! Люди там живут! Выживают… – голос старухи понизился – Умирают в муках… Скажи, Оди, правда ли что там вода разъедает кожу как кислота?

– Да.

– И дожди адские?

– Наверное.

– Твари страшные…

– Огромные слизни… хищный черный лишайник – я пожал плечами, ленясь вспоминать – Все как везде в общем.

– Тут слухи пошли, что окраинные с утра видели

поднимающийся над Каньоном слабый дым.

– У них там что-то горело – кивнул я.

– Уронили масляную лампу?

– Я заложил несколько бомб – отозвался я и вернул пустую кружку – Еще.

– А не многовато тебе будет? – голос опять подал паренек, что косился на слушавшую меня раскрыв рот девушку, прячущуюся под одеялом.

Шлепок… звон… парень замычал, схватился за голову. Стоящая над ним старуха наклонилась, чтобы жертва расслышала каждое ее слово и заговорила:

– Еще раз ты, сученыш мелкий, посмеешь тут пыжиться и крутого из себя строить…

– Да понял я! Понял, матушка Бэлха!

– То я тебе ночью вырежу все то юное, что гнездится у тебя в паху и мешает проявить чувство такта, гостеприимства и просто жизненную осторожность… мой нож быстр и остер…

– Матушка Бэлха!

– Настрогай гостю лучшего крысиного мяса! Не забудь отрезать хлеба и вскрой банку соленого жира! У нас гости! Тулма! Чего рот разинула, сиська ты мелкая, жопа ты тощая?! Живо помогай на стол накрывать!

– Ой…

Разогнав молодежь – всего под навесом было около пятнадцати гоблинов, плюс расположенный чуть ниже тент был побольше и явно принадлежал к тому же семейству – успокоившаяся хозяйка семьи, накинув на плечи белую меховую накидку, продолжила хлопотать, не забывая про вопросы. Я спокойно отвечал, не забывая на каждый ее вопрос задавать собственный.

И пока я рассказывал про Зону 40 и Каньон, ничего не скрывая и не приукрашивая, сам я спрашивал про здешний уклад, удивляясь тому, что так мало задавал вопросы в первые часы с момента своего попадания в Дублин-5. О чем я сука думал, когда бездарно терял время на дрему и неспешное выпивание с сонной старой шлюхой?

Рассол…

Кровавый мать его рассол, что буквально растворился у меня в крови…

Рассол.

Спустя полчаса я уже знал все то, что, как мне сейчас казалось, и без того было в моей голове, попав туда во время неспешного блуждания по улицам Дублина. Гоблины говорят… гоблины шепчут… гоблины бормочут…

Мое предположение о том, что здешняя система похожа на систему Франциска II оправдались. Камальдула любила делать порадовавшим ее гоблинам мелкие и крупные подарки в виде контейнеров с разными вкусностями вроде боеприпаса, запчастей к игстрелам, лекарствами, усилителями… Здешняя система, пусть даже она частично усыплена, должна уметь дарить медовые подарки здешним аборигенам.

И она дарила.

Только тут все было на свой странный лад.

Если ты – неважно одиночка или организация – сумел реально порадовать чем-то Владыку, то получал от системы не контейнер, как это делала Камальдула, что сама выбирала содержимое подарочной коробки, а просто одну так называемую «наградную квоту», что также называлась лотереей.

Все просто.

Имея квоту, ты подходишь к любому терминалу и вводишь код. Это же ты можешь сделать если у тебя есть рабочий нейрочип и доступ к системному интерфейсу. Надо ввести довольно длинную строчку из букв и цифр. Какие цифры и буквы вводить? А какие хочешь. Ввел – и получил непредсказуемый результат.

Контейнер крохотный, маленький, средний, большой или огромный с самым невероятным порой содержимым.

Помимо контейнера с кофеварками Бэлха помнила принесенные дронами крохотные контейнеры с игрушками взрослыми и детскими, лекарствами и пустыми стеклянными банками снабженными комплектом жестяных крышек и странной штукой с круглым диском и надписью на деревянной ручке «Закатайка». Она помнила контейнеры набитые пыльными костями с бирками – причем кости принадлежали каким-то огромным зубастым чудищам. Она помнила радость одного из старых горожан-бойцов, что получил гигантский контейнер забитый ящиками с оружием – его радость кончилась, когда выяснилось что это пластиковая бутафория.

Каждый раз лотерея что-то приносила. Но что именно – не знал никто. Ведь код ты придумывал сам.

Хотя закономерность была – чаще всего это были небольшие совсем контейнеры с личными вещами, включающими одежду, кое-какую мебель, старые бумажные фотографии с людьми в архаичных костюмах, хрустальные люстры и прочее, что очень сильно напоминало собранную обстановку с чьего-то дома. В любом случае реальных никчемных пустышек было немного и лотерею дублинцы обожали – ведь это всегда азарт и безумной силы надежда на невероятный выигрыш. Ведь повезло же

однажды Гадюкам выиграть себе контейнер с тремя боевыми экзами! А в следующий раз они умудрились вытянуть контейнер с автоматическим оружием.

Услышав про этот двойной невероятный шанс, я не сдержал кривой усмешки. Ну да… надо же какое невероятное везение на фоне остальных, кто выигрывает ночные горшки и фотографии пра-пра-прабабушек в невероятной одежке… И ведь это только крупняк, что запомнился. Наверняка были «удачи» и поменьше.

Про содержимое контейнера всегда узнавал весь город – использовать свой шанс ты мог у любого терминала, но места доставки изменить было нельзя. Три места на выбор – площадь Победы, сквер Героев или проспект Надежды. А там даже ночью полно народу. Плюс контейнеры раскрываются странным образом – подобно цветочным бутонам просто распадаются. Бам… и все содержимое на виду. Хотя иногда оно конечно прикрыто тентом, но это случается прямо редко. Украсть ничего не получится – там полусферы и Владыка проследит, чтобы наградного добра не касались чужие руки.

Результат твоей удачи принадлежит только тебе.

Удачи… ага…

– Вон там! Это он! – взлетевший по лестнице парень охранник тыкал в меня пальцем – Он меня послал!

– Уймись – тихо бросил поднявшийся следом мужчина в старомодном деловом сером костюме без галстука.

– Он…

– Заткнись…

– Ага… но он дробовики выхватывает влет! О… понял… ухожу…

Сделав глоток остывающего кофе, я с интересом продолжил наблюдать. Подойдя к тенту, незнакомец вежливо склонил голову перед вставшей навстречу ему старухе:

– Доброй работы и мира вашему почтенному семейству, добрая Бэлха из рода Болрог. Ваша работа на нашем участке – честь для Риториков Бездны.

– Охренеть – проворчал я, отворачиваясь.

Одновременно я уже в десятый раз за последние полчаса проверил системное меню.

Недоступно для гражданина Оди. (Ведется проверка).

С-сука!..

Эта системная недоступность неспроста. Система та еще жадная до глубоких ласк сука и не в ее интересах тянуть с предварительными ухаживаниями так долго! В этом мире стены вот-вот рухнут, следом обвалив на головы гоблинов фальшивое небо с нарисованными звездами! Не может такого быть, чтобы

она не нашла для меня срочного применения! Но она все держит меня на пороге спальни…

Стоп…

Я невольно замер в своем насесте, глядя на поросшие зеленкой городские руины…

Да ну нахер, гоблин… ты обиделся что ли? Огорчился системной холодностью? Так привык к горячим обнимашкам с вечно ждущей тебя и все всегда прощающей Камальдулой, что такая вот холодность глубоко задела за живое?

Охренеть…

Не потому ли я рванул в бар спешно бухнуть и не потому ли решил закинуться наркотой, когда понял, что в мою честь не звучат системные фанфары и никто не торопится со слезами на машинных очах поплакаться о той или иной куче токсичного дерьма, что срочно требует моей помощи в его разгребании?…

Да нет…

Нет…

Ну нет… лучше уж сразу вышибить себе мозги о стену, нащупать в мозговой каше бусину нейрочипа, раздавить ее и только затем сдохнуть, показывая оттопыренный средний палец системному горизонту…

Мечты… мечты… а контейнеры тухнут…

– …ин Оди.

– А? – я рывком повернулся к маячившему темному пятну, что обрело четкие контуры и оказалось терпеливо ждущему незнакомцу:

– Добрый день, господин Оди. Я Пиквик. Глава администрации Риториков Бездны. Рад знакомству.

– Охренеть…

– Прошу прощения? Возможно мой костюм или манера речи вызывает некое отторжение на подсознательном уровне? Или сознательном, конечно – я никоим образом не намекаю, что вы из тех кто действует сугубо на рефлексивно-интуитивно уровнем, отторгая зрелую сознательную оценку. Вы четко и ясно дали понять о своих намерениях и своей цене, если я правильно понял почти несвязную речь младшего охранника Жордеса.

– Прозвище Агнец ему ты дал – кивнул я, оценивающе оглядывая администратора Пиквика.

– Меткое замечание. Догадка? Или…

– Только такой как ты мог назвать кого-то бараном красиво – хмыкнул я, поднимаясь с кресла – Сделай над собой усилие, Пиквик. Говори проще. Или найди того, кто будет говорить просто и четко.

– Но разве нам требуются долгие беседы, господин Оди? Я

старательно оцениваю людей всю свою сознательную жизнь. С самого момента пробуждения в этом славном и чуток мрачном городе. И я умею разговаривать проще – вот как сейчас. Пусть некоторые словесные обороты я считаю чуждыми мне и оскверняющими речь любого разумного существа, я все же не отторгаю окончательно их вербальную вескость и доходчивость. Выражение «Делай, падла!» во многих случаях срабатывает куда лучше многих других… менее доходчивых выражений.

– Бараном? – недоумевающе моргнул Жордес, крутя головой – Кого бараном назвали?

– Мы ценим и уважаем семейство Борлог. Надеюсь это на взаимной основе – улыбнулся Пиквик – Не угостите нас парой чашек кофе?

– Угостим – кивнула старуха и, повернувшись, ткнула пальцем в молодежь, что наверняка были ей столь же родными по крови как я – Не вздумайте запоминать эти сраные модные словечки! Не про вас они, косоротые мои! Подбросьте веток в очаг, поставьте чайник с чистой покупной водой. И не умничайте!

Поняв, что никто никуда не собирается, я вдел ноги в предложенные дедовские штаны, бросив короткий взгляд на свое отмокающее в ржавом тазу барахло. Жидкая сине-серая пена давала надежду, что вся пропитавшая одежду вонь будет убита вместе с грязью. Крепкие старушечьи руки, что до хруста выжали мою футболку и шмякнули ее обратно в таз, добавляли уверенности этой смутной надежде пришедшего в себя гоблина.

– Гнойный Каньон – пробормотала Бэлха из рода Болрог и взялась выжимать мои трусы – Срань ползучая! Это ж надо!

– Квота – с максимальной отчетливостью произнес я – Тройная квота на введение кода для получения контейнера. Она есть у Риториков?

– Прежде чем перейти к торговому аспекту…

– Ответь! Если квоты нет – я зря теряю время! А времени у меня в обрез…

Прежде чем ответить, Пиквивк несколько секунд задумчиво молчал, а затем, опустившись на подставленный ему покрытый шкурой ящик, признался:

– У нас нет тройной квоты.

Я зло скрипнул зубами:

– Тогда разговора не будет.

– Подожди! Прошу принять во внимание мою терпеливость и готовность к диалогу! Я глава администрации серьезной городской группировки! Но я сижу здесь перед почти голым незнакомцем что пообещал манну небесную и готов выслушать его, хотя он пока никак не доказал своих возможностей!

– Сидя здесь ты доказываешь очень простую вещь, гоблин – вы в отчаянии. В настоящем сука черном отчаянии, что уже изъело ваши мокрые от холодного пота жопа до сквозных дыр…

– К-хм… это всего лишь слова. Но не доказательства твоих возможностей.

– Я бы доказал – медленно кивнул я – Но на кой хрен мне доказывать тебе что-то, если у тебя нет ничего нужного?

– Но…

– Ответь, администратор Пиквик… для тебя важно вытащить как можно скорее тех запертых в руинах бойцов?

– Да!

– Жизненно важно?

– Да! У них кончается вода… или уже кончилась. Есть раненые. Другие группировки игнорируют тот район, что означает неизбежное повышение количества мутантов в той области… и неизбежное снижение шансов вырваться из того котла живыми… или даже просто пробиться туда… время играет против нас.

– Жизненно важно – повторил я – Так вот, администратор Пиквик… для меня столь же важно прямо сейчас ввести три кода и получить три контейнера. Важнее этого нет ничего! Понял? Вообще ничего! Я должен получить тройную квоту и ввести коды!

– Но…

– Вслушайся! В мои! Слова! Без квот – разговора не будет! Выпей кофейку и уходит, администратор Пиквик. А я буду искать другие пути…

– К-хм…

Он остался сидеть на ящике, а за его спиной переминался побуревший почему-то Жордес.

– Ну? Чего сидишь?

– Владыка…

– Да?

– В здании установлен терминал. Один из немногих с текстовой формой запроса совета по важным вопросам. Раньше форма, конечно, использовалась для иных целей, скорей всего корпоративных, но сейчас это своего рода способ отправки молитвенного запроса… Мы с уважением набиваем текст стоя на коленях…

– Охренеть….

– Я молюсь, не переставая уже сутки. Но Владыка не удостоила меня ответа. Однако когда со спешным сбивчивым докладом явился младший охранник Жордес, я выслушал его, а затем вписал твое имя и вжал «отправить». Ответ последовал тут же… я не припомню подобного! Мгновенный ответ! Это

удивительно… но еще удивительней пришедший текст, что гласил нечто странное…

– Да? И что там было написано?

– Ну… текст был короток: «Массовый убийца и герой. Совершает невозможное».

– Ясно… можешь идти, администратор Пиквик.

– Это были слова Владыки, что пришли мгновенно. Совершает невозможное? Кто ты такой, Оди?

– Разговор закончен.

– Двойная квота.

– Что?

– У нас есть двойная квота – тихо произнес администратор Пиквик – Вчера было пять квот. Но я одну за другой использовал три, надеясь получить в качестве выигрыша нечто действительно стоящее. Нечто такое, что помогло бы нам…

– Вызвать интерес других группировок? Что-то могущее купить отряд умелых бойцов готовы отправиться выручать осажденных?

– Да…

– И что оказалось в контейнерах?

– Один был набит древними диковинами в стеклянных банках… эмбрионы, кости, искалеченные при рождении младенцы… что-то музейное. В другом оказалась тонна стирательного порошка дающего синеватую пену… В третьем не было ничего кроме деревянной руки какой-то статуи. Кулак скручен в фигу…

– Хороший выигрыш – кивнул я – Хороший… Двойная квота?

– Владыка знает тебя, Оди… отвечает мгновенно… и говорит, что ты совершаешь невозможное. Кто я такой, чтобы сомневаться в словах Владыки?

– Квоты…

– Я передам их немедленно. У нас договор, Оди? Я в отчаянии…

– У нас договор… – ответил я.

– Но ты сказал, что тебе жизненно необходима тройная квота…

– Да… пока введу два и посмотрим что выпадет… два из трех – не такой уж плохой расклад. Как происходит процедура передачи квот? Как долго?

– Мгновенно. Квоты – лучшая валюта Дублина.

– Двинули – поднявшись, я шагнул из-под навеса и зыркнул на бабку – Не сопри трусы, старая. Я за ними вернусь.

– Не забудь вернуть дедовские портки. И помни что добрые люди приходят с дарами.

– Я гоблин. А гоблины приходят с проблемами – оскалился я, защелкивая пряжку ремня с кобурой – Двинули, администратор Пиквик. Двинули! Реально ведь интересно – че там выпадет?

– С-сука! – рев орка был сиплым и слабым.

Я перевел взгляд чуть в сторону. Застонавший Рокс сплюнул тягучую белесую слюну и опять уронил голову в исходящую белым паром лужу стылой воды.

Две кучи тел. И никаких сука экзов…

– Так и знал, что мне не повезет – проворчал я и пнул орка в голую жилистую жопу – Подъем! Я тебя сука не на курорт вез!..

* * *

– Это что такое, а? В глотку само лезет…

– Рассол – в пятый раз повторил я.

– Это рассол?!

– Да сука! – взорвался я – Это кровавый рассол, орк!

Рэк закивал и сделал огромный глоток из железной кружки.

– Вещь – прошептал трясущийся рядом с ним Рокс, что внешне постарел еще лет на десять и как-то сморщился.

Хотя они все как-то сморщились после морозного «заплыва».

Каппа, Рокс, Ссака и Хитоми – первая кучка.

Рэк, Кевин, Хорхе и Тогбо – вторая кучка.

Семерых выбрал я, причем Камальдула сразу заявила, что в ближайшее время она будет нуждаться в помощи Джоранн и ее ближайшего круга.

Джоранн и ее ближайшего круга…

Большего количества мне выбрать не дали, мотивируя это ограниченной вместительностью контейнеров. Мол помимо гоблинов туда еще над впихнуть компактные устройства влажного хладного сна – экспериментальная машинная разработка.

Экспериментальная машинная…

Дрожащая лапа орка потянулась к обмотанному пленкой трупешнику у наших ног.

– Не разворачивай зомбака, Рэк! – рыкнул я, жадно хлебающему рассолу орку – Уймись уже!

– Да это прямо кровь в руках, командир! Соленая живая кровь! Ему-то в самый раз!

– Официально он сдох – проворчал я, уже успокаиваясь – Так что перебьется пока. Кевин! Дрыгни лапой, если понял.

Зомбак вяло дернулся и скрывающий его пластиковый саван зашелестел. Еще повезло, что я успел отдать ему приказ. Иначе

городских ждало бы счастье лицезрения самого настоящего зомби…

– Если что-то не так – дай знать – добавил я и Кевин снова шевельнулся.

Убедившись, что меня поняли, я коротко глянул на лежбище у второго костерка, после чего уставился на простирающийся под ногами Мутатерр – мы снова были на вершине недостроенной стены, этого долбанного пунктира, что бесполезной чертой пересекал давным-давно умерший город.

Тент семейства Болрог был рядом и под ним сейчас торчал Хорхе, что, к моему удивлению, перенес заморозку лучше всех остальных вместе взятых. Но рассол он хлебал столь же жадно и тоже признался, что эта бункерснабовская соленая помидорная густая жижа невероятно бодряще действует на организм.

Все так говорят…

Отсюда простой гоблинский вопрос – что же такого сурверы понапихали в свой помидорный рассол, раз он действует почище шизы и энергетика…

Второй вопрос – кто такой Тогбо?

В целом я знал кто такой Тогбо – он из моего отряда. Один из тех, кто сам пришел вербоваться на островную музейную базу, после чего прошел первоначальную давилку, что отсеивала совсем негодных и приступил к превращению в кусок жилистого злобного гоблина. Он участвовал в нашей охоте за рейдерами из Мира Монстров, когда они нападали на деревни. Был и в самом Мире Монстров, где получил тяжелые ранения и был эвакуирован. Позже прибыл по моему зову в числе остальных, прошел до самого конца и… был выбран Камальдулой, что настояла на своем участии в выборе дополнительного восьмого члена «экспортного» отряда.

Кто он такой? Внешне – гоблин гоблином. Молчаливый, умелый и уже может считаться ветераном. Ему за сорок, средний рост, среднее телосложение… Командовать никем не пытается, в штабу или лазарете отсидеться не старается, честно воюет и убивает…

Кто он такой?

Его выбрала Камальдула.

И как после этого не думать плохого о лежащем сейчас ничком Тогбо?

Четыре чистых бойца. Лучницу выбрал как ту, что доказала свою звериную преданность если не мне, то лейтенанту. Здесь тоже придется сколачивать новый отряд и лучше если рядом с Каппой будет кто-то максимально ему преданный и с парой зорких глаз. Остальные понятно почему…

Два техника-хозяйственника. На тот случай если одного прикончит заморозка или вражеская пуля. Когда я узнал условия, то выбирал быстро и выбрал, основываясь на том, что в новом незнакомом мире придется не только убивать, но еще и путешествовать, причем желательно не на своих двоих, таща на горбах тяжелые рюкзаки, а на чем-то колесном. И это «что-то» временами надо будет обихаживать, а может и ремонтировать.

Ну и Кевин… на тот случай, если не найдется добровольцев вступить в отряд новоприбывших…

Большего Камальдула не дала – жадная сука не собиралась делиться с другой Управляющей.

Третий контейнер мне не достался, а ведь он был самым большим и содержал в себе внедорожник, экзоскелеты, запчасти сразу ко всему и небольшой арсенал. Там было столько всего, что впору пожалеть, что мне выпали именно эти два контейнера…

Надо было видеть взопревшие хари горожан, когда они поняли, что в каждом из двух лотерейных контейнеров оказались подмерзшие тела погруженных в хладный сон чужаков… Стоило праздно гуляющим по площади Победы увидеть все это лежащее в ледяной холодной воде дерьмо, как половина из них тут же разбежалась, а еще треть свернула в переулки, на ходу доставая из курток и штанов рации. Там, стоя в тени улиц, прижимаясь к стенам, они торопливо бубнили в передатчики, спеша передать важные новости своим группировкам. При этом они не отрывали взглядов от луж с приходящими в себя бойцам, где уже царила движуха – подошла чересчур шумная и подвывающая всеми колесами грузовая платформа, на которую мы перекидали тела, прикрыли их одеялами, забросили следом некоторые мелочи и умчались, дав всему Дублину понять, что посылка пришла не к кому-нибудь, а к группировке Риторики Бездны.

Эта новость буквально встряхнула Дублин.

Пока мы перли на платформе по улицам, выбирая те, что вели к высотке Риториков кратчайшим путем, из боковых улиц и окон высовывались десятки харь с жадно выпученными глазами. Большинство молчало, но многие выкрикивали вопросы и бежали следом. Парочка дебилов и вовсе охренела в край, с двух сторон зацепившись за платформу, подтянувшись и потянув лапы к мокрым дрожащим одеялам. Первый из дебилов наткнулся на мой взгляд, но его это не остановило. Принять правильно решение ему помог мой ботинок, что буквально утонул с хрустом в его жирном потном хлебале. Разжав руки, он упал и заднее колесо платформы прошло по его ногам. Второй гоблин спрыгнул сам, едва я шагнул в его сторону. В его руке был зажат мокрый от слизи револьвер. Приземлившись, он шатнулся к узкой боковой

улочке, за ним спрыгнули два парня из сопровождения Риториков, но я успел первым, всем весом приземлившись ему на голову. Еще один хруст… и вот я уже бегу следом за платформой, забрасывая на нее вырванной из вялой руки револьвер Рокса.

Эти почти живые машины так любят сортировать, что мне пришлось приложить огромное количество усилий, чтобы убедить Камальдулу позволить мне запихнуть в контейнер со спящими хоть какое-то оружие. Хотя здесь, похоже, сработала не ее любовь к сортировке, а какой-то куда более серьезный протокол. Причем протокол из самых первых и основных – ведь в свое время во все убежища постоянно вливался поток беженцев и всю эту ораву лишали личных вещей, просвечивали, дезинфицировали, делали им уколы, а затем погружали всех в сон и отправляли в морозильный склад на пару следующих веков. И уж точно нельзя было позволить, чтобы какой-нибудь особо хитрый ушлепок умудрился прихватить с собой какое-нибудь устройство или оружие. Всякое случается и в этом деле нельзя полагаться на случай.

Личные контейнеры…

Сдается мне, что такими вот контейнерами забито немало складов на Формозе – теми, что сейчас разыгрываются в лотерее. Формоз был первым. Самым первым построенным и открывшимся на прием беженцев глобальным убежищем. К моменту его открытия в мире творился хаос. Во многих странах правительство уже рухнуло, другие кое-как держались на фоне всеобщего дезертирства и еще более страшного фатализма. Со всех экранов доморощенные пророки вещали о скором конце света, обещая внимательно слушающим не более двух-трех недель жизни. Ага… когда ты слышишь, что жить тебе осталось всего пару недель… то появляется безумное желание оторваться на всю катушку и плевать на все… Изнасилования, поджоги, взрывы… И тут Формоз открывает двери и предлагает путь к спасению… Богатые и обеспеченные бежали быстрее всех, таща с собой огромное количество ценных личных вещей – те самые хрустальные люстры, фотографии предков в ласточкиных сучьих камзолах, дубовая мебель с позолоченными ручками, любимое дилдо прабабушки инкрустированное бриллиантами… Само собой, они оплачивали хранение своих вещей. Они ведь верили, что очень скоро, буквально через пару дней или там недель, им выдадут небольшой уютный домик на берегу озерца, окруженного березовой рощицей, где они проживут остатки своих дней, не вспоминая при этом о творящемся за стенами убежища безумии.

Кстати – может так и случилось бы. Пусть не для всех это произошло бы через пару недель, но все было бы именно так, не

случись на Формозе того мятежа.

Формоз был первым. Образцовым. Идеальным. Величавым. Разрекламированным на весь полыхающий мир. Сотни киношных див и идеальных альфа-бета-жопа-самцов побывали здесь, с восторгом рекламируя Формоз и призывая перебираться сюда всем, кто хочет выжить. Само собой каждый из киноактеров – те, что были из мяса, как обычные гоблины, а не из вирплоти – получил билет в Формоз и с гордостью показал в камеры дронов, как бы насмехаясь над миллионами нищебродов. Я выживу – а вы отсосите! У меня билет – а вам хер! Ла-ла-ла… ла-ла-ла… Но нам это было только на руку.

В общем Формоз вполне можно назвать истинной сокровищницей. Ну… только для тех, кто восхищается теми пыльными никчемным древними штуками вроде непонятной мазни на холстах, резьбе по мрамору или дереву… Где-то на складах тут хранятся фонды многих музеев мира, что уже никому не нужны. Память обо всем это надежно стерта из предварительно охлажденных голов..

И к чему все эти мысли у меня в башке?

А к тому, что раз здешняя Управляющая разыгрывает контейнеры в лотерею, значит, их исконные владельцы уже мертвы. Она раздает барахло покойников. Иного быть не может – разве что кого-то из богатеев или среднего класса все же лишили всех привилегий, опустив до здешнего аналога добровольно низших. Система не смогла бы разыграть в лотерею чужое имущество.

Это как номер чужого банковского счета – ты можешь войти в банк и потребовать с этого счета деньги, но не получишь ничего кроме пинка под тупую жопу.

Ввел гоблин код контейнера – а ведь он мой по праву. Мне не стирали памяти. Я честно все оплатил. И жду пробуждения. А как дождусь и получу место для жизни – первым делом потребую памятны мне вещи. Как же жить без прабабушкиного дилдо, верно? Что целовать с благоговением, сидя на скрипучем кресле качалке на веранде у озерца? Отдавайте! А нету – дилдо уже в Дублине, бриллианты выковыряны, одинокие воительницы радостно скрашивают одиночество чужой приспособой…

И что было бы, введи вчера администратор Пиквик один из моих кодов? Ему бы выпал матерящийся голожопый Рэк в качестве лотерейного приза?

Не верю в такое. Эти контейнеры должны быть заякорены именно на меня. Во избежание неприятных случайностей.

И к чему это опять, гоблин? Тебе не похер?

Нет не похер.

Здешняя лотерея – полное сука надувательство. Ведь не может же такого быть, чтобы однажды введенный каким-нибудь гоблином код не оказался кодом контейнера, что законно принадлежит спящему уже лет триста ушлепку, верно? И введшему код гоблину просто не выдали бы контейнера.

Если все в лотерее честно, то в таком случае должен загораться красный сигнал, звучать противный звук, а следом должно прийти предложение попробовать ввести еще один код. Хотя еще честнее было бы тупо выдавать гоблинам длиннющий список с доступными для выдачи номерами контейнеров. Но в Дублине-5 ты, имея квоту, подходишь к терминалу, вводишь код и получаешь свой выигрыш. Никаких красных лампочек… всегда зеленый…

То есть все херово – система манипулирует кодами контейнеров.

И раз так, то вопрос закономерен – какого хера отчаявшиеся Риторики во всех трех последних случаях получили дерьмо вместо стоящих призов? Порошок для стирки? Деревянная рука статуи? Иссохшие эмбрионы в мутных банках? Бред! Система всегда старается помочь хотя бы неявно тем, кто следует ее правилам и рвет жопу ради ее блага. Риторики свое дело делают – отстреливают мутантов, выполняют задания, плюс заодно оказывают социальную помощь всем здешним обездоленным. Так почему они получили вместо помощи хер на палочке?

И почему Ночные Гадюки получают куда более ценные призы?

Ночная Гадюка…

– С-сука! – повторил я и пнул камень, отправляя его в полет с края недостроенной стены.

– Он может угодить в чью-нибудь голову! – рявкнула поднявшаяся с ящика старуха Бэлха.

– Было бы неплохо – мечтательно вздохнул я и пнул еще один камень – И чтобы сука сразу насмерть!

– Вот почему мутанты нападают!

– Это почему же? – искренне заинтересовался я.

– Правильные жизненные принципы! Вот чем оскудел мир наш! Каноны! Заветы незыблемые! Будь они – и все жили бы процветая в мире и спокойствии! Но мир наш страдает!

– Мир страдает? – переспросил я, подходя к ней и протягивая пустую кружку – Старуха… ты живешь внутри треснувшейся иссохшей бородавки, как та, что у тебя на носу! Ты понятия ни имеешь о настоящем мире! С Хорхе ты уже знакома…

– Дельный, способный и щедрый.

– Щедрый?

– Показывает нам как готовить острое мясное рагу.

Меня перекосило, но я успокоил себя тем, что рецепт показывает Хорхе, а не Каппа.

– Спроси его о настоящем мире – буркнул я и, забрав наполненную горячим бульоном кружку, зашагал к новоприбывшим – Гоблины! Отдохнули уже! Подъем! Начинаем веселый блевотный час приседаний! Кровь разогнать, говно выгнать, мозги выблевать – вот наша великая цель!

– Я чувствую себя раненой, лид – прохрипела Ссака.

– А хочешь почувствовать мой ботинко у себя в ж…

– Встаю…

– Рэк!

– Да я встал! Встал! Сука! Почему Хорхе такой бодрый?!

Каппа поднялся первым и, тайком опираясь отведенной за спину рукой о сложенные кирпичи – типа самурай всегда твердо стоит на ногах? – глядел на лучницу, что копошилась у его ног. Она уже пожалела что покинула родную деревню? Или пожалеет завтра?

– А наша техника? – проскрипел Рокс.

– Пока техники нет – ответил я и, показывая пример, сделал первое приседание – Начали, гоблины! Начали!

– И как тогда? – выдохнул старый механик, опускаясь в приседе сантиметров на пять самое большое – Ох… что-то хрустит в заду…

– А пока воспользуемся чужой – ободрил я Рокса и злобно рявкнул на продолжающего кудесничать над котлом Хорхе – Эй! Сеньор консильери Хорхе! Я пропну!

– Иду! Показывал, как подрумянить мяско на собственном жирку…

– В заду так и хрустит – опять не сдержался Рокс, но на этот раз присел куда глубже.

– Перловка выходит – успокоил я его – Вместе с Хорхе разомнетесь с нами чуток. А потом займитесь подведением скудных итогов – что у нас есть, чего нет. Затем сходим в камеры хранения – у меня там припрятано чуток стволов и снаряги. Следом наведаетесь к ближайшему терминалу. Надо прояснять ваш статус и сколачивать отряд. Времени в обрез.

– Ладно… ох… так это тот самый мир, Оди?

– Мир Формоза – усмехнулся я, глядя на прояснившееся небо с черной длинной трещиной уходящей в сторону прибрежных зон – Во всей своей гниющей красе…

– Раз такая спешка… скоро выдвигаемся?

– Утром – кивнул я, глядя на поднявшийся отряд, что с каждым разом приседал и вставал все быстрее, изгоняя из тел

остатки холода – Мы выдвигаемся ранним утром, гоблин.

– Куда ты смотришь, мальчик? – имеющая на себе лишь мокрые трусы Ссака вопросительно улыбнулась молодому пареньку из рода Болрог и тот, поперхнувшись, поспешно отвернулся, при этом его голова поворачиваться отказалась, а глаза продолжали смотреть на прыгающие в такт приседаний сиськи.

Помогла старуха, что врезала заглядевшемуся тряпкой по хлебалу с такой силой, что вздрогнули даже самые седые из череды любопытных стариков, сидевших на прикрытых шкурами штабелях строительного материала подобно седым чайкам у линии прибоя умирающего океана.

* * *

Ночью Тогбо умер.

Умер так тихо, что до утра его смерть осталась незамеченной никем. Меня позвали к его походной постели, когда первые лучи искусственного солнца уже коснулись верха приютившей нас стены, хотя лежащий за ней спящий Дублин еще тонул в ночной тьме.

Смотря на окоченевшее тело рядом с откинутым одеялом, я простоял несколько минут, после чего отдал пару приказов:

– Доктора сюда. Понимающего в смертях. Затем похороним его.

– С чего он умер? – хрипло поинтересовалась Ссака, вытаскивая из-под подушки покойника виднеющуюся пачку дареных сигарет «Сурвсмоук» и коробок спичек «Мавитеш». Чиркнув, она глубоко затянулась и, поймав мой взгляд, пожала плечами – Я вчера их курила. Норм.

– Мы всех их курили и курить будем – подала голос Бэлха и коротко поклонилась мертвому телу – Что вы делаете, ироды? Прикройте мертвеца! Выразите почтение!

– Мы скорбим – отозвалась наемница и обвела тлеющей сигаретой собравшихся вокруг трупа гоблинов – Просто скорбим по-своему… По сигарете?

Не отказался никто и вскоре каждый уже дымил – включая продолжающую ворчать Бэлху. Крутя в пальцах дымящуюся сигарету, я смотрел на мертвое тело и думал о чем угодно, но только не о скорби.

Какого хера Тогбо сдох?

Последствия хладного сна? Вполне возможно. От подобной побочки никто не застрахован. А может последствия давнего

ранения – вроде бы он был контужен, хотя моя голова уже не в силах удерживать сведения обо всех отрядных ранениях. Для этого у меня было системное меню, когда мы шастали по телу Камальдулы, выжигая и вырезая гнойные места… да и то я туда не заглядывал.

Какого хера сдох именно Тогбо?

– Почему умер Тогбо? – голос подошедшего Каппы прозвучал словно эхо моих мыслей – Его выбрала Камальдула.

– Ага – кивнул я.

– Он ел и пил то же самое что и мы. Никакого алкоголя не было ни у кого, хотя Ссака клянчила.

– Ага.

– На отравление вообще не похоже. Ночью я почти не спал, дежурил по очереди с Хорхе и знаю, что Тогбо не возился, не стонал, не отходил в сортир. Он как лег – так и лежал до утра.

– И умер…

– Да.

– Надо выяснить причину. Потом похоронить.

– А если не успеют выяснить до нашего отхода?

– Тогда заморозим – уронив сигарету на камень стены, я растер ее подошвой ботинка.

Ботинки, майка, трусы и пояс с револьвером – текущая моя одежда после резкого подъема. Каюсь, решил дать себе поспать чуть подольше, раз уж теперь не надо беспокоиться о тухнущем в контейнерах отрядном мясе. А встань пораньше – может и углядел бы веселую агонию бойца.

– Он один из нас – продолжил я – Воевал с нами. Истекал кровью с нами. Послан он Камальдулой или нет… в этом случае неважно. Мы не должны позволить ему сгнить как дохлой твари на солнцепеке. Мы выясним почему он умер, а затем закопаем его.

– Узнаю про лед – кивнул Каппа и коротко поклонился телу Тогбо – Ты достойно воевал, боец.

– А так хотелось, чтобы сучьи загадки наконец закончились и больше не появлялись… Дерьмо! Пусть это будет просто долбанным совпадением… – пробормотал я и, поглазев чуток на восход, потопал натягивать штаны. Ссака о чем-то оживленно общалась со старухой, из рук в руки переходили мелкие предметы и одежды, за спиной наемницы маячила лучница Хитоми, явно участвуя в дележе вещей покойника.

Ну да… учитывая такой веселый факт как отсутствие третьего контейнера, где помимо экзов и оружия находился набитый личным скарбом внедорожник… Война войной, а без чистых трусов, носков, зубной щетки и банки со страусятиной

солдату не обойтись.

Натяну штаны и проверю как там Кевин – что-то и он затих. Если еще и зомби сдох от воздуха Формоза…

Глава восьмая

Сонная система так и не разрешила ситуацию с моим «затыком», продолжая то ли недоверчиво пробовать мой ТИР на свой гнилой клык, либо просто забыв о гоблине Оди к хренам – я стерпел и промолчал.

Каждому из моих бойцов присудили гражданство Дублина-5, заодно тут же выдав каждому по дополнительной единицы репрейта, тем самым доведя у каждого до двух, а у Рэка почему-то аж до трех – я стерпел и промолчал.

Сонно прокудахтав про их великое предназначение, система выдала каждому из моих гоблинов комплект одежды состоящий из черных и сука реально крепких футболки, просторных штанов с карманами, трусов, носков, бейсболки, поясного ремня, поясной сумки, десять песо и крепких ботинок на толстой мощной подошвы – само собой сука с металлическим накладками на носах, что так хорошо знакомы моим зубам! Я стерпел… я промолчал…

Через полчаса приземлившийся малый грузовой дрон – старый и облезлый – привез каждому из моих гоблинов по ножу производства Бункерснаб, модель Зубр-3 и крепкому брезентовому объемному рюкзаки «счастливый сурвер», после чего дрон подтянул болтающуюся под брюхом сетку и механическим голосом проскрежетал, что сурверский малый промышленный филиал ПостапПромСурв выражает прибывшим героям свое уважение и желает им боевой удачи. Я стерпел… я промолчал… Нож хороший, кстати… понимаю, почему побагровевшая Ссака чуть не сдохла от моего ласкового хвата за горло, но ни нож, ни рюкзак подарить не захотела. А остальные разбежались… но я молчал… молчал…

Группировка Риториков Бездны, озвучивающая свои решения медовым голосом и приторной харей Пиквика вдруг оповестила, что командование над спасательным отрядом они берут в свои надежные железные руки. Я стерпел… я промолчал…

Следом они объявили, что вместе с нами отправят солидное подкрепление числом в тридцать собранных в единую группу мохнатых рыл. Из этой тридцатки лишь десятеро были из группировки Риториков, а остальные двадцать были неприкаянными городскими, примкнув после обещания солидной денежной награды. По словам Пиквика в бою хоть однажды побывал каждый из них. Ну надо же сука как круто звучит – каждый побывал в бою хоть однажды. В бою побывать можно по-разному! Кто-то, несмотря на раны, продолжает наступление или

ожесточенно обороняется. А кто-то с визгом убегает через пару минут после начала перестрелки или резни… Но я стерпел… я промолчал…

На нас всех Риторики выделили две единицы транспортника – жалкое подобие внедорожника с вместимостью в восемь упакованных в снарягу гоблинов и грузовой тягач тянущий за собой железный самодельный кунг. При этом мой отряд приободрившийся от моего угрюмого молчания Пиквик назначил на окутанный дымом грузовик. А дымом он был окутан по невероятной причине – это была газогенераторная модифицированная машина производства все того же Бункерснаба, модифицированная, улучшенная и все такое, модели «Термитер-17М». В целом все охренительно – могучая стальная рама, легкобронированная вместительная кабина с двойным рядом сидений, шесть колес, плюс еще две пары на слишком длинном кунге. Грузовик снабжен радиопередатчиком, хорошими аккумуляторами, тремя размещенными на крыше солнечными панелями, длинной антенной… да в общем хорошая машина… но на дровах мать ее! В закутке между кунгом и кабиной стояла настоящая печь, куда специальная команда из двух чумазых гоблинов подбрасывали дрова… дым столбом… движок ревет… Ладно – для рабочей техники все норм. Но не для военной же… столб дыма в небеса посылаем, чтобы вражеским минометам легче наводиться было? Но я стерпел… я промолчал…

Хотя в этот момент мне уже стоило раскрыть пасть и начать говорить – например о том, что вот я тут полный новичок и вообще впервые вижу Мутатерр, но мне хватило десяти минут на гребне стены, чтобы понять каким именно маршрутом попрет здоровенный неповоротливый чересчур длинный грузовик! Ведь тут все завалено! Это долбанные руины, и я видел лишь два расчищенных маршрута, причем ведущих в противоположные стороны – но ведь все в округе знают в какой стороне находится их сраный Каменный Коротыш… Тут даже преследовать не надо – достаточно заложить штуки четыре дистанционно управляемые или просто нажимные мины и спокойно ждать приближения спасательного конвоя.

Но я молчал…

По очень простой причине – Пиквик воспарил.

Простой администратор-заучка вдруг получил шанс стать настоящим спасителем для тех, кто его на этот важный и скучный пост назначил. Пиквик летал между машинами подтянутым прилизанным мотыльком со строгим выражением чисто выбритого хлебала… и ведь он действительно верит в себя,

действительно считает себя умным, вежливым, деловым… Но не понимает, что есть в этой гребаной жизни такие сферы, где его опыт не стоит ровным счетом ничего. Сферы, где плещет кровь, булькает гной и с треском рвутся жопы чересчур смелых…

Поэтому я терпел и молчал, как каждый крепко битый судьбой гоблин, зная, что жизнь быстро и жестко расставит все по своим местам.

Но со своими я переговорил, приказав каждому из них выжить, в герои не лезть, никого левого не спасать, в приоритете держать сохранение необходимой для операции техники. Каждый получил свою позицию на кунге. И когда осмелевший Пиквик попробовал что-то там рассудительно заметить, я коротко на него глянул, и он поспешно отошел, что-то бубня про необходимость срочно проверить запасы питьевой воды и изотоников. После этого я пнул засмотревшегося на сочную бабенку орка и напомнил ушлепку, что одной из его задач является отпугивание от меня надоедливой мошкары. Орк внял и больше Пиквик ко мне не подходил.

Защитное снаряжение нам выдали – поношенное, многократно пробитое пулями, исполосованное когтями или чем-то сильно на них похожим. Я не возражал – после проверки убедился, что все надежно починено.

Оружием обошлись личным – у каждого по револьверу или пистолету, на всех три игстрела, четыре дробовика, винтовки и автомат. Боеприпасов было в обрез, но их нам выдали без проблем. А как только я проверил оружие в импровизированном тире, в темпе всадив в каждую из мишеней по рожку, от Риториков притащили еще ящик патронов и две однозарядные винтовки неплохого калибра.

Пока делили оружие и снарягу, пока проверяли лекарства и заливались шизой и витаминами, я уже не молчал, то и дело подтягивая к себе кого-нибудь из пробегающих мимо гоблинов и задавая вопросы. Одновременно я наблюдал за Пиквиком, искренне надеясь, что этот сугубо гражданский тип не совершит главной ошибки… но когда он снял пиджак и начал прямо на рубашку натягивать броник, давая понять, что отправляется с нами, я понял, что все совсем дерьмово и удвоил количество задаваемых вопросов.

Где и как получить медицину? Как дорого? Бывает ли бесплатно? Существует ли доставка полевой медицины к полю боя или есть ли возможность экстренной эвакуации тяжелораненых? Это бесплатно?

Мутанты… да я понял, что они до жопы страшные и кровожадные. А точнее? Как выглядят? Как быстро бегают?

Почему они мутанты, а не просто скажем твари или призмы? Кто такие призмы? Проехали, гоблин. Расскажи подробней о упомянутых двухголовых…

Вопросы вылетали из меня со скоростью автоматных выстрелов. Мои гоблины внимательно слушали, а порой задавали собственные вопросы, помогая выдавливать из источников инфу до капли.

Забив пару подарочных рюкзаков жратвой от старухи Болрог, что выдала не химическое дерьмо в ярких пачках, а странную крупную крупу, копченое сало и вяленое крысиное мясо – мы добавили к этому три канистры питьевой воды. За все расплатились всем понемногу. Я знал, что переплачиваю и делал это осознанно – я налаживал связи, понимая, что нам придется вернуться в Дублин-5. Я уже успел оценить размеры Мутатерра и понял так многое… к тому же я не забывал, что еще не получил третий контейнер и знал, что легче всего это сделать здесь – считай на окраинной территории мира Формоз. Если здесь все как там… значит самое густое и едкое дерьмо нас ждет впереди – ближе к середке гнилого фрукта…

Еще через полчаса мы заняли свои места и взревевший движком «термит» тронулся вслед за бесшумным внедорожником. Пройдя мимо недостроенной стены, мы обогнули зияющую дырами монолитную бетонную постройку и по широкому расчищенному проходу двинулись к двумя зданиям – к входной арке Мутатерра.

* * *

Неумело бегущий, странно подпрыгивающий на каждом шагу гоблин в слишком большой для него снаряге примчался за несколько минут до того, как мы поравнялись с двумя авангардными башнями Дублина-5.

Задыхаясь так, будто пробежал километров пятнадцать в нехилом темпе, гоблин просипел:

– Лидер отряда Пиквик желает тебя видеть, наемник Оди.

– Раз хочет – увидит – благосклонно кивнул я, не глядя на гоблина, но во все глаза пялясь на два максимально защищенных сторожевых здания – Он знает куда тащить свою лидерскую задницу, верно?

– Верно! – бодро кивнул отдышавшийся солдатик и снова поперхнулся – Ч-что?

– Что слышал! – взревел орк и впечатал подошву ботинка в бронежилет гонца.

Того снесло с подножки кабины грузовика и впечатало жопой в передавленный тяжелой техникой гравий, что уверенно заявлял, что по нему катались не только колесные, но и гусеничные средства передвижения. Впрочем, уже через минуту я увидел эти средства – два стоящих бок о бок дымящихся монстра. Опять газогенераторы и заодно топливосборщика – бульдозер и экскаватор, пыхтя паром, изрыгая дым, занимались затаскиванием целой груды мелких бревен на просевшую под тяжестью грузовую платформу. И ведь не сказать, что техника гражданская – никаких стекол, а лишь сплошной металл и узкие щели бойниц, причем большая их часть предусмотрительно закрыта броневыми заслонками. Уж лучше парить жопу в духоте, чем словить сракой вражескую пулю – сидящие за рычагами управления хорошо понимали эту простенькую истину. На крыше бульдозера зачехленный тяжелый пулемет. Глянув на него, я скривился, чувствуя, как теряю уважение к здешним.

– А чего рожу морщишь, солдат? – вопрос задал сидящий на придорожном отвале седенький гоблин в настолько неприглядном простеньком черном плаще, что сразу становилось интересно чего этот кусок дерьмовой ткани так идеально выглажен, равно как и виднеющиеся из-под него форменные черные брюки. Сапоги тоже виды видали, но пыли на них удивительно немного, а голенища поблескивают свежим глянцем.

Голос задавшего вопрос старика прозвучал из кабины грузовика, а сам гоблин держал у губ черную коробку массивного передатчика со свисающей антенной. Открытый канал связи. И водитель грузовика должен был открыть его, увидев сигнал придорожного чудика, спокойно глотающего пыль из-под наших колес. В окошко я и ответил:

– Еще бы больше тросов намотали на пулемет. Не стрелять же из него…

Седенький гоблин чуток привстал, глянул на бульдозер и молча кивнул мне, после чего пружинисто выпрямил ноги и легкой трусцой направился к рычащей технике. В передатчике прозвучало его искренне огорченное:

– Когда уже вдолблю дебилам…

Да никогда… там в бульдозере пусть умелые, но все же обычные работяги, что больше всего боятся угробить или просрать какую-нибудь ценную хреновину, приклепанную к доверенной технике. К чему рисковать, если можно и без того зачехленный крупнокалиберный пулемет на всякий случай закрыть еще куском толстого брезента и умотать все это дело тонким тросом. Попробуй теперь в случае нужды оперативно открыть заградительный огонь… зато можно не бояться

отлетающих камней и пыли, да?

– И кто этот хрен? – поинтересовался я у водителя, чуть переступив на длинной подножке и сместив Рэка в сторону. С крыши кабины свесила голову Ссака, тоже заинтересовавшись дедушкой.

Грузовик рыкнул и вильнул. Закашлявшийся водила замотал башкой от избытка эмоций и за него ответил сидящий рядом боец в армейской каске:

– Это тебе не хрен, а генерал Тугнарир, группировка Ночных Гадюк. В отставке. Теперь командующий Аркой и прилегающей территорией.

– Генера-а-ал – протянул я – Если генералы дороги ровняют… то кто у вас крыши чинит, а?

– Ты за языком следи – посоветовал мне откашлявшийся водила и опять мотнул башкой – Видишь?

– Вижу – ответил я, выворачивая шею и глядя на неуклюже бегущего Пиквика, старающегося поправить воротник виднеющейся над бронником рубахи.

Администратор спешил к генералу в отставке. А как добежал – продемонстрировав уважение, ведь мог бы и лихо тормознуть внедорожник рядом, заставив дедушку покашлять матерно – склонил голову пониже и тихо заговорил. Передатчик генерала был уже вырублен и суть разговора мы не услышали, но тут и так все понятно. По чуток подобострастной позе Пиквика все видно отчетливо. Считай младший дает доклад уважаемому старшему, заодно спрашивая ценного совета.

Повысив голос, Ссака пискляво выдала:

– Идем мы старче мутантов бить в Херу Каменному. Благослови на битву у яйца левого! И будут ли советы мудрые на тот счет? Будут, сынок! Не бей по яйцу правому! Не бей по яйцу левому! А херачь по хрену каменному!

– Уймитесь! – прошипел водитель, а враз ставшая слюнявой пасть и выпученные глаза дали понять о всей силе его душевного потрясения – Это герой Тугнарир! А ты…

– А я? – с огромным интересом поинтересовался я.

– А ты хер знает кто! Отличился разве тем, что прикончил банду безного Стагга! Да и то, наверное, ты не один был…

– Не один – согласился я – Мне зуб помогал…

– Какой еще сука зуб?

– Выбитый.

– Что?

– Че?

– Вы все это… вот ты… ты конкретно…

– Я. Конкретно – кивнул я.

– Он – подтвердила Ссака и глянула на соседа водителя – А чего ты, жирный ушлепок в мягком кресле едешь, а я башкой о кабину стучусь? Ты что сука не джентльмен мать твою?

– Я… – изумленно сглотнул ушлепок и покосился на сидящих сзади парней – Она… да какого хера происходит, ребят? Эти чужаки не просто сопровождение что ли?

– Да заткнись ты! – опять зашипел водила – Ведешь себя как баба!

– Ты что-то против баб имеешь, хреносос? – удивилась Ссака, в то время как ее нож уже коснулся острием шеи ушлепка – От тебя щас недобро пахнуло сексизмом и мочой, гоблин. Я тебе глотку вскрою!

– И водила из тебя дерьмо – заметил Рокс через всю кабину, стоя на противоположной подножке – Вали нахер из-за баранки.

– Гранадиллу тебе в жопу! – поддержал его вставший рядом Хорхе – Пшел нахер!

А ведь гоблин тропический звучит вполне убедительно. И глаза побелели натурально… ноздри раздуты, набычен, ствол дробовика со скрежетом вполз внутрь кабины.

Резко оторвав руки от баранки, водила чуть ли не заголосил:

– Меня посадил сюда сучий Пиквик! А я просто технарь!

– Вот и крути болты на своем месте – проворчал Рокс, приоткрывая дверцу – Командир… ты тоже?

– Не – отозвался я, вытягивая не сопротивляющегося водилу на подножку к себе, в то время как его место уже занял старый механик – Вы с Хорхе внутри. Мы висим снаружи. Помни – если что не тяните.

– Ага…

Смерив взглядом сидящих в кабине притихших незнакомых парней, что не выглядели настоящими вояками даже с большой натяжкой, я тихо предупредил:

– Не вздумайте геройствовать, гоблины.

Ответом было молчание – и меня такой ответ устроил. Быстро освоившись, Рокс чуть сильнее придавил педаль и взревевший грузовик ускорился вдвое, наплевав на выданные перед отбытием указания Пиквика. Город кончился. И сторожевые башни позади. Мы в полевой обстановке и администраторы здесь командовать не будут…

– Так кто такой герой Тугнарир?

– Не швыряй меня жопой о камни – вежливо попросил гоблин – Жалко жопу…

– Полезешь на кунг.

– Спасибо. Герой Тугнарир… он начинал с самых низов. Даже ниже – он был помощником кашевара при полевой кухне одного

из отрядов Гадюк. И вот генерал…

– В отставке.

– Все стареют.

– Он не стар – возразил я – Почему из боевого героя сделали привратника?

– Ты что?! Опека входных башен – честь! Ответственность!

– Ну да… так почему?

– Не знаю я! Говорю же – повоевал с честью и спокойно вышел в отставку! Его все чтят! Живая легенда! Он сотворил такое, что тебе и не снилось, чужак! Не кидай меня жопой на гравий…

– Вали на кунг – буркнул я и чуть повернулся, глядя на гневно гудящий внедорожник, что спешно догонял нас, поднимая облако пыли.

– Какой торопливый – Рокс недобро глянул в треснутое зеркало заднего вида и чуть двинул руками. Дымящий грузовик тяжело качнулся в сторону, резко сужая пространство между ним и высоким каменным отвалом. Внедорожник поспешно тормознул и видно, что не слишком опытный водитель излишне резко вдавил тормоз. Кто-то боданул лобешником торпеду…

– А машина мне нравится – удивленно хмыкнул старый механик, погладив руль – МГТ, значит? Модифицированный газогенераторный термит? А ну еще разок…

Грузовик подошел еще ближе к отвалу, заставив внедорожник опять отстать. Идущая навстречу упряжка из двух стальных лошадей, тащащих повозку полную целым кирпичом, неподвижно замерла, в то время как сидящий на кирпичах гоблин-возчик в испуге подпрыгнул и закрыл голову руками, будто это могло защитить от удара многотонной махины. Мы прошли впритирку к упряжке, а в кабине запоздало защелкал передатчик. Я вытянул руку и получил тяжелую старинную коробку из черного дырчатого пластика с витым тяжелым шнуром. Стоило щелкнуть металлическим тумблером сбоку и из динамика послышался дрожащий злой голос так и не повзрослевшего умного мальчишки-заучки, что всю жизнь скрывал свою истеричную натуру за завесой ладно сшитых слов, демонстративной сдержанностью и фальшивой вежливостью:

– Оди!

– Подъезжай – буркнул я и захлопнул приоткрытое забрало шлема, когда грохочущий раскачивающийся термит вошел в зону с «каменным снегом» – мелкой-мелкой пылью, почти пудрой, что с готовностью взметнулась и укутала нас удушающим сухим туманом. При этом колеса с плеском шли по глубоким лужам, пеня почернелую затхлую воду. В нос ударили смешанные запахи

сухого камня, дыма и гниения.

Догнавший нас внедорожник опасливо пристроился так близко от подножки, будто Пиквик не доверял возможностям радиосвязи. Он частично высунулся в окно, поднес к губам передатчик, но я его опередил:

– Если еще раз вздумаешь указывать мне, упырок…

Этого хватило, чтобы Пиквик завис, так и не сказав ни слова. А я продолжил:

– Ты помнишь наш сраный уговор, гоблин? Он был прост – с тебя минимум двойная квота и больше ничего. А с меня спасение угодивших в гнойный хер ваших риториков. Все просто! Даже для дебилов просто! Но для тебя я повторю, администратор Пиквик – ты выдаешь мне двойную квоту и не мешаешься у меня под ногами. А я решаю ту небольшую проблему с гнойным хером…

– Каменным Коротышом…

– Срать я хотел на вашу топологию – буркнул я – Можешь валить обратно в город. Вместе со всей кодлой. Оставьте грузовик – и валите.

Во время этой краткой беседы я понимал, что наш радиобмен прослушивается многими – другими группировками, просто любопытными гоблинами, что обладали передатчиками. А если канал и был закрыт для большинства – но точно не для того военного старикашки – то все равно среди собранной Пиквиком команды ушлепков найдется хоть один, кто постарается незамедлительно передать кому надо всю суть только что закончившегося разговора. Это мне и требовалось.

Громкое и чрезмерно самоуверенное заявление от наглого чужака… – его я только что и сделал.

На этом болтовню можно заканчивать – теперь все будет зависеть только от исхода этой вот вылазки.

Если мы сдохнем в процессе спасательной операции – ну… мы сдохнем и мне будет посрать на насмешливый хохот дублинцев вместо эпитафии.

Если же выживем и преуспеем – администратору Пиквику не удастся примазаться к этому делу и оттянуть на себя пахучие влажные лавры.

Все восторженно-завистливое дерьмо достанется чужакам Дублина-5 – к великому разочарованию Пиквика, что явно был дерьмовым солдатом, но неплохим политиком, заранее просчитав все возможные выгоды от спасения осажденных Риториков при его непосредственном участии. Ведь он громко объявил себя командиром, заранее приписав весь еще несостоявшийся успех лично себе. Только поэтому он и рисковал своей любимой жопой, вытащив ее за пределы безопасного города. И вот теперь я

обломал ему всю игру, громогласно заявив, что он мне нахрен не сдался…

И ведь не вернуться теперь, да, гоблин?

Глядя на перекошенную харю администратора Пиквика, что потерял весь свой лоск и напускную невозмутимость, я насмешливо ухмыльнулся и забросил передатчик обратно в кабину, давая понять, что разговор окончен. У него остался лишь один шанс выступить в роли усталого победителя – если он и спасенные вернутся в город без кучки наглых чужаков.

Кто-то когда-то сказал, что историю пишут победители. Не… это не так. Историю пишут выжившие, изменяя ее под себя как им хочется.

Пиквик махнул рукой. Отвернул харю, цепляя на переносицу солнцезащитные очки. Внедорожник ускорился и вскоре пошел впереди, накрывая нас не слишком густым хвостом белесой пыли. Расчищенное пространство позволяло и у водителя хватило мозгов отойти чуть в сторону, чтобы не застилать нам видимость. Поплотнее прихлопнув забрало, я прижался боком к теплой броне кабины и замер на трясущейся подножке, контролируя свой участок стиснувших нас руин.

* * *

Первых здешних мутантов мы увидели только через час пути, и они представляли собой кучу уже начавшего вонять дохлого мяса. Учитывая габариты техники, двигаться мы могли по предельно предсказуемому маршруту, что к этому моменту представлял собой бетонный каньон с высящимися над ними стенами разрушенных зданий. Подорвать такую коробку и обрушить вниз ничего не стоит для даже не слишком опытного взрывника. Но пока все было тихо – пока мы не добрались до кучи дохлятины.

Головная машина прошла мимо, коротко вякнув что-то приказное по передатчику. К кому обращались эти ушлепки, раз они никем не командуют? Повинуясь моему приказу Рокс, вдавил педаль тормоза.

Я спрыгнул первым, за мной последовал Каппа, чуть ли не подталкивая перед собой парочку городских гоблинов, которым он весь прошлый час что-то тихо и монотонно втолковывал – вскоре вокруг лейтенанта уже оказалась целая кучка жадных слушателей.

Остановившись, я ткнул ботинком откатившуюся от кучи тел отрубленную голову. Вонь разложения забила ноздри, мелкие

твари с писком бросились в сторону, унося с собой огромные куски полупрозрачной студенистой плоти, что буквально растекалась и шлепалась кусками в пыль. Даже запах странный… и при этом почему-то знакомый. И речь не о сладковатой тошнотворной вони разложения. Тут что-то химическое… Но пока меня больше интересовал потенциальный противник. Хватило пары секунд, чтобы понять главное – как и следовало ожидать некогда это были люди.

Смерть и разложение уже успели наложить свой отпечаток, искажая картину так же хорошо, как обильная косметика искажает лицо старой шлюхи, но основное разглядеть удалось без проблем.

Их тела походили на кожистые волосатые влажные шары, что были плотно впихнуты в сетчатый мешок в форме обычного тела. Впихивали изо всех сил и поэтому конечности превратились в раздутые мясные колонны с несуразно мелкими ступнями и кистями. Тела были похожи на оплывший от жары шоколадный батончик, который сейчас с аппетитом поглощала стоящая рядом с машиной Ссака, намеренно демонстрируя свою крутизну и похеризм. Каппа с Ссакой уже приступили к своим главным задачам, в то время как Рэк продолжал крепко держаться за дробовик и зло попердывать в ожидании врага.

Лишние руки, гигантские опухоли на плечах, шеях и отрубленных головах. Окрас кожи почти у всех сейчас серый, но при жизни эти гоблины явно могли похвастаться почти любым окрасом. От лиц мало что осталось – зверь в первую очередь обгладывает их – но понятно, что вместо лиц у них было очередное нагромождение бугров и шишек с узкими щелками сейчас выеденных глаз. Каждое тело лишено головы – они отрублены одним ударом, как мне только что поведал Каппа, успевший изучить несколько шейных срезов.

Куча дохлого вспухшего мяса…

При этом я не увидел ничего, что можно было бы отнести к насекомоподобным призмам. По сравнению с этим убожеством призмы Франциска II были вершиной генетических манипуляций.

На кой хрен?

Первый раз этот вопрос возник у меня, когда мне описали тех, с кем придется столкнуться в этой бетонной клоаке. На кой хрен такие мутации, если они нихрена не помогают в бою? Изначально я ожидал, что здешние твари будут бронированы, невероятно быстры и убийственно сильны, обладая при этом разумом и целым набором особых боевых умений. Вспомнить хотя бы Хвана – сам себе жопу не подотрет, зато за секунды может нашинковать целую деревню в сашими. Эти вот тоже вряд ли

смогут себе сраку почистить, но… и в реальном бою они полное говно. И это уже не мое мнение – я его пока не имею. Это мнение едущих с нами гоблинов и тех, кто остался в городе. И все они прежде выходили в рейды и убивали мутантов.

На кой хрен такая вот принудительная призмация? От нее нет толка.

Чисто как наказание? Возможно… возможно…

Я перевел взгляд чуть в сторону. Там находилась наполовину утопленная в земле бетонная плита перекрытия. Она вся была залита черной кровью и покрыта огромным количеством насыщающихся насекомых. Судя по количеству крови и черной капели вокруг – именно там был убит каждый из лежащих в этой куче мутантов. И вряд ли эти твари вдруг решили бы подставить шеи под тесаки одного из боевых отрядов Дублина-5. Тут прямо пахло фатализмом и смирением перед неизбежным…

– Кто-то сильный, выносливый – произнес подошедший к плите Каппа, подняв с нее облако насекомых, что тут же снова осели на камни недовольно стрекочущим покрывалом – Вот следы. Большие следы. Он стоял здесь и рубил голову… – заняв его место, мечник поднял свой тесак и начал им методично взмахивать – Раз… два… три… между плитой и кучей тел слишком мало крови. Их не тащили… их перебрасывали те, кто еще был жив. Вот их следы… и вот…

– Ясно – буркнул я, оглядывая веселый мясной натюрморт – Один рубщик, а остальные подхватывали обезглавленного и откидывали в сторону. И так пока не перекидали всех до последнего.

– Последнего он унес сам – кивнул мечник, медленно шагая чуть в стороне от кровавой дорожки – Он большой. Ноги огромные. Он дотащил тело и забросил на самый верх кучи… отпечаток.

– Вижу – кивнул я, глядя на огромный кровавый отпечаток чьей-то лапы на боку лежащего на самом верху трупа.

Ну как отпечаток… до этого его скрывали насекомые, что теперь перебрались на пятна крови в стороне. И я увидел не отпечаток, а… скорее глубоко уходящий в плоть след. Кто-то с когтистой неимоверно сильной рукой попросту вбил пальцы меж ребер казненного и так перетащил его метров на пять, после чего легко забросил наверх.

– Высокий, сильный, выносливый…

– И носит серый балахон – добавил я, глядя наверх.

На краю крыши нависающего над бетонным каньоном пятиэтажного здания стояла фигура в сером. Капюшон, длинное одеяние больше напоминало не балахон, а кожаное длиннополое

пальто. И тесак… упертый в крышу стоймя поставленный двуручный гигантский тесак, что казался вполне по руке высящегося на крыше гиганта.

– Не стрелять! – рыкнул я и вскинувший винтовку гоблин замер в испуге.

– Враг! – протестующе пискнул он.

– Враг – согласился я, отходя от груды мертвых тел – Непоняток все больше… на кой хер он казнил своих? За трусость? Возможно… сколько там еще рыл?

– Собраны все вещи – согласилась Ссака, продолжая оставаться у грузовика и контролируя свой сектор – Нет даже вонючих мутантских трусов… Тут полегла не вся их группа, лид.

– Пятеро или семеро – крикнул Хорхе, возвращаясь от начала уродливой трещины, что рассекала бетонное ущелье поперек и поднималась по одному из его почти отвесных склонов. Трещина шла как раз в ту сторону, откуда на нас безбоязненно пялился хрен в сером пальто. Он как бы приглашал… но я не собирался принимать его приглашение.

Глянув в сторону, я зло рыкнул:

– Кевин!

Выронив поднесенную к приподнятому забралу дохлую голову, фигура в боевом снаряжении выпрямилась и отступила.

Я не мог вечно держать зомбака в качестве еще одного трупа – почему-то непогребенного – поэтому не став долго думать превратил его в раненого бойца Кевина. Забинтовать харю, напялить треснутые черные очки, накрыть все это шлемом – и готово. Остальное скрыла снаряга и перчатки. Рядовой Кевин занял свое место на кунге грузовика и спустя час пыльной дороги абсолютно ничем не отличался от остальных гоблинов. До момента, когда решил хорошенько принюхаться к дохлой мутантской голове… или попробовать кусочек вкуснятины…

– Дальше! – рявкнул я и махнул в сторону грузовика и пока все занимали свои места, задумчиво глянул на стоящий в тени у накрененной стены внедорожник.

Пиквик занял нейтралитет? Выжидает удобного момента? Или до него все же дошли приоритеты этой миссии и он принял волевое решение запихнуть свои пахучие амбиции обратно себе в жопу?

Бросив последний взгляд на жужжащую гору оплывших трупов, я поднялся на подножку и зарычавший движком грузовик потащился вперед, медленно набирая скорость. Серый гигант на крыше остался на месте, провожая нас долгим взглядом.

– Я таких никогда не видел – тихо сообщил мне высунувшийся из-за бронещитка один из ответственных за топку

котла гоблин в промасленном комбезе и криво сидящем бронике – Никогда не видел, сэр Оди.

– Просто Оди – ответил я – Уверен? Сколько раз бывал в руинах?

– Да не сосчитать! Я обозный. Если вояки через раз отдыхают и раны зализывают, то нас постоянно гоняют в рейды. Ну или просто кирпичи и прочее вывозим. Иногда здания шмонаем – попадается порой разное полезное. Мутантов я навидался, Оди!

– И все они такие вот… рыхлые…

– Да что тут сказать… – вздохнул гоблин – Жалко их даже порой, хотя твари они, конечно. И да – все они такие. Если привыкнуть к тому как выглядят – считай люди обычные.

– А громилы в сером?

– Никогда не видал и не слышал! В нем роста метра четыре ведь!

– Три – поправил я задумчиво – Лезь к котлу, гоблин.

– А гоблин – это круто?

– Круто – кивнул я.

Гоблин сверкнул гнилой улыбкой и спрятался за броней. А мы продолжили медленно тащиться по ущелью, проходя мимо отброшенных в сторону ржавых остовов машин. Эта дорога называлась Тракт Добра. И все добро заключалось в том, что каждый из возвращающихся боевых или рабочих отрядов должен был хоть немного расчистить его – да просто большой камень отбросить в сторону и уже что-то. Так за годы и получились эти прорезающие огромные руины основные маршруты. В тесные проходы между здания отряды старались не лезть – там опасностей куда больше. И полным-полно примитивных, но от этого не менее смертоносных ловушек. Судя по обстоятельным рассказам живущих на недостроенной стене стариков, здешние твари не могли похвастаться скоростью и силой. Поэтому они брали хитростью.

Ловушки на каждом ходу, причем зачастую такие, что даже не калечат, а просто слегка ранят, попутно занося в рану различные кустарные яды, что от этого не становятся менее проблемными. Отравленные колышки в земле, натянутая колючая проволока со смазанными отравой шипами, падающие камни, просто ямы ноголомки, примитивные луки или арбалеты, странные пружины, разбросанные колючки, что влегкую пробивают толстую подошву ботинок….

Непонятно…

Охренеть как непонятна вся эта муть Мутатерра…

Почему?

Потому что я не мог получить простого ответа на еще более

простой вопрос «зачем?».

Я уже понял почему жители Дублина-5 радостно суют задницы в Мутатерр, теряя там конечности пачками и жизни десятками. Тут есть четкий простой ответ – им это выгодно. Они получают регулярные и щедро оплачиваемые задания и для них вылазки в руины давно превратились в кровавую, рисковую, но во многом обыденную работенку. Благодаря вылазкам кормятся не только вояки, но и весь город, чья экономика полностью завязана на Мутатерре. Да и поставки из прибрежных зон снабжения делят между самими успешными группировками. Хочешь жрать крабов, а не говно, гоблин? Убивай мутантов!

Тут все ясно…

Но мутантам это дерьмо на кой черт?

Они постоянно лезут к Дублину, они стремятся зацепить хотя бы чуток каждый из лезущих в Мутатерр отрядов, а изредка устраивают настоящий штурм, пытаясь пробиться в город и устроить там резню. Однажды, только однажды, такое случилось и их прорыв удался – тогда в крови утонул целый квартал, где остались в живых лишь самые шустрые или прыгучие, сумевшие уйти по крышам. Ну еще выжили чемпионы по пряткам в городских условиях. Но шустрякам и прыгунам любящим паркур повезло куда больше.

Про тот успешный мутантский рейд я расспросил особенно въедливо, добравшись до мельчайших подробностей. Затем поспрашивал про неудавшиеся. Инфы на меня вылили море. Но ответа я так и не получил.

Зачем?

В любом из этих рейдов мутанты теряли весь свой состав, который изначально – при их то снаряжении и арсенале – не был достаточен для такой операции! Атаковать двумя-тремя сотнями рыл подготовленный к осаде город, где пулеметы чуть ли не в каждом из окон и где каждый дом является крепостью с автономностью на пару недель? Да ладно! Бред! Один умелый боец в не слишком продвинутом экзе влегкую покрошит три десятка уродливых ушлепков и даже не запыхается, потратив при этом лишь пару патронов – и те чисто ради веселья, когда надоест просто сносить головы ударами встроенного лезвия. И так они и поступали!

Ради чего мутанты рвутся в Дублин-5?

Жратва? Это цель? Мясо гоблинов и прочие продовольственные запасы Дублина? Нет. Мутатерр полон хавки, что вполне годна и для обычных гоблинов. Мясо диких животных, рептилий, насекомых, немало фруктов, овощей и кореньев. И это без учета возделывания почвы! Я уже бывал в Мире Монстров

Франциска и видел, чего может добиться община из гоблинов, зверолюдов и призмов. Так тут условия ничем не хуже, причем дублинцы и мешать не станут – они не лезут вглубь Мутатерра. Строй себе фермы, выращивай сады, паси козлов… В пользу того, что жратвы здесь хватает, говорит та гора обезглавленных трупов – их никто не сожрал.

Я так и не нашел реального ответа и решил отталкиваться от самого очевидного – мутантам приказывают. Этим уродливым ушлепкам приказывает кто-то настолько непререкаемый, что они идут на смерть.

Кто он такой? Кто отдает приказы идти на смерть? Пока что на ум приходит только система. Вот только Управляющая Формоза столь же говорлива, как и ласковые лоботомированные свинки Зловонки. И столь же активна. Непохоже, что она вообще обладает какими-то целями или приоритетами кроме самых основных и намертво прописанных в ее подкорке. Большая часть системных процессов тут идет вяло, почти самотеком как дерьмо в проржавелых канализационных трубах.

Но если мутантов на самом деле натравливают на Дублин-5, то мы получаем чуть более активную и массовую версию Зомбилэнда. А заодно получаем медленно вертящуюся мясорубку, что потихоньку перемалывает живое мясо, избавляя мир-опухоль от перенаселения. Кровавые шестеренки кое-как, но все же крутятся…

И снова – что-то не так. В Зомбилэнде было пожестче. А здесь порой неделями отряды выполняют задания по патрулированию и даже не встречаются с мутантами. Максимум из адреналина – увидеть какой-нибудь след на песке и чуток обосраться в ожидании атаки. Разве это мясорубка?

Закинув в рот кислую местную таблетку с дозой растворимых витаминов, я заглянул в кабину, убедился, что там все под контролем, после чего полез на кунг. Там опасней, но зато оттуда и обзор получше. Пылящий впереди внедорожник беспричинно газанул, зло крутнул колесами, ударил по тормозам, приближаясь к нам вместе с густым пылевым облаком. Зло ощерившись, я ударил прикладом о крышу кабины и Рокс подал грузовик в сторону. Как только внедорожник вильнул туда же, я вскинул автомат, нацелившись на его забранное сеткой и решеткой заднее окно. Секунда… еще одна… я заметил, что поднятых на внедорожник стволов стало гораздо больше – теперь целились все, кто находился на кабине и кунге дымящего гиганта. Еще через пару секунд внедорожник с бесящимся Пиквиком сместился на другую «полосу» и пошел ровно, прекратив закрывать нам обзор.

Эта жаберный баран продолжает показывать норов – неумело и истерично.

– Мы тестировали ходовую систему на проходимость – пробухтела рация голосом Пиквика в кабине подо мной.

– Жопу свою протестируй на проходимость! – заорал Рокс и на этом обмен радиоданными завершился.

Осмотревшись, я рявкнул на незнакомого гоблина из местных, что умудрился прикрепить себя к крыше двумя стальными карабинами, после чего до него уже другие из моих донесли причину моей злобы. Не стоит намертво крепить свою жопу к главной мишени для врага, гоблин. Так по словам Каппы гласит древняя восточная мудрость.

Разжевывая таблетку, я крутил башкой, пока мы проходили мимо разрушенных зданий. Некоторые особо прочные коробки устояли во всеобщем хаосе, разве чуть накренились и теперь пялились на нас многоглазо черными дырами окон. Опутанные мертвой или полумертвой растительностью стены и крыши служили приютом для птиц, среди которых я увидел и летающих. Над нами же, раскинув крылья, в горячих струях восходящего воздуха парило семь огромных темных птиц. Падальщики кружат над нами… на что-то намекаете, суки? Или от всей этой долбанной истории с Каменным Коротышом так сильно воняет подставой, гнилью и дохлятиной? Умные птицы знают – скоро будет обед.

Одна из летающих громадин накренилась и кругами пошла на снижение. Остальные четко последовали за ней, и вскоре слаженно действующая стая опустилась в каньон за нашими спинами. Решили полакомиться мутантами для разогрева аппетита – перед подачей основного блюда… Я автоматически отметил, что до этого птиц не было – одни поднялись в воздух разом, будто по слышимому лишь им сигналу.

Учитывая огромные дыры в стенах Формоза, здесь давно должно было произойти смешение местной фауны и флоры с наружной. Так что о балансе можно забыть… Что это нам дает? А нихрена пока что не дает. Так что я продолжил вглядываться в высящиеся над каньоном здания, некоторых из которых мне казались слишком уж знакомыми и очень… специфическими…

Поняв, что думаю не о том, жестом подозвал к себе орка, Каппу, а затем и Ссаку. Когда гоблины сомкнули головы в шлемах, я тихо заговорил…

* * *

Мы с Рэком двинули влево от бетонного каньона, что за два километра от цели сузился, превратившись в узкое пыльное ущелье. С тихим шелестом в него постоянно стекали ручейки гравия, в воздухе витал странный оранжевый пух. У этого места мы и разбежались шустро в стороны, оставив в грузовике малый отряд. Я позаботился о том, чтобы в наше отсутствие никто не смог вернуть себе право на технику и уж точно не вздумал поднять восстание. Дробовики, гранаты, мягкая улыбка Хорхе с автоматом и злобный оскал пропыленного Рокса убедили меня в том, что все пройдет по плану. Засевшая на краю каньона Ссака с вроде бы дельным пареньком умеющим – по его пока непроверенным словам – стрелять из винтовки и ему похер по кому именно, были бы мишени, засела над техникой, замаскировавшись у фундамента покосившейся постройки со сглаженными углами. Дополнительная гарантия. Изголодавшемуся Кевину я дал выбор к кому присоединиться и тот на самом деле задумался, засев между камнями под убежищем Ссаки.

Я с орком пошел вдвоем. Группа Каппы двинулась вправо. Направление я выбирал, основываясь на всей собранной информации касательно здешних окрестностей Мутатерра и мутантских привычек.

На первую ловушку мы наткнулись спустя тридцать метров. Идеально скрытая растяжка должна была выдернуть каменный клин из-под нависшего над узким проходом куска кирпичной стены с вбитыми в щели обрезками заточенной арматуры. Не став трогать проволоку, мы с Рэком дальше двинулись по такой мешанине из обрушившихся зданий, игнорируя все тропки и проходы, что ловушек нам не встречалось вплоть до конца забега по руинам. За двести шагов от бурой пыльной трехэтажной коробки мы обнаружили еще одну растяжку и на этот раз к ней была прикреплена граната. Зная, что у мутантов все хреново вроде как с поставками и они не стали бы разбрасываться гранатами просто так – а растяжка свежая – я сделал стойку и внимательней пригляделся к зданию впереди. Углядев пару облачков и жужжащих над разлитой по камням за зданием черной жижей мух, я убедился, что в здании засело немало рыл. Сидели они тихо, а вот свое дерьмо прикопать не додумались. Распластавшись на земле, мы двинулись дальше. Предложение орка «а давай я зайду и всех там поимею, лид» я проигнорировал.

Еще одна растяжка была в пяти метрах от темного проема, что некогда был черным выходом. Переступая лужи дерьма, двигаясь сквозь тучу гудящих мух, я вошел, продвинулся на пару метров вперед и присел. Рэк прошел чуть дальше и воткнулся

плечом в угол, держа наготове дробовик. Когда глаза привыкли к сумраку, мы пошли дальше, наводясь на протоптанную по пыли тропинку. Коридор, ведущая вверх лестница, пара голосов из двери слева. Глянув через дыру в стене, я увидел двух тихо беседующих ушлепков, баюкающих в распухших руках алюминиевые кружки. Еще семеро лежали уродливыми живыми опухолями вдоль стен и спали. Аккуратно поставив дробовик на пол, я достал нож и прижал кончик лезвия себе к виску. Орк меня понял и тоже потянулся за ножом.

Первым вошел я. Вошел спокойно и буднично, не пытаясь больше двигаться бесшумно. Уловка сработала и уродливые головы повернулись на шум неспешных шагов с двухсекундным запозданием и этого хватило, чтобы мы пересекли комнату. Лезвие ножа вошло в левый висок ближайшего ко мне хренососа и я тут же зажал ему пасть. Мягко опустив трясущееся в судорогах тело, оставив в башке нож, я шагнул к стене, вытаскивая тесак.

Голова, снова голова, опять голова…

Ухмыляющийся за забралом шлема взмокший Рэк радостно показал мне четыре пальца. Хвастливый упырок…

Я поднял руку для ответного жеста, но тут же крутнулся, хватаясь за дробовик… и с тихим рыком выпустил его, оставив болтаться на ремне. Тихо вошедший в комнату Кевин, успевший избавиться от шлема, с легкостью втащил трясущегося мутанта, одной рукой передавливая ему шею, а зубами глодая его почти исчезнувшую бугристую щеку. В выеденной ране удивительно ритмично стучали заливаемые кровью почернелые зубы.

Кровь… она удивительно яркая. Красная и будто светящаяся… Настолько яркая, что резко выделяется даже в сумраке заброшенного здания.

В ответ на мой взгляд Кевин ткнул пальцем вверх и покачал головой.

– Больше никого? – уточнил я.

Мне показали три оттопыренных пальца, после чего один был загнут, второй ткнулся в заживо поедаемого и тоже загнулся, а последний указал в коридор. Выглянув, я увидел связанного колючей проволокой мутанта, что походил на гнилую грушу. На грушу с вымазанным чем-то темным ртом и частыми царапинами на харе, тоже замазанными темной дрянью. Выдернув из влажного рта вонючую тряпку, я поинтересовался:

– Когда вас сменят?

– Нас не сменяют – прохрипел упырок и с ужасом уставился на нависшего надо мной Кевина – Что это? Что это такое? Зачем он втер мне в раны свою кровь? ЫГ….

Запрокинув голову, он захрипел и затрясся в судорогах,

ударяясь башкой о стену.

– Охренеть – буркнул я и повернулся к зомбаку – Твоя зараза начала действовать?

Тот задумчиво прожевал кусок щеку, откинул в сторону сдохшего от нехватки воздуха мутанта и развел руками. Ну да… Кевин экспериментирует.

Отвернувшись, грохоча ботинками, я взлетел по лестнице, перешагнул очередной труп с вырванными внутренностями. Прочерчивающая покрытый песком пол дорожка вела к свету, и я последовал по ней, вскоре оказавшись в просторной комнате, что в прошлом наверняка богато обставленным залом с круглыми окнами…

Опять странное воспоминание царапнуло мне мозг. Я уже видел такие комнаты, видел такие здания.

Подойдя к окну, я прислонился плечом к стене рядом с ним и, прикрываясь остатками изувеченной внешней солнцезащиты из ржавого металла, выглянул.

Каменный Хер предстал во всей красе.

Постройка стояла посреди большой впадины и прямо на него выходил сузившийся до предела каньон Тракт Добра, что привел нас сюда. Два огромных бетонных древних резервуара расположились вплотную друг к другу, достигая в высоту нескольких этажей. В паре мест стены обрушились, образовав проломы, что частично забаррикадированы обломками. Прямо на этих бетонных танках высится небольшая узкая постройка с плоской крышей. На каждом этаже по два окна, на стенах следы от какого-то давно разрушившегося навесного оборудования. Не знаю, что раньше бурлило в этих резервуарах, но явно не сахарная патока, судя по толстенными пробитым местами трубам, что подходили к постройке с нескольких сторон сразу.

Над башней гордо реяла бурая от грязи тряпка, изображая собой флаг. Окна заложены кирпичом так, что остались только узкие бойницы. На крыше расставлены миски, разрезанные пластиковые канистры и составленными вместе кружки и стаканы. Да тут гоблины надеются на дождь…

Я глянул чуть ниже и сразу наткнулся взглядом на лагерь мутантов, что находился в ста метрах от Каменного Коротыша, прячась под прикрытием длинных изогнутых подковой руин. Идеальная позиция для стоянки, если основную угрозу ждешь от осажденного здания. Вполне достойная позиция даже с учетом прихода вражеских сил из каньона – там тоже руины, причем в них засело до десятка стрелков. В принципе ясно… свои флаги они защитили такими вот сторожевыми постами, отправив по десятку рыл на каждый и вооружив их… я глянул вниз, на

стоящие в готовности винтовки и одинокий гранатомет. Этого вполне хватит для отражения первой атаки хитрожопых дублинцев, а там уже подтянутся основные силы. Да?

Нет…

Не верю.

Слишком уж расслаблены мутанты. Слишком им на все насрать. Тут нет того боевого сжирающего все нервы напряжения, когда постоянно ждешь вражеской атаки.

Почему они так спокойны? Со своей позиции я увидел лишь один мобильный патруль из пяти легковооруженных рыл, что неспешно шагали по направлению к каньону. Мало. Небрежно… а за такое поведение солдат в лагере я бы уже бил десятников харями в бетонную стену. Тут одного взгляда хватает, чтобы понять, насколько же им всем на все посрать…

А это что?

Из-под одного из тентов разбитого в руинах основного лагеря выползло двое и неспешно, потягиваясь, зевая по все пасти, не обращая внимания на лениво бродящих вокруг уродливых упырков, принялись что-то делать с небольшим стальным чемоданчиком. А ведь обычным гоблинам стоило бы обратить внимание на ходящих рядом мутантов…

Два гоблина в ничем не примечательной одежде и кое как напяленным поверх нее кирасами, доставали из раскрытого на дощатом столе чемоданчика какие-то кабеля, подключая их к небольшому вроде как пульту. Стоящий на столе миниатюрный дрон зашумел винтами, готовясь к подъему.

Кто эти гоблины?

Что они делают? Разведка с воздуха? Или же они устанавливают радиосвязь, поднимая дрона в качестве антенны? Если связь, то с кем? Скорей всего Дублин-5. А там с кем?

Да похер.

Подцепив гранатомет, я отошел на шаг, позволил орку шарахнуться в сторону и вжал спуск. С шипением унесшийся вниз заряд через секунду угодил в веселых гоблинов и рванул. Отбросив направляющую трубу гранатомета, я, по-прежнему оставаясь в глубине комнаты, снял с плеча винтовку и начал стрелять, в то время как Рэк с матерным ревом поливал лежащий прямо под нами дымящийся и орущий лагерь короткими автоматными очередями. За наш тыл я не волновался – там был все еще голодный Кевин.

– В сторону! – заорал орк и мы кинулись прочь от окон.

Когда в стену ударило два гранатометных заряда, заставив здание тяжело содрогнуться, мы уже добегали до первого этажа. Пронесшись через основной коридор, где с трясущихся стен и

потолка сыпалась штукатурка, мы вылетели на длинный узкий балкон с остатками фигурных каменных перилл и опять открыли огонь, накрывая раскуроченный лагерь свинцом.

Выстрел…

Подпрыгнувший мут хватается за простреленную башку и заваливается навзничь…

Выстрел.

Мимо. Пуля выбивает дымный фонтанчик из земли.

Выстрел…

Рэк опережает меня и его очередь первой пересекает спину убегающего ушлепка.

Выстрел.

Орущий мутант колотит себя по простреленному огромному животу кулаком, другим грозя небесам.

Выстрел…

– Наши справа! – заорал Рэк – Сучий Каппа опоздал!

Едва он это победно проорал, по мутантскому лагерю ударили с другой стороны, опрокинув взрывами остатки палаток и тентов, разметав мертвых и еще живых. Одновременно с этим из ущелья показался рычащий огромный грузовик, вытягивая тулово из каменных тисков.

Показался… и остановился, не собираясь приближаться по остаткам ущелья к Коротышку. Таков был мой приказ и старый Рокс не собирался его нарушать. Не знаю как насчет флангов и тыла, а вот на фронтальных подходах к осажденной зоне эти придурки вполне могли натыкать мин. Или тупо вырыть здоровенную яму, замаскировав ее ветками и говном – времени у них было немало. Дай мне столько времени и я влегкую натворю таких дел, что сильно удивится даже небольшая армия…

– У НАС БЫЛ УГОВОР!

Я рывком сместил прицел и успел рассмотреть багровое лицо огромного мутанта, прежде чем он взорвалось кровавыми ошметками от прямого попадания.

– МЫ ДЕЛАЛИ КАК ВЕЛЕНО!

Второй крикун захлебнулся собственными словами, замотал башкой, опять вскинул лицо в нашу сторону, обвиняюще тыча беспалой рукой-варежкой – МЫ ДЕЛАЛИ КАК…

Его посекли осколки, а взрывная волна довершила начатое, вбив рыхлое тело в нагромождения ломанного бетона.

– Как интересно – пробормотал я, забрасывая винтовку за спину и выпрыгивая за перилла.

Съехав по крутому склону, попутно сдирая каблуками засохшую черную слизь, я за пару секунд оказался на дне каменной чаши и неспешно зашагал навстречу палящему с двух

руку приземистому мутанту, чья обнаженная кожа выглядела так, будто его кто-то собрался пропустить через крупную терку, но остановился в последний момент.

– Я тебя! – три пули легли слева от мея – Я тебе жопу! ЖОПУ! ПОРВУ! – еще шесть пуль взрыли щебенку справа, а одна клюнула землю перед моим правым ботинком – Я ТЕБЯ ЩАС! ЭЙ!

Я отбил его обиженно потянувшуюся ко мне лапу с примотанным колючей проволокой пистолетом, успев заметить вживленный в его плоть кустарный протез указательного пальца в виде той же проволоки, которым он и жал на спуск кое-как.

– Эй! Я перезаряжу! И жопу твою гладкую! В КУСКИ! СУКА-СУКА-СУКА! ЭЛИЗАБЕТ!

– Да-да – отмахнулся я, не оборачиваясь.

– Я НЕ МОГУ!

– Чего не можешь? – мне стало чуть интересней, и я повернулся на ходу.

– Перезарядить не могу – признался урод – Запястья! НЕ! Гнутся… ОНИ! Неподвижны… пальцев… НЕТ!

– Уже неважно – опять махнув рукой, я отвернулся.

– Почему? МАТЬ ТВОЯ! ДА… ДА… давалка наша! Гладкий! ПОНЯЛ!

– Ага…

– ЖОПУ ТВОЮ! Гладкую… ЭЛИЗАБЕТ СУКА! ЛАПУЛЯ МОЯ! СУКА! ТВАРЬ! Я…

В начавшей затихать стрельбе выстрел орка прозвучал почти незаметно, оборвав нудный монолог мутанта. Я уж было обрадовался этому, но тут…

– ГЕРОЙ! – завопили из одного из окон – ОДИН ИЗ СЛАВНЫХ!

С шумом вниз полетели вытолкнутые изнутри кирпичи, в окно высунулся боец в шлеме, наплечниках и кирасах, замахавший мне рукой:

– Я видел тот выстрел! ТЫ СУПЕР! БАМ! ВЗРЫВ!

– Нахер! – рявкнул я.

– Что? – восторженный голос бойца налился изумлением и некоторым даже смущением.

– Нахер иди! – повторил я и ускорил шаг, глядя на догорающее чадное пламя посреди почернелого пятна воронки.

Меня поняли правильно и продолжения семяизвержения Каменного Коротыша не последовало. Пусть давятся своей приторной липкостью сами. А я…

А я упал на колено, успев прижать ботинком согнутой ноги катящуюся мне навстречу горящую голову и тут же дал ей увесистую пощечину. И еще одну. Стрельба давно превратилась в редкие выстрелы – здесь поблизости – но со стороны отряда

Каппы по-прежнему палили довольно часто. А я продолжал награждать горящую голову оплеухами, не глядя на изумленно отвесивших челюсти подоспевших гоблинов-кочегаров из грузовика. Рокс молоток. Послал собирать гоблинов трофеи, заставив их идти не напрямки, а по обломкам, чтобы не напороться на возможные мины. Мне посрать на желания остальных, но все трофеи достанутся моему отряду. Включая головы мутантов – что являлись одной из системных валют Дублина-5.

Оторванная голова наконец потухла, следом я потоптался на нескольких лоскутах и, вытряхнув из дымящихся тряпок склизкую подкопченную требуху вместе с опаленными ребрами, занялся изучением трофеев.

Плюнув в харю оторванной башки, поскреб ее тряпкой. Рядом стоящего гоблина вырвало прямо на подобранный им искореженный дробовик. Поймав мой взгляд, он забулькал и поскребся подальше, продолжая заливать оружие блевотой. С правой щеки кожа сошла как с запеченного яблока, но мне удалось все же разобрать остатки татуировки на расправленном дырявом лоскуте: «до вера». На правой щеке было лишь одно слово, но прочитать его удалось целиком «Выживание».

– Кредо сурвера – пробормотал я, сдавливая башку так, что внутри нее захрустел деформированный череп – Кредо сурвера мать вашу… этот девиз еще не сдох?

Отбросив вонючий сувенир, я проверил тряпки. На подкладке еще недавно качественного обмундирования нашлась надпись «Бункерснаб», а на наружной стороне нашелся еще один едва различимый девиз «Выжить всему вопреки!».

– Ладно – пробормотал я, швыряя тряпки блюющему на корточках гоблину, что уже похоронил дробовик под блевотой – Эй!

– Д-да… д-да! Не надо!

– Что не надо?

– Ни…. Ох… ничего не надо, сэр… ну нахер…

– Эти тряпки и башку отдай Каппе! Дробовик вычистишь до блеска и отдашь Роксу. Понял?

– Он же покорежен…

– Понял?

– Да, сэр! Все понял!

Развернувшись, я потопал к зданию, с чьего бетонного левого «яйца» уже свесилась веревочная лестница. На ходу я ткнул пальцем в воронку и крикнул подоспевшему Рэку:

– Собери все кроме мяса! И запихай в какой-нибудь контейнер!

– Понял. А кто это?

– Сурверы – ответил я – Сучьи сурверы… и не только они… Кто-то сильно не хотел, чтобы осажденные вернулись домой…

Первым по лестнице спустился тот самый боец. Изможденный, шатается, под поднятым забралом посеревшее лицо, руки раскрыты для широкого объятия. Остановившись в паре шагов, я ткнул в него пальцем, а затем им же указал на грузовик:

– Жопы в руки – и в машину! У вас десять минут – потом мы отбываем!

– Сэр! – восторженный вопль чуть ли не вприпрыжку подбежавшего администратора Пиквика заставил меня поморщиться. И не только меня, как я успел заметить.

– Не слушайте наемника! Я все организовал! Мы простоим здесь сколько надо! Как вы? Держитесь? Морально надо собраться и…

Мой кулак вбил его нос в лицо, а самого Пиквика швырнул на землю, где он и затих:

– Девять минут – напомнил я и зашагал к машинам – Жопы в руки, упырки! Жопы в руки! У меня много дел!

– Красиво нас спасли – вздохнул серый мужик за моей спиной – Красиво… вы слышали! Девять минут! Раненых в грузовик! Живо!

* * *

Пока мы двигались обратно по долбанному Тракту Добра, что продолжал напоминать мне однажды могущую сомкнуться каменную пасть, бойцы один за другим выдавали мне доклад, пока мы торчали на кунге дымящего трубой грузовика.

За весь объем почти мирных перестрелок отряд потерял восьмерых. На моих – ни царапинки, не считая ими самолично ободранных себе жоп, пока пробирались по руинам к условленным точкам. Ни одной из разошедшихся в разные стороны боевых групп не встретилось ни одного реально серьезного противника. Рыхлые и медленные мутанты ничуть не походили на тех, кто способен дать жесткий отпор.

Впору бы радоваться. Но я спешил убрать свою жопу из поддавшегося Мутатерра.

Слишком уж все легко прошло. А затем начали выползать из пыли незамеченные прежде сюрпризы. Для начала – глубокие здоровенные следы, что уходили от каменной чаши в трех разных направлениях, ведя за собой по небольшому отряду с ровным быстрым шагом. Я не чертов следопыт, но тут все как на картинке

– впереди идет огромный лидер, за ним топает его группа. Размер и форма следов напрямую указали на одного из тех гигантов в сером балахоне, что казнил за что-то ведомую им группу и смело наблюдал за нами с гребня стены, будто и не боясь получить пулю в гнилую башку.

Мы застали у Каменного Коротыша лишь половину осадивших его сил. Будь иначе – улились бы кровью. Задачу может и выполнили бы – но это если предположить, что серые гиганты не несут в себе никаких сучьих сюрпризов. Что особо настораживает – никто этих переростков раньше не видел. Слышать приходилось – от умирающих и сумасшедших. Бродят мол по Мутатерру яростные огромные жнецы… но мало ли чего бормочет обосранный гоблин-дезертир, бросивший своих в руинах? Таких расстреливали у особой сплошь поклеванной пулями стены.

Сурверы… гребаные сурверы, что приняли прямое участие в этом инциденте. Они участвовали лично – хотя бы в разряде непосредственных наблюдателей и связистов. И участвовали в качестве военных спонсоров, в чем я убедился, когда приказал осмотреть все трофейное снаряжение и оружие. На восьми пушках из десяти красовалось клеймо Бункерснаба. Как раз на выстрел из гранатомета налетели шестеро из восьми погибших. Выстрел был неумелым, заряд ударил в стороне от поспешных дебилов, но осколками и каменной крошкой их посекло в мелко нарубленное мясо с примесью мозгов и удивления.

Тяжелое вооружение. Вот что было поставлено сурверами своим внезапным союзникам мутантам. Дай тупому ушлепку пистолет – и он скорее себе яйца отстрелит, прежде чем попасть кому-то в голову. А вот дай тому же дебилу гранатомет, гранату или тяжелый пулемет на треноге и даже в откровенном суициде этот хреносос вполне сможет многих на тот свет. Поврежденный пулемет – какая-то механическая внутренняя поломка – достался нам в качестве посмертного подарка, обнаружившись в одном из десяти вместительных ящиков с той же самой гребаной эмблемой Бункерснаба. Семь ящиков пусты, но воняют оружейным маслом. Два ящика почти полны жестянками консервированной жратвы. А в десятом нашелся пулемет – без патронов, но зато красиво размещенный в деревянных держателей прямо как подарок на мутантский юбилей.

Уговор…

Подыхающий мутант орал про какой-то уговор и что они мол делали все как велено. Про кого он орал? Точно не про сурверов, учитывая, что первый выстрел прикончил именно ту сладкую парочку со стальным кейсом. Но он орал не про мутантов, а про

обычных гоблинов вроде меня. Мут выражал искреннее возмущение тем фактом, что мы явились по их души…

Вывод? Пока что он прост и незатейлив – кто-то из Дублина нехило намочил свои городские тугие яйца в этом кровавом компоте. Риториков Бездны хотели обезглавить чужими распухшими руками. И почти добились своего, но тут в город явился гоблин Оди, которому срочно требовалось добыть из подземного хранилища начинающие подгнивать контейнеры.

Второй вывод? Он есть и тоже прост – обычная мелкая политика. Старым зубрам невыгодно появление новых сильных игроков на их территории, и они сделают все, что избавиться от излишне ретивых юнцов.

Чем это полезно лично мне? А хер его знает. Но все прояснится быстро. Мне достаточно уронить жопу на любую городскую скамейку и просто чуток подождать и понаблюдать.

А я хочу ждать и наблюдать? Не-а. В упор не хочу. Но… мне нужна техническая база, мне нужен арсенал, и мне нужно боевое мясо, если я хочу прорваться через территорию Мутатерра дальше к гнилой сердцевине Формоза. Нельзя забывать, что мы все еще находимся на ободе колеса, а в этих мирах чем дальше к центру, тем труднее проталкивать нож в мясо и тем тяжелее крутить рукоять мясорубки…

Придется идти этим путем. Зомби солдат из мутантов наделать точно не выйдет – у Кевина не получилось ни с одним из шести зараженных. Все они просто сдохли в жутких мучениях и по моему приказу он с неохотой побросал их тела в чадный огонь сгораемого лагеря мутантов, куда я уронил пять из двенадцати чужих зажигательных гранат и столько же бутылок с огненной смесью. Мне не нужна внезапная зомбо-эпидемия – во всяком случае пока что…

Раз солдат не получится создать из подручного материала… тогда… получается, придется хорошенько замутить воду в этом долбанном болотце, а заодно выполнить хотя бы несколько до блевоты скучных ненапряжных заданий вроде сегодняшнего. Но все это будет возможно, когда здешняя система наконец-то определится с моим окончательным статусом.

Статус

Недоступно для гражданина Оди. (Ведется проверка).

С-сука! Это дерьмо неспроста! С каждым новым часом я убеждался в этом все сильнее.

Надо ждать сучьих сюрпризов…

Так и хотелось задрать голову и проорать в фальшивое небо: эй! Уродина стальная! Решай уже!».

Но я сдерживался… и одновременно все сильнее приходил в

бешенство, ощущая, как меня рвет изнутри на части от осознания, что я как манны небесной жду когда же построенная нами же машина решит наконец мою судьбу…

Я жду системную отрыжку… а система не торопиться ниспослать на голову гоблина свое решение, ведя себя как капризная сука, что тешит свое капризное нутро, с зевотой наблюдая за явившимся чужаком…

К этому мы шли? Это будущее мы строили? Машины решают, а скрестили лапки и терпеливо ждем системного вердикта…

Дерьмо!

Я уже собирался прошипеть слышимое только мне ругательство, что позволило бы выпустить чуток скопившегося вонючего пара из моей башки, но внезапно замер и сквозь недавно очищенное до блеска забрало уставился на потертое стальное небо. Или я ошибаюсь? Ведь мне только что в голову пришла еще одна возможная причина такого промедления…

Ладно… ладно…

С шумом выдохнув, я опустил башку и… тут же предупреждающе заорал на остатках воздуха. Получился сиплый хрип, но и в нем особого толка не было – мои гоблины не зря жопы вялили на встречном сухом ветерке. Каппа выстрелил первым, Рэк и Ссака среагировали следом. А я с лязгом вбил приклад дробовика в дверь грузовика и Хорхе тут же рванул руль в мою сторону, заставляя стального монстра круто свернуть и заодно ускориться под протестующий рев движка. Я заметил, как Рокс нырнул в ноги сидящего за рулем Хорхе и что-то резко дернул, после чего рев двигателя перешел в надсадный вой. Под ор кочегаров между кабиной и кунгом – кого-то сбило на землю при маневре и теперь он, хромая, бежал за нами, я вцепился в поручень на крыше кабины и буквально закинул себя наверх. Мой первый выстрел угодил точно в центр широченной груди гиганта в сером, отчего тот даже не пошатнулся. В него уже попадали до меня и под разорванной картечью тканью темнело нечто… чешуйчатое? Чем бы это не являлось, защитой оно служило отменной, влегкую выдержав винтовочный и автоматный огонь почти в упор – если по прямой, то он от нас меньше чем в пятидесяти метрах, стоя на краю расширившегося каньона и занося над головой второй немалый мешок обмотанный динамитными шашками.

Взрыв за нами был настолько силен, что я разом потерял слух, в ушах лишь противно и знакомо пищало, а меня самого впечатало шлемом в металл кабины. От ударной волны грузовик пошатнулся, в то время как бегущий перед нами внедорожник оказался под нашей защитой и его лишь слегка «шлепнуло» в

стальную жопу. Беззвучно орущий Рэк с перекошенной рожей за треснувшим забралом буквально выдернул из рук высунувшегося из кабины Рокса пулемет и вжал спуск. Длинная трассирующая очередь прочертила пыльную дорожку в бетонной осыпи, прошлась по ногами гиганта и завершилась на бомбе в его руках.

Второй взрыв разметал серого ушлепка на куски, следом обрушив фундамент здания за ним и целый склон вниз в каньон. Первые камни-пули ударили по кунгу, сбив еще троих вниз, разворотив голову одному из них, еще несколько разинули рты в криках боли, заработав переломы и ушибы. Но они хотя бы удержались на машине.

– Ходу! – заорал я одновременно с тем как ко мне вернулся слух, дважды ударив прикладом по крыше кабины, не сводя взгляда с новой огромной фигуры, что быстро – слишком быстро! – двигалась сквозь поднятое пылевое облако по краю каньона. Прыжок… гигант влегкую перемахнул метров семь, но его не удержала скособоченная плита и они вместе полетели в гущу осыпи.

– А я жопу твою в аду имела! – провопила Ссака, щелкая спуском уложенного на плечо гранатомета.

– А-А-А-А! – на какой-то хрен полезшего к наемнице сзади гоблина зажарило живьем и в дымном пламенном танце он докрутился до края кунга и рухнул вниз.

Третий…

Третий огромный силуэт я заметил у туманного края облака, после чего противник нырнул в пыль, и я его потерял. Но за спиной он нес что-то очень и очень большое, причем с невероятно длинным уставленным пока в небо стволом.

Ускорившийся грузовик качнулся и начал замедляться. Какого сука хрена?! Хорхе забыл, где педаль газа?!

Я глянул вниз и наткнулся взглядом на жопу внедорожника, что притормозил и пер вплотную, прикрываясь нами от противника сзади.

– Хорхе! Газ в пол!

– Есть!

Грузовик тяжело дернулся вперед и с лязгом боднул хитрожопых ушлепков в задницу. Завизжав покрышками, машина завиляла, из окна вылез что-то начавший орать Пиквик, но стоило ему узреть направленный на него десяток стволов, и он моментально залез обратно. Хорхе врезал нашей грузовой кувалдой еще раз и внедорожник занесло. Мы прошли мимо, ускоряясь с каждой секундой. Уронив дымящийся пулемет, Рэк вцепился себе в левое плечо и начал матерно орать, причем орать с некоторым даже восхищением и радостью. Я ему мешать не

стал. Как и Ссаке, что занималась тем же, потирая ладонью треснувший шлем.

Звук…

Этот странный свистящий мелодичный звук… даже не понять откуда он донесся… зато ясно куда он был направлен – в уцелевшем куске толстенной кирпичной стены, что высилась над краем каньона как рекламный щит у края хайвэя, появилось две сквозные руки, каждая примерно с мою руку толщиной. Следом послышался удаляющийся тройной хлопок и в последующих препятствиях за этой стеной появились сквозные дыры. На конце этого маршрута смерти на наших глазах обрушилась фасадная стена гранитного приземистого здания.

– Если жахнет нам по сраке… – глубокомысленно заметила Ссака, показывая превратившемуся в дымный пончик облаку пыли два оттопыренных средних пальца – То… то… сука… ничего крутого на язык не идет…

– Хочешь я тебе туда хер свой суну? – обрадованно предложил Рэк – Он у меня крутой!

– В задницу его сунь!

– Могу и туда!

– Себе, упырок, себе!

При этом они, да и все мы, замерли в неподвижности, ожидая еще одного выстрела. Но прошло десять секунд, потом тридцать, а мы продолжали удаляться на максимальной скорости. Но потребовалось еще несколько минут, прежде чем я хоть немного поверил в том, что нам удалось отделаться малой кровью. Наклонившись, я поднял валяющегося у меня под ногами местного ушлепка, что пытался приставить обратно к ладони оторванный камнем большой палец. Еще один палец болтался на куске кожи, остальные неестественно вывернуты. Забрав у ушлепка палец, я выкинул его в пыль и поинтересовался:

– Так что это за хмыри? Чем в нас выстрелили?

– Пальчик мой… пальчик мой подобрать надо! – глаза ушлепка разъезжались в стороны, по щекам стекали крупные грязные капли.

Зло зашипев, я оторвал ему второй палец, а остальные поочередно вправил как мог.

– А-А-А-А-А-А-А-А-А! ВЛАДЫКА-А-А!

– Так что за хмыри? – повторил я – Чем стреляли?!

– Да кто ж знает?! КТО?! За двадцать лет работы в поле никогда таких не видал!

– Уверен?!

– Да! Откуда они взялись?! Что за хрень?!

Отбросив визгуна, я глянул назад и опять простучал по

кабине грузовика. Нагнувшись, поймал взгляд Хорхе и указал на образованный обломками здания утес. Понявший меня Хорхе крутнул руль и вскоре запарковал наши жопы под защитой этой кучи. Ткнув пальцем в Ссаку, я велел:

– Ближняя разведка. Очень близкая! Если улетевшие с грузовика гоблины живы и ползут или бегут за нами – подобрать и бегом обратно!

– Есть!

– Остальным – контроль! А я… пойду отолью мочу и эмоции, с-сука…

Перед моими глазами все еще витали те сквозные дыры, что прошли через несколько толстенных стен, при этом не изменив практически траектории. Что за хрень тащил за плечами тот упырок?

– Чего вы встали, идиоты?! – Пиквик с распухшей харей не рискнул вылезти из внедорожника и орал из окна – Надо уходить!

– Заткнись! – этот приказ отдал не я, а тот придурок со странным стилем речи – Все правильно! Своих бросать нельзя!

– Семеро одного не ждут, сэр! Уж извините, но… – не договорив, Пиквик втянулся обратно в машину и затих на переднем сиденье, смотря в пыльную ветровуху перед собой.

Отойдя на пару шагов, я оросил струей чей-то благородный мраморный лик с разверстым ртом полным пыли, что торчал из обломков у моих ног. Я промыл каменный рот, заодно прочтя выбитое под ним изречение «Люди – вершина творения!». Ну-ну…

Ссака вернулась через двадцать минут, притащив с собой двоих подранков. Пропыхтевшийся грузовик уже был готов двигаться дальше, хотя движок нездорово скрежетал. Когда все погрузились, я отдал приказ и наш небольшой конвой продолжил путь к Дублину-5 и уже виднеющимся высоким привратным башням.

На далекий стрекот чужого движка я отреагировал быстро, но уже почти без эмоций – а чего жопу рвать в испуге, если мы едва слышим их, а видим лишь крупную черную точку? Но в бинокль я все же глянул… и часть эмоций вернулась, выразившись в еще одном ругательстве.

Почти на бреющим над Мутатерром двигался здоровенный грузовой самолет. Не дрон. Нет. Самолет. Причем самолет металлический, весь в заклепках, плюс переделанный в неспешный вертолет. Какое-то подобие модифицированного бомбардировщика, судя по размерам и типажу. Но такие не летали уже немало сотен лет – безнадежно устарелые. Но только не в Мутатерре, судя по всему. Ткнув ботинком продолжающего сидеть у моих ног хренососа с покалеченной лапой, я молча

указал пальцем на летящий вдали металлолом, после чего протянул ему бинокль. Спустя всего три секунды наблюдения, гоблин уверенно заявил:

– Никогда не видел ничего такого! Мутанты не летают! Да даже мы не летаем! Есть выпить че, брат? Не пожалей для раненого бойца…

От пинка Рэка раненый боец с визгом отполз от меня на пару шагов и замер на самом краю кабины. Но гримаса боли и обиды сменилась обожанием, когда орк кинул ему фляжку.

– Спасибо, сэр!

– Пойдешь ко мне в десяток, гоблин? – поинтересовался орк – Ты кто? Стреляешь? Голыми руками жопы рвешь? Хотя такими ручонками как у тебя даже подтереться с силой не получится…

– Я обозный! За длинной деньгой сюда сунулся… и вот…

– Нам и обозные нужны.

– Я…

– Да?

– Я так скажу…

– Ну?

– Я из Дублина больше ни ногой до самой смерти! – с этими словами гоблин запрокинул голову и влил в себя остатки самогона из фляги. С шумом выдохнув, он утер пасть наспех забинтованной окровавленной лапой, оставив на губах и щеках красную полосу, и заявил – В жопу Мутатерр! Я жить хочу! Лучше бомжевать на безопасных улицах, чем зашибать деньгу тут…

– Учитывая изменения… – медленно произнес я, в то время как грузовик медленно штурмовал пологий длинный подъем, увеличивая мне обзор и показывая панораму Мутатерра во всей красе – Учитывая все это дерьмо с пробиванием зданий насквозь… безопасности у вас больше нет…

– Да что ж такое – всхлипнул гоблин и на этот раз провел ладонью от лба к подбородку, стирая пыль и прочерчивая красный крест на хлебале – Откуда все это?! Пока вы не появились – ничего такого не было!

– Помолчи! – перед лицом гоблина замерло лезвие тесака Каппы – Необдуманные слова – путь к смерти.

– Да я…

– Да он прав – хмыкнул я, не отводя взгляда от панорамы Мутатерра – До нашего появления ведь тут ничего такого и не было… ты веришь в совпадения, Каппа?

– В такие? Нет, не верю. А ты, командир? Веришь, что это совпадение?

Усмехнувшись, я промолчал и поднял лицо к небу, от которого отвалился небольшой металлический лоскут и будто

уродливый осенний лист, кружась и переворачиваясь, полетел к земле. Только когда он упал где-то между зданий, я ответил:

– Повоюем – и поймем. Поубиваем – и узнаем. У меня пока три варианта в башке. И из этих трех последние два мне не нравятся больше всего… Десятники! Слушать сюда! У вас пара суток, чтобы собрать свои сквады! Рокс! Хорхе!

– Да, командир?

– Си, сеньор?

– Нам нужно три внедорожника – глянув на идущую перед нами машину, я поправился – Еще два внедорожника. Украдите, купите, отберите – мне посрать! Но чтобы техника была!

– Есть!

– Сделаем…

– И это только для начала – добавил я – Только для начала…

Наконец-то добравшись до конца склона, мы пошли по широкому финальному отрезку Тракта Добра, а нам навстречу уже пылил пяток встречающих машин. Похоже, правители Дублина-5 спешат выразить свою радость спасенным…

– Командир.

Я молча глянул на Каппу, что смотрел на приближающихся встречающих, не убирая рук от автомата.

– Какие три варианта?

– Первый очевиден.

– Совпадение – кивнул Каппа – Просто совпадение, что эти великаны появились одновременно с нами.

– Первое совпадение – поправил я – Просто пришло время, и система блеванула этими хорошо вооруженными ушлепками прямо в чашу Мутатерра. Послала, скажем, штук десять таких вот крутышей, дабы они стали десятниками для жидкого мутантского стада, чтобы оживить здешнюю сонную клоаку. То, что мы явились сюда одновременно с ними – просто совпадение. Но я мало верю в такие чудеса…

– Второй вариант…

– Продолжай…

– Система ввела их в ответ на наше появление. Она оценила наш общий ТИР и…

– Ага – зевнул я – На каждое действие есть противодействие.

– Но мы не враги системе…

– И не друзья. Мы… мы просто новая производная, Каппа. И хер поймешь как эти продвинутые системы реагируют на подобное ввод чего-то нового в старую затхлую среду. И хер его знает кем и как писаны еще действующие правила Формоза. Тут все перевернуто с ног на голову. Так что… эти твари вполне могут быть системным ответом на наше появление. Вопрос в том

сколько их, чем они располагают и на кого они нацелены – на всех гоблинов Дублина-5 сразу или только на нас.

– Достойный враг – лучшее средство от застоя в чреслах воина.

– Типа мы их трахнем? – вклинился беззастенчиво слушающий Рэк – Хера ты в джунглях правил набрался…

Каппа одарил орка презрительным взглядом, показавшим, что не стоит так буквально понимать его высказывание. Проигнорировав обоих, я продолжил размышлять вслух, не обращая внимания и на присевшую за мной Ссаку:

– И третий возможный вариант – опять совпадение, что никак не связано напрямую с нами. Или же связано только отчасти. Что мы знаем о Формозе? Да нихрена не знаем. Мы находимся в прибрежной зоне, в одном из секторов огромного мирового колеса. И мы понятия не имеем что за хрень происходит, например, в соседних секторах. Что там за Мутатерром – мы тоже не знаем. А что, если эти вот громилы в сером лишь авангард?

– Чей авангард?

– Армии – пожал я плечами – Какой-нибудь сука армии. Какой-нибудь неизвестной нам силы. Они вооружены, они умеют командовать, они ведут войну непривычными для Дублина-5 способами и средствами. Где бы они получили такое вооружение? Система выдала просто так? Нате мол сносите город к херам? Или это первый отряд, посланный в этот сектор? Посланный, чтобы закрепиться, изучить территорию, создать базу, набрать рекрутов и начать трамбовать жидкое мутантское мясо, чтобы превратить их в солдат… Помните ту гору безголовых тел, встреченную уже дважды.

– Он убил своих – подала голос Ссака – А своих так не убивают и гнить на дороге не бросают, верно? Однажды командир нашего отряда наемников шлепнул троих струсивших, что кинули нас прямо в бою и дали деру. И мы их бросили гнить в тех развалинах торгового гига-центра…

– Дезертиры – кивнул я – Да… показательная казнь дезертиров. Или еще хлеще. Как там по канонам? Один из десятка сбежал – весь десяток жопами на колья. И ведь если так прикинуть – здешним мутам это только на пользу. Они так и так погибали в неравных боях с дублинцами. Теперь же им снова погибать, но хотя бы с нехилым шансом пустить кровь врагу…

– Хреново – подытожила Ссака – Что делать будем, лид?

– Вооружаться, множиться и готовиться – ответил я – А еще надо узнать когда там был последний штурм мутантами Дублина-5. Эй! Беспалый!

– Есть еще выпить?!

– Когда последний раз мутанты устраивали рейд?

– Да давненько уже. В городе говорят, что следующий вот-вот… опять покрошим в фарш уродов! – осклабился серый от пыли гоблин, но улыбка быстро съехала с его лица – Хотя…

Его «хотя» было понятно – он вспомнил про великанов в сером и понял, что если они примут участие в следующем штурме, то хер его знает кто кого покрошит в фарш…

– Хорхе!

– Да?

– Двигай прямо! Не разъедутся – тарань к херам! Я жрать хочу. Так что прямиком к зданию сраных Риториков.

– Мы вообще то все слышим – вздохнула лежащая ничком девка в забинтованной головой – Но я проставляюсь…

– Еду прямо! – проорал Хорхе.

Не сбавивший скорости грузовик завыл ревуном и продолжил переть на вставшие на пути машины. Те оставались неподвижны секунд десять, прежде чем поспешно подать жопы назад, пропуская нас к вырастающему Дублину-5 с его недостроенной защитной стеной, окутанной дымами.

– Армия – произнес я, поднимаясь и глядя на мрачный город – Мне нужна долбанная армия.

Конец книги.